

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Российский государственный гуманитарный университет»

На правах рукописи

Коровкина Марина Евгеньевна

**Теоретические аспекты смыслового моделирования специального
перевода с родного языка на иностранный (на материале
публицистических текстов экономической тематики)**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель – доктор филологических наук,
профессор Н.И.Рейнгольд

Москва, 2017

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Сравнительный двухаспектный анализ перевода	13
1.1 Смысловое моделирование перевода с учетом языковой картины ...	13
1.1.1 Анализ коммуникативных аспектов переводческой эквивалентности.....	13
1.1.2. Современные подходы в России и за рубежом к специальному переводу с родного языка на иностранный	31
1.2 Моделирование профессиональных переводческих компетенций (ППК): прагматический аспект	36
1.2.1 Анализ современных концепций языковой личности и языковой картины мира (переводческий аспект)	36
1.2.2 Современные подходы к толкованию терминов «компетенции/компетенция» vs. «компетентность».....	42
1.2.3 Анализ существующих концепций профессиональных переводческих компетенций (ППК)	48
1.2.4 Модель профессиональных переводческих компетенций (ППК) профессиональной вторичной языковой личности	66
1.3. Выводы по главе 1	70
Глава 2. Языковые картины мира родного и иностранного языков в переводе.....	73
2.1. Анализ различных подходов к изучению языков для специальных целей (ЯСЦ - LSP)	73
2.2. Аспекты предметной составляющей экстралингвистической компетенции модели ППК	83
2.3. Языковая асимметрия в картинах мира родного и иностранного языков.....	87
2.3.1. Аспекты коммуникативной компетенции модели ППК	87
2.3.2. Анализ дискурсивной составляющей коммуникативной компетенции модели ППК	98
2.4. Перевод специальных текстов с учетом различий языковых картин мира в соотносимых ЯСЦ (LSP)	100
2.4.1. Жанрово-стилистическая функция текста в переводе	101
2.4.2. Асимметрия языковых картин мира: дискурсивный аспект.....	107
2.4.2.1. Передача денотативной информации в переводе: терминологический аспект	108

2.4.2.2. Передача денотативной и экспрессивной функций текста в переводе: языковая асимметрия	111
2.5. Выводы по главе 2	121
Глава 3. Систематизация структурных и смысловых преобразований в компетентностно-интерпретационной модели перевода.....	123
3.1 Интерференция и способы ее преодоления в специальном переводе.....	123
3.2 Контекстуальные несоответствия и пути их преодоления в специальном переводе.....	127
3.2.1 Структурно-смысловые преобразования семантического уровня	127
3.2.2 Переводческие трансформации на лексико-грамматическом уровне	141
3.2.3 Моделирование специального перевода на стилистическом уровне	153
3.3 Выводы по главе 3	165
Заключение.....	167
Список использованных источников и литературы	173
Приложение 1. Описание структуры и содержания учебно- методического комплекса по специальному переводу с родного языка на иностранный.....	189
Приложение 2. Фрагменты авторского учебно-методического комплекса	203

Введение

В настоящее время отмечается расцвет переводческой деятельности, вызванный активным развитием контактов в различных областях науки, техники, экономики, в сферах политики, социальных отношений и др. Эти разные отрасли знания обслуживаются языками для специальных целей (ЯСЦ - LSP), которые в данной диссертации рассматриваются с позиций анализа языковой личности, их использующей.

Особенности перевода текстов специальной коммуникации изучаются на материале экономико-публицистического дискурса. Этот процесс исследуется в двух аспектах. Во-первых, как субститутивно-трансформационное действие, которое понимается как «процесс реализации деятельности переводчика по преобразованию ИТ в ПТ путем применения субституций и различных межъязыковых трансформаций» [Олейник, 2014: 141]. Во-вторых, как коммуникативно-деятельностный процесс, в котором «перевод представляет собой повторное порождение (речепорождение) текста оригинала на новой языковой основе в других коммуникативных и культурных условиях» [там же].

Для согласования этих двух подходов в настоящем диссертационном исследовании выявляются закономерности смыслового моделирования перевода, отражающие и объясняющие опыт лингвистических и речепорождающих моделей перевода, связанных с языковой картиной мира. В этом случае одной из особенностей такого моделирования является характеристика профессиональной языковой личности переводчика, т.е. набора тех знаний, умений и навыков (компетенций), которыми он должен обладать для создания переводного текста (ПТ).

Объект диссертационного исследования представлен структурными и смысловыми преобразованиями, производимыми при специальном

переводе с родного языка на иностранный (на материале публицистических текстов экономической тематики).

Предметом исследования являются компетентностные и интерпретационные основания смысловых и структурных преобразований в специальном переводе с родного языка на иностранный (с русского на английский).

Неотъемлемой составляющей процесса перевода признается сама личность переводчика. Для описания этого идеального конструкта – личности переводчика – в исследовании вводится новый термин «профессиональная вторичная языковая личность», этимология которого берет свое начало в традиционных отечественных лингвистических исследованиях, но дополняется расширенным смыслом.

Компетентностные характеристики вторичной языковой личности рассматриваются во взаимосвязи с тезаурусом «первичной» языковой личности, в который входят знания о мире (энциклопедические знания), а также о культуре и предметных областях, связанных с языками для специальных целей (ЯЦИЦ-LSP). Эти знания, представляя собой важный компонент переводческих компетенций, содействуют развитию переводческих умений по использованию интерпретационных критериев при переводе с *родного языка на иностранный* в целях преодоления межъязыковой асимметрии. Интерпретация основывается на выявлении лингвоспецифичных признаков описания ситуации на родном и на иностранном языках и, соответственно, их эксплицитном или имплицитном представлениях, способствующих преодолению таких асимметрий.

Актуальность диссертационного исследования определяется необходимостью последовательного сближения в переводоведении субститутивно-трансформационной и коммуникативно-деятельностной парадигм, а также совершенствования принципов теоретического

моделирования переводческой деятельности с учетом как культурной, так и личностной составляющих.

Ранее при изучении специального перевода не акцентировалось внимание на рассмотрении вторичной языковой личности в качестве важного фактора переводческого процесса. Вне поля зрения исследователей оставался создатель конечного продукта перевода – переводчик, его знания, умения и навыки. Кроме того, недостаточно полно выявлялась связь между качеством ПТ и языковым, а также концептуальным тезаурусом переводчика в аспектах анализа как первичной, так и вторичной языковых личностей.

Метод интерпретационного моделирования перевода текстов специальной коммуникации с родного языка на иностранный может быть дополнен критериями компетентностного моделирования с учетом языковых асимметрий в картинах мира двух языков. В современном переводе объединение интерпретационных и компетентностных факторов сближает субститутивно-трансформационный и коммуникативно-деятельностный подходы. Актуальность разработки моделей специального перевода с родного языка на иностранный обусловлена также прагматическими причинами. Интенсификация деловых и языковых контактов требует постоянного повышения качества таких переводов в связи с тем, что меняются экономические интересы российских субъектов деловой активности: растет их стремление к продвижению собственных разработок.

В соответствии со сказанным в диссертационном исследовании выдвинута следующая **гипотеза**.

Для преодоления языковой асимметрии переводчик вынужден прибегать к переводческим трансформациям, которые основаны на интерпретационном факторе с учетом взаимодополняемости и относительно широкой взаимозаменяемости имплицитных или

эксплицитных элементов и признаков ситуации при переходе от ИЯ к ПЯ. Свойства языковой асимметрии, на которых обычно построены интерпретационные модели перевода, могут и должны быть дополнены компетентностным фактором профессиональной вторичной языковой личности в аспекте порождения ПТ.

Именно поэтому в диссертационном исследовании предлагается *компетентностно-интерпретационная модель* перевода, дополняющая известный теоретический опыт, и выделяются ее ключевые элементы, Термин «модель» одновременно употребляется в расширительном и в ограничительном значениях. Первое охватывает всю глубину функций интерпретации в процессе перевода (идеальная модель перевода). Во втором учитываются профессиональные переводческие компетенции (ППК) вторичной языковой личности с опорой на возможности их языковой реализации (реальная модель перевода). В случае межъязыковой асимметрии, для передачи смысла переводчик прибегает к интерпретации и может изменять референцию, прибегая к переводческим трансформациям. Переводческая трансформация, направленная на интерпретацию смысла, оказывается связанной с языковыми и экстралингвистическими компетенциями в аспекте ПЯ, помогающими устанавливать границы вариативности, зависящие от инварианта смысла.

Целью диссертационного исследования является выявление и систематизация компетентностных и интерпретационных факторов, обуславливающих структурные и смысловые преобразования в специальном переводе. Те же самые факторы служат основанием для деятельностного моделирования перевода, которое возможно проанализировать в аспекте перевода с родного языка на иностранный.

Указанная цель обуславливает постановку и решение следующих **задач:**

1. проведение критического анализа лингвистических и интерпретационных моделей перевода в рамках субститутивно-трансформационного и коммуникативно-деятельностного подходов;
2. систематизацию факторов, обуславливающих процесс перевода как деятельности, включающей ситуационный, лингвокультурологический и личностный аспекты;
3. рассмотрение роли личностного фактора в специальном переводе с учетом взаимосвязи первичной и вторичной языковых личностей;
4. подбор и анализ фактического языкового материала; выявление особенностей языкового перевыражения смысла с родного языка на иностранный на базе ЯСЦ (LSP);
5. разграничение компетентностных и интерпретационных составляющих в деятельности переводчика (на материалах русско-английского экономико-публицистического перевода) по результатам анализа факторов, влияющих на предметную составляющую экстралингвистической компетенции, а также с учетом лингвистической и дискурсивной составляющих;
6. систематизацию параметров, лежащих в основе интерпретационных моделей перевода с опорой на сопоставительную инвентаризацию языковых асимметрий между родным и иностранным языками;
7. в качестве **прикладной практической задачи** также предусматривалось создание инновационной учебной программы специального перевода, проект которой представлен в Приложениях 1 и 2.

При выборе **теоретических основ исследования** мы опирались на фундаментальные положения теории перевода (Я.И. Рецкер, В.Г. Гак, В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер, Л.К. Латышев, А.Л. Семёнов, Н.В. Иванов, М. Ледерер (M. Lederer), П. Ньюмарк (P. Newmark), Д. Селескович (D. Seleskovich), Ж.-П. Винэ и Ж. Дарбельне (J.-P. Vinay/ J. Darbelner)); теории

коммуникации (Е.В. Сидоров, Тен Ван Дейк (Teun A. Van Dijk)); лингво-когнитивного анализа и вытекающей из его научного поля фреймовой теории перевода (Н.Д. Арутюнова, В.И. Заботкина, Е.С. Кубрякова, Р.И. Павиленис, Н.К. Рябцева, В.И. Хайруллин, А. Вежбицкая (A.Wezbicka), Дж. Лакофф (G.Lakoff); теории языковой личности (Ю.Н. Караулова и И.И. Халеевой); теории ЯСЦ (LSP) (А.А. Майборода, Т. Кабре (T. Cabre), Дж. Драскау (J. Draskau), Г. Питча (H. Pitch)) и компетентностных подходов И.А. Зимней и Н.Н. Гавриленко.

Работа была ориентирована на методологию переводческого моделирования с учетом принципов структурного и функционального лингвистического анализа (Р.Якобсон). В ней использовались **методы** дискурсивного, контекстуального и компонентного смыслового анализов. Кроме того применялись методы коммуникативно-деятельностной и лингво-когнитивной интерпретации переводного высказывания.

Материалом для исследования послужили статьи по экономической тематике, в том числе подборка из газеты «Ведомости» за период с 2004 по 2015 гг., переводы которых выполнялись автором диссертационного исследования по заказу ряда зарубежных издательств. Все тексты подверглись профессиональной редакции специалистов – носителей английского языка. Варианты перевода предложений и их отдельных элементов рассматривались с позиций межъязыковых преобразований (референциальных и грамматических изменений), производимых в процессе перехода от ИЯ к ПЯ. В общей сложности было проанализировано более четырех тысяч примеров.

Научная новизна исследования определяется его целью и поставленными задачами. Новыми представляются: критический анализ интерпретационных моделей, используемых в специальном переводе с родного языка на иностранный; выделение совокупной взаимосвязи компетентностно-интерпретационных факторов перевода и на этой основе

формулирование базовых положений *компетентностно-интерпретационной модели* перевода специальных текстов по экономической тематике. Впервые в отечественном переводоведении была проведена систематизация переводческих компетенций в масштабе смысловых и выразительных задач, решаемых в переводе.

На защиту выносятся **следующие положения:**

1. Предлагаемая в исследовании *компетентностно-интерпретационная модель* перевода представляет собой форму деятельностного моделирования процесса перевода, учитывающую межъязыковые асимметрии, а также профессиональные компетенции переводчика в аспекте ПЯ. Данная модель обнаруживает особую эффективность при переводе с родного языка на иностранный и может служить основанием для продуктивного сближения субститутивно-трансформационного и коммуникативно-деятельностного подходов к переводу. Лежащий в её основе *компетентностно-интерпретационный* подход обладает широкой практической направленностью, обеспечивает специалиста совокупностью критериев для анализа и профессиональной оценки действий, осуществляемых в *компетентностно-языковом* и *интерпретационном* аспектах.
2. На уровне языковых способов выражения картины мира языковая асимметрия отражает сущностную константу перевода и может приводить к межъязыковой интерференции – основному негативному фактору в переводе. Межъязыковая интерференция относительно легко преодолевается в переводе с иностранного языка на родной (с английского на русский) и в меньшей степени поддается контролю и нейтрализации в переводе с родного языка на иностранный. Для успешного преодоления этого негативного

явления в специальном переводе с родного языка на иностранный важно учитывать взаимодействие интерпретационных и компетентностно-личностных факторов в работе переводчика. В связи с этим при практической подготовке переводчика следует стремиться к максимальной нейтрализации любых возможных проявлений межъязыковой интерференции (за исключением естественных межъязыковых совпадений). Это достигается лишь при высоком уровне подготовки переводчика как профессиональной вторичной языковой личности, что учитывается в рамках компетентностно-интерпретационной модели перевода.

3. При переводе в условиях асимметрии планов содержания и выражения ИЯ и ПЯ выбор эквивалентов происходит на основе приемлемых интерпретационных изменений в переходе от ИТ к ПТ, традиционно именуемых переводческими трансформациями. Всякая трансформация в переводе представляет собой определенную интерпретационную фигуру, в которой при сохраняющемся тождестве смысла происходит смена референций (изменение референциальной функции знака). Последнее, как правило, также предполагает необходимые формальные структурно-языковые преобразования в масштабе предложения.
4. Межъязыковая асимметрия проявляется на всех уровнях языка и речи – на грамматическом, семантическом, стилистическом и прагматическом. При переводе с родного языка на иностранный она приводит к пресуппозиционной языковой интерференции и языковым ошибкам в аспекте ПЯ/ПТ. Систематизация переводческих трансформаций и приемов, предусматривающих разрешение проблемы межъязыковой асимметрии и представленных в виде структурных и смысловых

преобразований с целью сохранения плана содержания перевода, снижает уровень интерференции при переводе с родного языка на иностранный и повышает качество перевода.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии интерпретационного подхода к переводу; в определении путей сближения субститутивно-трансформационного и коммуникативно-деятельностного направлений исследований в переводоведении, в формулировании базовых положений компетентностно-интерпретационной модели перевода на материале специального перевода с родного (русского) языка на иностранный (английский) публицистических текстов экономической тематики; в расширении масштаба и аспектов анализа переводческих трансформаций.

Практическая значимость работы выражается в детальном анализе процесса перевода; в раскрытии возможностей применения полученных результатов в дальнейших переводческих исследованиях по теории и практике перевода. Результаты исследования могут быть полезны при выстраивании межкультурной коммуникации, в профессиональном опыте преподавания перевода, а также в различных сопоставительных курсах английского и русского языков. Кроме того **практическая значимость** определяется подготовленным на основе материалов диссертации авторским учебно-методическим комплексом (УМК) по преподаванию специального перевода с русского языка на английский публицистических текстов экономической тематики, фрагменты которого помещены в Приложении 2 к диссертации.

Апробация работы: основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в публикациях автора, представлены в докладах на российских и международных научных конференциях.

Диссертационное исследование содержит введение, три описательных главы, заключение, список литературы из 258 наименований и два приложения.

В тексте мы пользовались как общепринятыми сокращениями, так и новыми, созданными в соответствии с содержанием работы: ЯСЦ – языки для специальных целей (LSP – languages for special purposes); ИТ – исходный текст; ПТ – переводной текст; ПЯ – переводящий язык; ИЯ – исходный язык; ППК – профессиональные переводческие компетенции; ЛФ – лексические функции; СП – семантический параметр; КИ – категория интенсивности; УМК – учебно-методический комплекс.

Глава 1. Сравнительный двухаспектный анализ перевода

1.1 Смысловое моделирование перевода с учетом языковой картины

1.1.1 Анализ коммуникативных аспектов переводческой эквивалентности

Проблема переводимости текстов всегда была в центре внимания ученых-переводоведов. Многочисленные дискуссии по этому поводу и переводческая практика привели к убедительному выводу о принципиальной возможности перевода. Процесс и результаты переводческой деятельности анализировались с лингвистических позиций с опорой на саму систему языка. Так, Л.С. Бархударов называл переводом «процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке», важным признаком которого является «сохранение неизменного плана содержания, то есть значения» [Бархударов, 2008: 11]. При этом он оговаривает относительность такой возможности, так как «при межъязыковом преобразовании неизбежны

потери, то есть имеет место неполная передача значений, выражаемых текстом подлинника» [там же]. Поэтому для минимизации подобных потерь при переводе необходимо учитывать всю «систему языковых средств, а не разрозненные или случайно выделенные элементы, из которых иные, будучи взяты совершенно порознь, оказываются даже и непереводаемыми» [Федоров, 2002: 270]. По определению В.Н. Комиссарова: «Перевод – это вид языкового посредничества, при котором на другом языке создается текст, предназначенный для полноправной замены оригинала в качестве коммуникативно равноценного последнему» [Комиссаров, 2002: 53] или «задача перевода – обеспечить такой тип межъязыковой коммуникации, при котором создаваемый текст на языке рецептора (на «переводящем языке» - ПЯ) мог бы выступать в качестве полноценной коммуникативной замены оригинала и отождествляться рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, структурном и содержательном отношении» [там же: 43]. Эту точку зрения поддерживает Л.К. Латышев. По его мнению, главное в переводе – достижение «эквивалентности реакций адресата, получающего перевод, и адресата, получающего оригинал» [Латышев, 2001: 25]. Это подразумевает, что «исходный и переводной тексты должны быть в первую очередь равноценны по своей способности вызывать реакции у своих адресатов» [там же]. Данную способность Л.К. Латышев называет «регулятивным воздействием».

В этих определениях, как отмечает Д.М. Бузаджи, отправной точкой является восприятие рецептора, что не может служить объективным критерием [Бузаджи, 2011: 44, 49]¹. Автор предлагает свое определение перевода: «Переводом мы предлагаем считать текст на переводящем

¹ Этот комментарий Д.М. Бузаджи относится только к определению перевода, данному В.Н. Комиссаровым.

языке, призванный воспроизвести максимум коммуникативно релевантной информации, содержащейся в тексте на исходном языке, с учетом ее относительной коммуникативной ценности» [там же: 52]. «Под коммуникативно релевантной информацией мы предлагаем считать информацию, существенную для достижения целей коммуникации» [там же]. На выработку умения отличать коммуникативно релевантную информацию от нерелевантной, что так же справедливо отмечает Д.М.Бузаджи, у переводчика обычно уходят годы; иногда передача такой информации происходит на интуитивном уровне. Именно поэтому профессия переводчика требует особенно высокой квалификации.

Все вышеприведенные определения основаны на лингвистическом подходе к переводу, исходящем от изучения языка и сопоставления оригинала и перевода в конкретных текстах в рамках субститутивно-трансформационного научно-исследовательского подхода (Олейник А.Ю., 2014), при котором инвариант содержания передается при помощи переводческой эквивалентности. Определение коммуникативно значимой информации в качестве инварианта содержания, предложенное Д.М. Бузаджи, по сути означает интерпретацию смысла оригинала и его воссоздание переводчиком с помощью средств ПЯ.

Интерпретацию в переводе мы трактуем в духе семиотических подходов, теории интерпретации текста и теории информации (Ч.С.Пирс (С. S.Pierce), В.Л. Наер, Л.А. Черняховская, А.Н. Крюков, Э.Н.Мишкур) (см.Убоженко И.В., 2016). И в случае понимания и осмысления текста, и в случае перевода интерпретация – это «фундаментальное действие интеллекта – понимание и объяснение» [Крюков, 1988: 44]. Однако «интерпретация при переводе не ограничивается лишь аспектом непосредственного понимания исходного текста... Задача переводчика в аспекте интерпретации <...>:

воспроизвести или выявить в первую очередь тот смысл, который создает внутреннюю смысловую форму содержания. Обычно, это – предметные, прагматические, эмоционально-оценочные смыслы...» [Иванов, 2014: 129-130]. В каждом языке конкретные способы выражения таких предметных, прагматических и эмоционально-оценочных смыслов лингвоспецифичны, потому что связаны с картиной мира носителя языка и лингвосоциума в целом.

В переводе интерпретация имеет отношение к определению инварианта смысла оригинала: «в переводе интерпретация направлена на идентификацию объекта (обозначаемого)» [там же: 126]. Таким образом, «тождество и неизменность обеспечиваются смысловыми факторами интерпретации» [там же: 127]. При интерпретации смысла переводчик выходит за рамки текста и привлекает внеязыковую действительность. «Каждый язык описывает ситуацию по-своему. Но это не значит, что в каждом языке нам буквально даны разные миры. Каждому языку противостоит одна и та же ситуация описания. При этом реальная ситуация гораздо шире любого языкового варианта ее описания. Ни один язык не способен представить исчерпывающее описание даже самой простой внешней ситуации. Но каждый язык именуется ключевые элементы ситуации – так, что в сознании субъектов (автора и адресата) возникает образ ситуации в целом. Один язык ориентируется на одни, другой – на другие элементы ситуации. Глубина, ширина охвата ситуации может варьироваться» [там же: 132]. Переводчик, интерпретируя смысл, выбирает способы описания предметной ситуации, типичные для ПЯ, которые могут быть отличны от способов описания ситуации в ИТ. Эти различия связаны с расхождениями в импликациях и языковых пресуппозициях, представляющих собой общность знаний участников коммуникации того или иного лингвосоциума (Падучева Е.В. 1985; Лурия А.Р., 1998; Филлмор Ч. (Fillmore Ch.), 1972).

Интерпретация в переводе возможна только на основе общности пресуппозиций. Некоторые признаки описания ситуации выражаются эксплицитно, другие – имплицитно, а общие знания позволяют эти признаки восстановить и эксплицитно выразить их при переводе, или, наоборот, опустить, если в том есть необходимость, обусловленная требованием достижения эквивалентности.

Эквивалентность – ключевое понятие переводоведения. В лингвистическом (субститутивно-трансформационном) подходе к переводу под эквивалентностью понимается относительная общность содержания – смысла перевода и оригинала. «Эквивалентный перевод – это перевод, воспроизводящий содержание оригинала на одном из уровней эквивалентности» [Комиссаров, 2002: 112]. Общепринята пятиуровневая модель эквивалентности В.Н. Комиссарова. Как считает Н.К. Гарбовский, предпосылкой эквивалентности является «соответствие между исходным сообщением и переводным» [Гарбовский, 2004: 236].

Впервые проблема достижения эквивалентности в переводе была поставлена в коммуникативной модели перевода, предложенной О. Каде и Лейпцигской школой перевода. Представители этой школы, обратившись к теории коммуникации, признали переводчика промежуточным звеном, обеспечивающим коммуникацию между разноязычными отправителем и получателем информации, и стали оперировать термином «коммуникативная эквивалентность», означая необходимость передачи инварианта содержания текста. При этом они не принимали во внимание внеязыковую действительность, выраженную в тексте, а сосредоточились на языковых структурах [Прунч, 2015: 50].

Усложнение взгляда на перевод привело к построению модели перевода Ю. Найдой (Eu.Nida)-А.Д. Швейцером, признающих этот процесс актом межъязыковой-межкультурной коммуникации (Nida Eu. и

Taber Ch., 1974; Швейцер А.Д., 1988). В эту модель были введены новые компоненты, такие как культуры языков оригинала и перевода, и обе предметные и коммуникативные ситуации. Таким образом, в данной модели учитывались достижения коммуникационной теории перевода и сопоставительной стилистики Ж.-П. Винэ и Ж. Дарбельне (J.-P. Vinay и J. Darbelnet). Последние, сравнивая особенности двух пар языков (французского и английского), приблизились к необходимости при переводе обращения к культуре [Прунч, 2015: 49].

Вместе с тем суть переводческих преобразований при передаче смысла оригинала на ПЯ в этих моделях не была раскрыта. Описание процесса преобразования ИТ в ПТ было выполнено в рамках других переводческих моделей: трансформационной, компонентного анализа, семантической (модель «Смысл-Текст») и ситуативной (денотативной).

Моделирование перевода представляет собой схематичную характеристику этого процесса и выделение его значимых признаков. Под лингвистическим моделированием А.Л. Семёнов понимает «создание теоретических моделей, которые раскрывают сущность перевода на основе критериев соответствия текстов перевода оригиналу, обусловленного объективным решением проблемы эквивалентности единиц исходного языка единицам языка перевода» [Семёнов, 2013: 30].

Переводоведы неоднократно предпринимали и продолжают предпринимать попытки описания самой сути преобразований ИТ, совершаемых переводчиком в процессе перехода от ИТ к ПТ.

А.Д. Швейцер описал трансформационную модель (порождающей грамматики), одним из подвидов которой являются модель «Смысл-Текст» И.А. Мельчука, модели компонентного анализа и ситуативная. Они отражают моделирование отдельных аспектов переводческих преобразований текста при переходе от ИТ к ПТ. А.Л. Семёнов

причисляет к ним также пятиуровневую схему эквивалентности В.Н. Комиссарова и теорию соответствий Я.И. Рецкера. На наш взгляд, данные модели находятся между собой в диалектическом единстве. Модели, предложенные А.Д. Швейцером, касаются отдельных аспектов переводческих преобразований, а модели В.Н. Комиссарова и Я.И. Рецкера представляют собой конкретный алгоритм действий при передаче смысла с позиций требований переводческой эквивалентности, применяемых во всех случаях моделирования перевода.

Трансформационная модель характеризует отход от поверхностных структур языка, выраженных словами, к глубинным компонентам смысла при помощи различных вариаций в грамматических структурах. Эта переводческая модель заимствована из порождающей грамматики Н. Хомского (N.Chomsky). На наш взгляд, она может быть применена при переводе небольшого числа грамматических конструкций, так же как и модель компонентного анализа, анализирующая «составные части значения слова, или семантические компоненты (именуемые в другой терминологии «семами» или «семантическими множителями»), а также ... принципы их соединения и структурной организации» [Швейцер, 1973: 44]. В значительной мере их объединяет семантическая модель «Смысл-Текст» И.А. Мельчука (2012), рассматривающая порождение речевой деятельности, выражающееся в создании текстов. Она «отражает закономерности преобразования смысла в текст и обратно..., то есть процесс построения текста говорящим на основе определенного смысла (или, иными словами, синтеза речевого высказывания) и извлечения смысла из текста слушающим (т.е. анализа)» [Швейцер, 1973: 49]. Эта модель, как и трансформационная или порождающей грамматики, также оперирует терминами поверхностных и глубинных структур языка. В последние входят глубинный синтаксис и глубинная семантика, что выражается такими понятиями как лексические функции и семантические

параметры. Лексическая функция передает смысловую связь между ключевым словом и некоторым другим словом или словосочетанием, семантический параметр представляет элементарный смысл, присоединяемый во фразе к смыслу ключевого слова. При этом выбор конкретной лексической единицы, служащей для выражения СП, определяется ключевым словом. Например, СП *начало действия* (*Inser*) с ключевым словом *буря* выражается глаголами '*начинаться*', '*разыграться*'; а слова *дискуссия* – '*разгораться*' и т.д. В модели «Смысл-Текст» выделяются такие параметры как *Oper* (*совершать*), '*Func*' (*исполнение*), *Fin* (*переставать*), *Degrad* (*деградировать*), *Magn* (*большой* – обозначающий высокую степень, интенсивность) и др. Использование этой модели при переводе помогает абстрагироваться от словесной оболочки, выражающей смысл в конкретном языке, и перейти к глубинным структурам его воплощения, чтобы затем отразить тот же самый смысл лингвоспецифичными средствами языка перевода (Мельчук И.А., 2012). В настоящее время это действие называется девербализацией и ревербализацией на основе интерпретации смысла.

Сам автор этой модели считает, что она обладает чисто национальным характером и разрабатывается для конкретного естественного языка: «...подход «Смысл-Текст» предполагает свой семантический язык для каждого естественного языка L. Этим данный подход существенно отличается от семантической теории Анны Вежбицкой, нацеленной на построение универсального семантического языка, словарь которого состоит из семантических примитивов – элементарных, т.е. неразложимых, смыслов» [там же: 40]. Очевидно, что глубинный смысл лексических функций и семантических параметров на семантическом языке един, но его передача поверхностными структурами в разных языках лингвоспецифична.

Таким образом, модель «Смысл-Текст» помогает найти правильную лингвоспецифичную сочетаемость слов при переходе от одного языка к другому, что, как известно, представляет собой серьезную проблему при переводе. Однако в ней не учтены случаи изменения признаков описания ситуации при переводе, когда возникает повышенная необходимость в интерпретации смысла. Тогда на помощь приходит ситуативная модель перевода, подробно описанная в работах В.Г. Гака. А.Д. Швейцер назвал эту модель ситуативной [Швейцер, 1973: 54], а А.Л. Семёнов – денотативной, так как она «создает фундамент для рассмотрения особенностей и возможностей интерпретации средствами языка перевода денотатов, описанных языком оригинала» [Семёнов, 2013: 30]. В этой модели использован термин «предметная ситуация», соотносящий фрагмент внеязыковой действительности с ее описанием в тексте, из чего вытекает языковая избирательность при выборе признаков для отражения предметной ситуации. Такая избирательность и несовпадение признаков в разных языках приводит к контекстуальным несоответствиям, которые могут быть разрешены с помощью переводческих трансформаций, основанных на переводческой интерпретации. Также как и модель «Смысл-Текст», использование которой возможно только на основе общности пресуппозиций, ситуативная модель для достижения эквивалентности предусматривает попытку ввести в перевод внеязыковую действительность, стоящую за текстом. О необходимости при переводе учитывать внеязыковую действительность писали многие ученые-переводоведы. Это породило множество терминов, по-разному называющих это требование: национальной спецификой, национальным фактором или влиянием культурного фактора (Швейцер А.Д.), прагматическим и экстралингвистическим фактором (Бархударов Л.С.), культурологическим аспектом (Комиссаров В.Н.), лингвоэтническим барьером (Латышев Л.К.) [Евтеев, 2016: 382]. Добавим к этому списку

понятие «фоновой информации» или «лексического фона» Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова (2005).

Когнитивная лингвистика расширила понятие эквивалентности, введя в процесс перевода внеязыковую действительность: «За словом в разных языках стоят нетождественные когнитивные модели, а именно эти модели и надо «переводить» [Пищальникова, 2002: 21], так как «взаимоотношение двух языковых систем в сознании субъекта устанавливается не на уровне знаков и правил, а на уровне смыслов этих знаков и правил, т.е. на когнитивном уровне языкового сознания» [Цветкова, 2001: 74]. Несовпадение когнитивных моделей в разных языках ведет к несовпадению языковых структур и невозможности дословного или приближенного к дословному перевода на первом-третьем уровнях эквивалентности модели В.Н.Комиссарова.

Такое расширительное понимание эквивалентности на современном этапе используется во фреймовой теории перевода, описывающей лингво-когнитивные переводческие модели. В ней учтены различные признаки ситуации, избираемые разными языками при ее описании, обусловленные несоответствиями в языковых картинах мира. Фрейм отражает «структуру данных для представления стереотипной ситуации» [Хайруллин, 2009: 14], ибо в нем заключена структура переработки и хранения информации. Фреймы оказывают огромное воздействие на процесс перевода, так как «выполняют весьма значимую роль в функционировании языка: они помогают устанавливать связность текста, обеспечивают вывод необходимых умозаключений, ставят контекстные ожидания, с помощью которых прогнозируются будущие события на основе уже встречавшихся сходных событий» [там же: 9]. Установление связности текста, обеспечение необходимых инференций и вероятностное прогнозирование – все это основано на общности пресуппозиций, которые делают возможным порождение смысла при помощи модели «Смысл-

Текст» и фреймовой теории перевода. Фрейм также можно признать единицей перевода [Семёнов, 2013: 42], что предполагает разноуровневость его выражения в конкретном языке.

Второй важный момент фреймовой теории перевода связан с интерпретацией смысла. Когда на уровне поверхностных языковых (грамматических и лексических) структур употребляется определенное слово (или словосочетание) в соответствующем грамматическом оформлении, происходит активация терминала фрейма (по терминологии В.И. Хайруллина [Хайруллин, 2009: 15]. Словесное выражение может получить только один его признак, который соответствует конкретному признаку описания предметной ситуации в данном языке. В разных языках при активации одного и того же фрейма могут выделяться и словесно оформляться совершенно различные признаки. Следовательно, эксплицитно называется только часть фрейма, а остальные его части имплицитуются, что объясняет языковые и контекстуальные несоответствия и может послужить основой для интерпретации смысла при переводе. Систематизация подобных несоответствий показывает, что все трансформации, используемые для их преодоления при переводе, основаны на различиях именно в имплицитном-эксплицитном представлении признаков (что будет доказано во второй и третьей главах диссертационного исследования).

В контексте когнитивного подхода рассматривается также используемое в настоящем исследовании определение эквивалентности, данное С.В. Евтеевым: под «эквивалентностью можно понимать способность переводного текста выступать в качестве замены исходного текста в отношении его функции (функций), содержания, формы и культурологической доминанты. Культурологическая доминанта представляет собой совокупность смыслов национально-культурной специфики, имеющих значение для понимания когнитивной

и эмоционально-оценочной направленности текста и его познавательного содержания, выражаемых в принятой в данном культурном сообществе языковой форме» [Евтеев, 2014: 27, 54]. Как видим, в это определение входят все компоненты широкого прагматического контекста, по Т. Гивону (T.Givon), используемые для характеристики прагматических аспектов текста и перевода, о чем речь пойдет далее.

Определение понятия эквивалентности в широком прагматическом контексте тесно связано с другим ключевым понятием советского и российского переводоведения – адекватностью перевода. Как пишет С.В. Евтеев, в западном переводоведении в конце прошлого столетия практически произошел отказ от эквивалентности, вызванный поворотом в сторону прагматики («скопос-теория» К.Райс (K.Reiss), работы М.Снелл-Хорнби (M.Snell-Hornby)) (Евтеев, 2016, 2017). Это, по-видимому, было обусловлено пониманием «недостаточности учета только вербальной части в переводе», что «вызвало внимание к внеязыковому, к выходу за рамки чисто лингвистических моделей перевода и анализа языков с целью ориентировать переводческие методы на создание текста перевода как продукта культуры» [Евтеев, 2016: 379].

Тем не менее, признавая всю важность учета прагматических аспектов текста и их влияние на перевод, необходимо четко понимать, что отказ от требования эквивалентности может привести «к различного рода теоретическим манипуляциям, размывая границы между верностью и вольностью перевода» [там же: 382]. Иначе говоря, переводчик может «приписать оригиналу такой смысл и значения, которые никто ранее в нем не усматривал» [Прунч, 2015: 316]. Реабилитировав понятие «эквивалентность» в расширительном лингво-

когнитивном толковании с учетом прагматических факторов, рассмотрим эти факторы более подробно.

Именно прагматические аспекты перевода и осознание трудностей их передачи только с позиций требования эквивалентности заставили теоретиков и практиков перевода ввести в лингвистический арсенал понятие «адекватность». По В.Н. Комиссарову, «адекватным переводом называется перевод, который удовлетворяет..., в первую очередь, поставленной прагматической задаче... оправдывающей ожидания и надежды участников межкультурной коммуникации или лиц, осуществляющих оценку качества перевода» [Комиссаров, 2002: 147]. Перевод должен быть осуществлен на максимально возможном уровне эквивалентности. Таким образом, эквивалентность основывается на общности языковых, а в более широком смысле и когнитивных структур, а адекватность учитывает прагматические особенности текста, имеющие отношение к широкому прагматическому контексту (по Т.Гивону – T.Givon). Последний связан с когнитивными структурами и картиной мира и состоит из: 1) дейктического контекста, в который входят «отношения говорящего и слушающего (цели, вид речевого акта, социальный статус...)» и «дейксис речевой ситуации: *я* и *ты*, *здесь* и *там*, *сейчас* и *тогда*»; 2) единство дискурсивного (текстового) контекста – «знаний, разделяемых говорящими и слушающими, полученных из предыдущего текста (дискурса)»; 3) общность культурного контекста – «общих знаний о мире» (цит. по: [Заботкина, 2012: 32]).

При адекватном переводе реакция получателя должна соответствовать коммуникативной установке отправителя [Швейцер, 1973: 75], что, как уже отмечалось, трудно поддается измерению. Для этого приходится прибегать к прагматической адаптации, удачность/неудачность которой оцениваются эмпирически, часто на

уровне интуиции. Прагматическая адаптация необходима, когда переводчик должен передать культурные (географические, исторические) реалии, лингвоспецифичные стилистические средства языка оригинала (связанные с компонентами широкого прагматического контекста, по Т.Гивону). Информация такого контекста представляется в виде двух типов фреймов: «когнитивно-семантических, отражающих специфические структуры мышления, и культуральных, активируемых при представлении информации об особых элементах культуры (реалиях)» [Хайруллин, 2009: 16]. Именно эти типы фреймов, отражающие различия в картинах мира двух языков, связаны с лингвоспецифичностью в избирательности признаков описания ситуации, ведущей к межъязыковой асимметрии и преодолеваемой в переводе при помощи интерпретации смысла.

Е.В. Бреус предложил трактовку понятия «эквивалентность» с учетом двух языковых функций – денотативной и экспрессивной, и модель горизонтального и вертикального его измерения, творчески развив двухуровневую модель переводческой эквивалентности А.Д. Швейцера (Бреус Е.В., 2001). Автор выделил четыре уровня денотативной эквивалентности, связанные с передачей информации, т.е. с денотативной функцией языка, и два типа экспрессивной эквивалентности – эмотивную и эмфатическую, каждая из которых в свою очередь подразделяется на три уровня. Фактически понятия эмотивной и эмфатической эквивалентности Е.В. Бреуса соответствуют прагматической и стилистической адаптации текста у В.Н. Комиссарова и А.Д. Швейцера, так как в обоих случаях речь идет о способах передачи эмоционального и прагматического потенциала оригинала и, соответственно, о передаче его лингвоспецифичных стилистических особенностей.

Подход Е.В. Бреуса к понятию «эквивалентность» совпадает с взглядами В.Коллера (V.Koller), который в зависимости от функции текста

также выделил несколько видов эквивалентности, основными среди которых являются денотативная и коннотативная [Прунч, 2015: 58].

Таким образом, первый–третий уровни эквивалентности по В.Н. Комиссарову, два типа экспрессивной эквивалентности Е.В. Бреуса, коннотативная эквивалентность В. Коллера (V.Koller) – всё это связано с прагматическими аспектами перевода и с прагматической адаптацией текста, что может служить поводом для отхода от языковых структур и изменения референции при передаче смысла с помощью интерпретации.

Учет прагматических факторов ведет к тому, что эквивалентность и адекватность тесно взаимодействуют в процессе перевода. Наличие моделей эквивалентности разных уровней (некоторые из них при переводе адаптируются) доказывает их диалектическую взаимосвязь: передача при переводе двух видов фреймов, отражающих широкий прагматический контекст, основана на прагматической адаптации, цель которой – достижение эквивалентного перевода. По мнению Н.В. Иванова, эквивалентность означает соответствие ПТ тексту оригинала по форме, а адекватность – по содержанию [Иванов, 2015: 54]. Подведем итог анализа взаимоотношения и взаимодействия категорий эквивалентности и адекватности в переводе следующей цитатой: «Категория эквивалентности представляет собой установку на максимально полное содержательное, стилистическое, функциональное соответствие между ИТ и ПТ, на воспроизведение индивидуального авторского стиля для определенных типов текста, а категория адекватности направлена на приближение переводного текста к восприятию получателей в другом языке и культуре» [Евтеев 2017: 265].

Итак, целью перевода является правильно найденное соответствие на одном из уровней эквивалентности с учетом прагматических факторов, что делает неизбежным введение в перевод широкого прагматического контекста, передающего внеязыковую ситуацию.

В отечественном переводоведении теорию соответствий начал разрабатывать Я.И. Рецкер. Он выделил три типа соответствий: эквивалентных, вариантных или аналогов и адекватных замен. Первоначально к эквивалентным он отнес только «постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста» [Рецкер, 2004: 13], т.е. термины, имена собственные, некоторые книжные слова, называющие абстрактные понятия. В дальнейшем, как комментирует Д.И. Ермолович, термин «эквивалент» стал использоваться в значении «правильно найденного соответствия» [предисловие к [Рецкер, 2004: 13]]. При этом данный термин (эквивалентное соответствие) «распространился не только на “микроединицы перевода” (слова и словосочетания), но и на более значительные отрезки текста вплоть до предложения, а в некоторых случаях – вплоть до сверхфразового единства» [там же]. Такая трактовка хорошо согласуется с многоуровневой теорией эквивалентности.

Рассмотрим несколько подробнее виды соответствий и их различные классификации.

Так, В.Н. Комиссаров выделил регулярные (постоянные), множественные и окказиональные соответствия [Комиссаров, 2002: 408]. По его мнению, окказиональные соответствия используются при передаче безэквивалентной лексики, которая переводится с помощью транскрипции, транслитерации, применения калек и аналогов. Со временем окказиональные соответствия становятся регулярными. В тех случаях, когда несовпадения в языковой структуре обусловлены контекстом, они по сути представляют собой результат применения переводческих трансформаций, о которых речь пойдет ниже.

Е.В. Бреус (2001) в качестве прямых переводческих соответствий назвал внеконтекстуальные и контекстуальные. По сути его классификация близка к классификации В.Н. Комиссарова. О.А. Фирсов

творчески развил классификацию соответствий В.Н. Комиссарова, указав на *регулярные* соответствия, о которых уже говорилось выше, а также *общие* и *контекстуальные* несоответствия. К последним были отнесены «все структурно-семантические различия общего характера между английским и русским языками» [Фирсов, 2003: 5], не зависящие от контекста и допускающие перевод при помощи регулярных соответствий.

Контекстуальные несоответствия, как следует из их названия, обусловлены контекстом. Из-за языковых несовпадений отсутствие регулярного соответствия вызывает необходимость применения переводческих трансформаций. Исходя из фреймовой и интерпретационной теорий перевода, причинами общих и контекстуальных несоответствий могут быть различия в картинах мира родного и иностранного языков, то есть межъязыковые асимметрии, а их преодоление требует использования определенных переводческих преобразований – трансформаций.

Поводом для применения трансформаций может стать или недостаточное знание языка, или принципиальные отличия языков в членении внеязыковой действительности, что выражается в межъязыковых асимметриях. Несмотря на то, что среди российских переводоведов отсутствует единое мнение по этому вопросу, общепризнанно, что «объективно существующие трудности, часто совокупно именуемые лингвокультурным или лингвоэтническим барьером, создают проблемы при переводе и стимулируют возникновение переводческих несовпадений. *Большая* часть этих проблем решается с помощью переводческих трансформаций» [Ковалева, 2000: 57].

О.А. Фирсов видит в переводческих трансформациях «действия переводчика... по преодолению контекстуального несоответствия, обнаруженного в тексте оригинала по отношению к тексту перевода» [Фирсов, 2003: 6 - 7]. Трансформация включает в себя оценку и

классификацию явления и выбор приема, который позволил бы преодолеть подобное несоответствие, т.е. он считает это понятие более широким, чем грамматическое или лексическое преобразования.

В.Н. Комиссаров признает трансформацию преобразованием, «с помощью которого можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода» [Комиссаров, 1990: 172]. Л.К.Латышев так называет её: «намеренное отступление от структурного и семантического параллелизма между текстом на ИЯ и текстом на ПЯ» [Латышев, 2001: 27].

Контекстуальные несовпадения вызваны различиями в языковых картинах мира родного и иностранного языков, приводящими к межъязыковым асимметриям на лексико-грамматическом, лексико-семантическом, стилистико-прагматическом уровнях. Они создают основные трудности перевода, чаще всего разрешаемые с помощью трансформаций, основанных на интерпретации смысла. Необходимость их применения усиливает роль переводчика как профессиональной вторичной языковой личности, побуждая его выступить в качестве интерпретатора.

Таким образом, передача инварианта содержания/смысла текста в рамках субститутивно-трансформационного подхода связана с деятельностно-коммуникативным подходом, в котором фокус исследования направлен на личность переводчика. Сближение субститутивно-трансформационного и коммуникативно-деятельностного подходов ведет к «поиску теоретических оснований их продуктивного научного взаимодействия» [Олейник, 2014: 142], потому что чисто лингвистический подход к переводу, игнорирующий личность переводчика-интерпретатора, в современных условиях развития научной мысли явно недостаточен (см. также В.А.Иовенко, 2013).

1.1.2. Современные подходы в России и за рубежом к специальному переводу с родного языка на иностранный

Качественно высокий уровень переводов с родного языка на иностранный всегда вызывал большой интерес у лингвистов-переводоведов.

Традиционно исследования по теории перевода проводились на материалах, переводимых с иностранного языка на родной, потому что это направление долгие годы считалось единственно реализуемым. Такое положение было вызвано большими трудностями, с которыми сталкивались переводчики при создании на неродном языке текстов высокого уровня идиоматичности.

С иностранного языка на родной переводили и продолжают переводить в международных организациях, на различных международных мероприятиях.

Следует отметить, что в России возможность перевода в двух направлениях уже давно не вызывает никаких сомнений, но европейские исследователи – теоретики и практики – долгое время считали, что адекватного уровня перевода можно достичь, только переводя с иностранного языка на родной язык: переводить с родного языка на иностранный лучше и не пытаться, так как такой перевод никогда не будет читаться или звучать как оригинал.

Однако в настоящее время перевод с родного языка на иностранный стал реальностью, что обусловлено прагматическими соображениями и нашло отражение в материалах Совета Европы. Наблюдаемая интенсификация международных контактов в рамках глобализационных процессов привела к тому, что европейские исследователи теории и практики перевода стали признавать принципиальную возможность перевода с родного языка на иностранный в тех случаях, когда имеется большой спрос на переводы такого направления. Вместе с тем

специалистов, способных их выполнять, не хватает, что особенно характерно для работы с малочисленными или редкими языками (в эту группу входят и славянские языки, в том числе русский).

При этом используется оценочный термин – приемлемость качества перевода; тем не менее сама по себе возможность достижения высокого качества перевода с родного языка фактически исключается. Вопрос ставится таким образом: или перевод будет выполнен на приемлемом, но не самом качественном уровне, или его вообще не будет, и акт межкультурной коммуникации не состоится [Mcalester, 2000: 228]. Следовательно, отношение европейских исследователей к переводу с родного языка на иностранный по-прежнему остается довольно скептическим. Например, М. Ледерер (M. Lederer), анализируя пути развития переводческой практики, приходит к выводу, что перевод с родного языка на иностранный долгое время применялся только в качестве учебного опыта, в котором преследовались следующие цели:

- освоение грамматических трудностей;
- проверка правильности использования новых лингвистических элементов, введенных в обучающие тексты на иностранном языке;
- опыт учебного перевода художественных текстов, предназначенный для студентов продвинутого уровня [Lederer, 2003: 141].

Такого же мнения придерживается П. Ньюмарк (P. Newmark), считающий перевод с родного языка на иностранный прекрасной формой контроля усвоения грамматических и лексических трудностей [Newmark, 1991: 50], а также другие теоретики [Klein-Braley, 1996: 20]. В целом зарубежные исследователи в течение долгого времени не рассматривали перевод с родного языка на иностранный в качестве профессионального вида деятельности, признавая, что сильная интерференция родного языка мешает переводчику освободиться от его влияния, и это приводит к неудовлетворительным результатам. По мнению М. Ледерер (M. Lederer),

даже при условии успешного овладения грамматикой и лексикой сохраняется влияние некоторых сильных интерферирующих факторов. Например, представляется практически невозможным освоить все стилистические особенности и тонкости изучаемого языка [Lederer, 2003:153]. Поэтому особые трудности вызывает передача экспрессивной функции языка, требующая переводческих решений на уровне интуиции. Так, для адекватного выражения экспрессивного коммуникативного эффекта таких стилистических приемов как аллитерация, ритм, метафора, игра слов и т.п. нужно обладать литературным талантом, а научить ему невозможно. С подобным утверждением спорить трудно. Тем не менее, при наличии определенных природных задатков, обучающемуся можно объяснить суть переводческих приемов, передающих экспрессивную функцию языка (в настоящем диссертационном исследовании использован термин «языковые функции» в понимании Р. Якобсона (1975)), и некоторые ученые занимаются изучением действия и влияния интуиции у обучающихся переводу и у переводчиков (Убоженко И.В., 2016, 2014).

Кроме лингвистических трудностей, с которыми сопряжен перевод с родного языка на иностранный, переводчику, по мнению М. Ледерер (M. Lederer), часто не хватает глубинного понимания культурных особенностей страны языка перевода [Lederer, 2003: 153 – 155], что также значительно влияет на качество перевода, а в некоторых случаях даже может исключить возможность межкультурной коммуникации.

Еще одну проблему перевода с родного языка на иностранный М. Ледерер (M. Lederer) видит в необходимости передачи эксплицитной и имплицитной информации [там же: 161]. Для адекватного их воплощения переводчик должен владеть языком на самом высоком уровне, хорошо понимать тему перевода, знать культурную специфику страны ИЯ и обладать стилем изложения на ПЯ. Последнее этот автор считает практически непреодолимым препятствием, о чем уже упоминалось выше,

и поэтому исключает возможность перевода художественных текстов с родного языка на иностранный (хотя переводческая практика всё же опровергает это утверждение).

Преодоление перечисленных трудностей и тех, которые связаны с передачей экспрессивной функцией языка культурных особенностей и имплицитной информации, достигается при условии освоения переводчиком широкого прагматического контекста. Это предполагает наличие высокого уровня развития языкового и концептуального тезаурусов у вторичной языковой личности и способности к подключению к языковой и концептуальной картинам мира иностранного языка, о чем будет сказано далее.

Возможно, что развитие тезаурусного уровня вторичной языковой личности представляется зарубежным исследователям слишком затратным. Поэтому некоторые из них при необходимости перевода с родного языка на иностранный предлагают работать в команде с редактором – носителем ПЯ [McAlester, 2000: 228; Klein-Braley, 1996: 20]. Действительно, возможность сотрудничества переводчика и редактора-носителя языка – вариант идеальный, и он довольно широко практикуется в нашей стране. И чем выше квалификация переводчика, тем меньше времени тратит редактор на исправление перевода. Кроме того, предполагаются и другие интересные возможности, например, работа переводчиков в тандеме – этот термин был предложен А.Л. Семёновым [Семёнов, 2013: 138]. В этом случае два переводчика, владеющие одной и той же языковой парой, работают вместе и переводят с иностранного языка на родной, а при переводе с родного на иностранный каждый из них выступает в качестве консультанта. В подобном варианте перевод рассматривается «на уровне глубинного смысла, исходящего из проникновенного знания основ национальной языковой культуры. Весь лингвистический и экстралингвистический инструментарий используется

двумя переводчиками одновременно на уровне понимания и изложения смысла» [там же: 139].

В настоящий момент более востребован перевод текстов из различных предметных областей, т.е. текстов специальной коммуникации, обслуживаемых ЯСЦ (LSP). В действиях с профессионально ориентированными текстами экспрессивная функция уступает денотативной, что, в отличие от художественного или литературного переводов, облегчает задачи переводчика. В этих случаях терминология осваивается легче, чем культурный контекст, отражающийся в импликациях и лингвоспецифичной системе стилистических языковых средств.

Как отмечают некоторые исследователи, все большим спросом пользуется перевод специальных текстов для глобальной аудитории и чаще всего на английский язык. Характерно, что если перевод выполнен не носителем языка, он легче воспринимается также не носителями данного языка [Natim, 2001: 164]. Кроме того, работа в сфере профессионально-ориентированной коммуникации облегчается тем, что текст предназначен заинтересованным реципиентам, разбирающимся в проблеме. По мнению М. Ледерер (M. Lederer), всегда можно передать необходимый объем информации, если реципиент имеет определенные знания в данной предметной области, т.е. если и отправитель текста, и переводчик, и его получатель обладают общим запасом знаний, или, другими словами, схожим тезаурусом и общими пресуппозициями [Lederer, 2003: 164]. Автор приходит к выводу, что переводной текст будет понятен читателю, знакомому с предметом сообщения, если в нем точно передано содержание (значения языковых знаков), а форма выражения мысли выполнена на относительно высоком уровне совершенства [там же: 167].

В настоящее время наиболее востребованны на переводческом рынке тексты экономического и юридического дискурса и технической

тематики, и, соответственно, такие же курсы пользуются спросом и в университетах [Way, 2000:137]. В связи с этим некоторые исследователи высказывают мысль о том, что кроме изучения языка требуется переводческая специализация в определенных предметных областях [Johnson, 1971: 22], что собственно и происходит на практике.

1.2 Моделирование профессиональных переводческих компетенций (ППК): прагматический аспект

1.2.1 Анализ современных концепций языковой личности и языковой картины мира (переводческий аспект)

Профессиональный переводчик, для того чтобы быть способным работать по специальности, должен постоянно развивать свой тезаурус, что предусматривает изучение и сопоставление языковых картин мира родного и иностранного языков. Как уже подчеркивалось выше, каждый язык по-своему описывает действительность, и эти различия проявляются на всех его уровнях: грамматическом, лексико-семантическом, стилистическом и прагматическом, что объясняется несовпадениями в концептуальных картинах мира представителей различных языковых сообществ.

О тезаурусе языковой личности впервые заговорили в российской лингвистике, когда в 70-х гг. прошлого столетия Ю.Н. Карауловым были введены понятия «тезаурус» и «языковая личность» –*homo loquens*, создающая и воспринимающая тексты на родном языке. Ее основу составила трехуровневая организация: 1) вербально-семантический уровень, включающий фонетические, грамматические знания и лексический состав языка; 2) тезаурусный уровень, представляющий основные понятия (идеи, концепты) картины мира носителя языка –

тезаурусную сетку понятий; 3) мотивационный уровень, отражающий деятельностно-коммуникационные потребности, т.е. прагматикон личности, систему ее мотивов, целей и установок в речевой деятельности [Караулов, 2004: 51-57].

Знания о мире упорядочиваются на тезаурусном уровне, куда входят «обобщенные (теоретические или обыденно-житейские) понятия, крупные концепты, идеи, выразителями которых оказываются те же как будто слова нулевого уровня, но облеченные теперь дескрипторным статусом...» [там же: 53].

Развивая концепцию языковой личности применительно к освоению неродного языка, И.И. Халеева ввела в научную парадигму модель вторичной языковой личности, овладевшей (или овладевающей) иностранным языком для профессиональной деятельности в области перевода. В отличие от одного тезаурусного уровня у Ю.Н. Караулова, И.И. Халеева выделила два: тезаурус-I и тезаурус-II вторичной языковой личности. Первый из них – языковой тезаурус – означает «способ формирования языкового сознания, восходящий к языковой картине мира и тем самым напрямую связанный с ассоциативно-вербальной сетью языка. В отличие от него тезаурус-II соотносится в нашем понимании собственно со знаниями о мире (не всегда находящими непосредственную корреляцию в словарном фонде), формирующими когнитивное сознание и тем самым общую картину мира на уровне концептуальной системы, в частности как системы пресуппозиций и импликаций. Источниками и уровнями ее организации применительно к освоению родного языка и тезауруса-II выступают и чувственный опыт, и деятельность, отраженные в текстах» [Халеева, 1989: 76]. Концептуальный тезаурус соотносится с фреймами, сценариями и другими единицами энциклопедического знания о мире.

Понимание текстовой деятельности иного лингвистического социума и ее передача при переводе на интерпретационной основе предполагают общность знаний участников межкультурной коммуникации, или, как уже было сказано, общность пресуппозиций. И.И. Халеева предлагает считать единицей фонового знания пресуппозицию – «невербальный компонент коммуникации, как сумму условий (Р), предпосылаемых собственно речевому высказыванию и являющихся национально-специфическим индикатором интракультурного общения» [там же: 164]. Она выделяет следующие виды пресуппозиций: когнитивные семантические, когнитивные прагматические, вертикально-контекстные, фреймовые.

Семантические пресуппозиции – это «образы, формирующиеся на основе тех концептов инокультурной общности, которые восходят к вербально-ассоциативной сети языка... и возникают на основе национальной системы метафорически-ассоциативного «кода» [там же: 166]. Прагматические пресуппозиции соотносятся с информацией «о социальном функционировании языковой личности, о ее социальных ролях и референтных группах» [там же: 172]; они обусловлены коммуникативными потребностями личности. Фреймовые пресуппозиции – это «схемы смысловых опор», отражающие обобщенные ментальные репрезентации предметов, явлений или ситуаций, о чем уже упоминалось при описании фреймовой теории перевода. Пресуппозиции вертикально-контекстные представляют собой «тот спектр знаний, который в глобальном смысле создает культурологический, социально-исторический фон тезаурусного уровня языковой личности, т.е. это те знания, которые свидетельствуют в конечном счете и о ценностных, духовно-нравственных ориентациях личности» [там же: 186].

Тексты, в которых главную роль играет вертикально-контекстный фактор, Ю.Н.Караулов предлагает называть «прецедентными» [Караулов, 2004: 216]. Это – пословицы, поговорки, лозунги, аллюзии и т.д.

Таким образом, когнитивные прагматические пресуппозиции и пресуппозиции вертикально-контекстные относятся к более широкому культурному пространству, знание которого помогает правильно понять текст оригинала. Семантические и фреймовые пресуппозиции имеют отношение к языковой и концептуальной картинам мира, в основе которых лежит образная система языка и мышления представителей разных лингвосоциумов.

Понимание пресуппозиций, ведущее к правильной интерпретации смысла при переводе, основано на способностях формулирующего мысли на иностранном языке и того, кто воспринимает текст, перерабатывать информацию на когнитивном уровне на основе инференций – логических выводов, тесно связанных с понятием «импликация» (Harris R.Y., Monaco G.E., 1978; Hildyard A., Olson R., 1978) [Кубрякова, 2012: 51]. «Отсутствие соответствующей национально-культурно окрашенной сети фреймов <...> делает непродуктивным, неадекватным, а порой и невозможным понимание иноязычных текстов» [Халеева, 1989: 178].

Итак, ключевой компонент, способствующий интерпретации смысла оригинала при переводе, – это общность импликаций и пресуппозиций в языковом и концептуальном тезаурусах вторичной языковой личности. На наш взгляд, характеристика пресуппозиций, данная И.И. Халеевой, соотносится с компонентами широкого прагматического контекста по Т. Гивону (T. Givon), имеющими непосредственное отношение к прагматическим аспектам перевода, охарактеризованным в разделе 1.1.1. настоящего исследования. Напомним, что его основными компонентами являются дейктический, дискурсивный и общий культурный контексты.

Так, дейктический контекст и дейксис речевой ситуации связаны с прагматическими пресуппозициями, а общие дискурсивный и культурный контексты имеют прямое отношение к пресуппозициям вертикального контекста. Кроме того, можно обнаружить зависимость всех видов контекста от фреймов, ибо последние восходят к концептуальной картине мира, и от семантических пресуппозиций, обусловленных языковой картиной мира, которая находится в тесном единстве с концептуальной. Эти знания, по мнению В.И. Заботкиной, «могут быть зафиксированы (закодированы) в конвенциональных нормах поведения и общения, а также в лексиконе определенного общества» (цит по [Заботкина, 2012: 32; Givon 1989: 324]).

Модель вторичной языковой личности получила свое дальнейшее развитие в диссертационном исследовании Е.А. Будановой (2001), где были проанализированы лингво-когнитивные модели перевода с русского языка на английский, с учетом несоответствий в языковых (концептуальных) картинах мира двух языков. Автор предложила процессуальную модель вторичной языковой личности, раскрывающую возможности усвоения индивидом элементов национальных картин мира, концептуальной и языковой.

Индивидуальные картины мира представителей одного народа имеют сходные черты на вербально-семантическом и тезаурусном уровнях. Р.И. Павиленис называет их «концептуальным ядром смысла» [Павиленис, 1983: 83]. Их различия проявляются в мотивациях. В процессе общения эти индивидуальные картины мира «социализируются» (термин Р.И. Павилениса), приближаясь к единой концептуальной и языковой картинам мира.

В заключении данного раздела хотелось бы отметить, что теория языковой личности и вторичной языковой личности обязана своим развитием успехам когнитивной лингвистики, отечественной и

зарубежной. Отечественные лингвисты-когнитологи, по мнению В.И. Заботкиной [Заботкина, 2012: 211], с большим успехом работают в рамках следующих направлений:

- 1) когнитивно-дискурсивного, разрабатываемого под руководством Е.С. Кубряковой;
- 2) культурологически-семиологического под руководством Ю.С. Степанова;
- 3) школой «Логического анализа языка», руководимой Н.Д. Арутюновой;
- 4) лексикографического направления Л.Г. Бабенко (Екатеринбург);
- 5) логико-философской концепции Р.И. Павлениса.

В зарубежной лингвистике термин «языковая личность/вторичная языковая личность» не принят, однако антропоцентричный подход там активно развивается, и когнитивная наука – когнитивные психология и лингвистика – являются приоритетными направлениями научных исследований. Среди зарубежных когнитологов-лингвистов получили широкую известность такие имена как Дж. Лакофф, (G.Lakoff), С. Рид (St.K.Reed), Н. Андерсон (N.H.Anderson) и многие другие.

Особо хочется выделить работы А. Вежбицкой (1997, 1999), о которых уже упоминалось в высказывании И.А. Мельчука. Она ввела в лингвистический обиход понятие языка семантических примитивов и языковых прототипов, подтвердив таким образом глубинную универсальность человеческого мышления (по крайней мере, это можно утверждать в отношении хорошо изученных языков, к которым относятся европейские языки) и связанную с этим принципиальную возможность перевода. А. Вежбицкая занимается описанием и сопоставлением лингвоспецифичных структур, межъязыковых асимметрий, которые объясняются несоответствиями в концептуальных картинах мира, что в

свою очередь зависит от культурных и психологических особенностей представителей различных лингвосоциумов.

1.2.2 Современные подходы к толкованию терминов «компетенции/компетенция» vs. «компетентность»

В нашем исследовании речь идет о профессиональной вторичной языковой личности, т.е. личности переводчика, реализующего себя в сфере профессионально ориентированной коммуникации. Он выступает посредником в межкультурной коммуникации, в которой участвуют два (или более) коммуниканта, принадлежащие к различным культурам и говорящие на разных языках.

Перевод – письменный и устный (последовательный и синхронный) – чрезвычайно сложный вид умственной деятельности, поэтому переводчик должен обладать целым набором компетенций, знаний, умений и навыков, соотносимых с условно выделяемыми тремя уровнями его деятельности и языковой личности.

Лингводидактическое описание языковой личности строится на разработке ее структуры и содержания. Они отражают арсенал «языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности», которые классифицируются, *с одной стороны*, по видам речевой деятельности (говорение, аудирование, письмо и чтение), а *с другой* – по уровням языка (фонетика, грамматика и лексика) [Караулов, 2004: 29].

В настоящее время, моделируя различные виды деятельности, в том числе речевой, куда входит и перевод, специалисты активно оперируют терминами «компетенции», «знания, умения и навыки»².

² Термин «компетенции» сравнительно новый, поэтому объем его значения до конца еще не оформился; «знания, умения и навыки» - термины традиционные, не вызывающие разногласий и споров.

Прежде всего нужно попытаться дать определение этим понятиям, схожим и соотносимым между собой, но при этом не являющимся синонимичными. Центральным в данном ряду является понятие «компетенция».

Н.Н. Нечаев трактует этот термин с позиций психологии: компетенция – это «высший на данной ступени развития профессиональной деятельности уровень владения ее способами, который психологически выступает системой соответствующих общих и профессиональных способностей, возникающих и развивающихся в деятельности» [Нечаев, 2000: 155]. Такая трактовка соотносится с понятием «профессиональное мастерство». При этом способности в данном случае определяются не как талант, природные задатки или пригодность человека к определенной деятельности [Рубинштейн, 1989: 122], а как синоним *готовности* (термин Ю.Н. Караулова) к осуществлению языковой деятельности. Таким образом, перефразировав определение Н.Н. Нечаева, можно сказать, что компетенция – высший уровень готовности личности к профессиональной деятельности. Ю.Н. Караулов предлагает использовать термин «готовность» для обозначения всякого вида языковых способностей, не делая разграничения между умениями, навыками, компетенциями и отмечая их близость, но не тождественность. Это делает модель языковой личности более емкой и в то же время более компактной. Он также выделяет ключевые готовности, структурированные по уровням языковой личности [Караулов, 2004: 59 – 60].

Отечественные исследователи приняли психологическую трактовку Н.Н. Нечаева. Так, Л.М. Орбодоева под компетенцией понимает высший уровень владения умениями и навыками, необходимыми для выполнения того или иного вида профессиональной деятельности: «В содержательном плане компетенция как высший уровень владения способами выполнения

деятельности состоит из соответствующих специальных знаний, умений и способностей, обуславливающих успешность выполнения определенной деятельности... ее основной функциональной характеристикой выступает профессиональная направленность» [Орбодоева, 2003: 19].

Однако в настоящее время понятие «компетенция» используется и в других контекстах, означая знания, умения и навыки (в этом значении оно обычно употребляется во множественном числе – *компетенции*), т.е. внутренние ресурсы. Такое применение термина связано с его пониманием европейскими лингвистами и методистами, разрабатывающими компетентностные подходы к иностранному языку. Например, в материалах Совета Европы компетенции определяются как сумма знаний, умений и личностных качеств, т.е. готовности [Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка, 2003: 8]. Из-за этого возникает определенная путаница, поэтому отечественные лингвисты и методисты предлагают разграничивать объемы значений понятий – «компетенция» – «компетенции». Так, Н.Ф. Коряковцева делает попытку уточнить значение термина «компетенция». По её мнению, авторы используют этот термин (*competences*) в разных значениях, что зачастую приводит к смешению понятий и неоднозначной трактовке термина. «Исходное значение данного понятия – способность – в контексте учебно-познавательной деятельности соотносится с определением общей способности изучать язык (*language learning competence*)» [Коряковцева, 2003: 36]. Автор считает неоправданным его использование в связи с учебными умениями, так как умение (освоенный прием) есть частное проявление способности.

Н.Н. Гавриленко также предлагает, вслед за И.А. Зимней (1989) и И.Л. Бим (1988) разграничивать понятия «*компетентность*» как высший уровень владения навыками, способность отбирать ресурсы для выполнения профессиональной деятельности (что соответствует трактовке

Н.Н. Нечаевым термина «компетенция»), и «компетенция» как ресурс, готовность, позволяющая специалисту действовать в своей профессиональной области и означающая знания, умения и навыки [Гавриленко, 2008:13].

Термины – «знания, умения и навыки» – также активно применяются в разных исследованиях параллельно с термином «компетенции» и «компетентностный подход», поэтому обратимся к их трактовке, принятой в отечественной лингводидактике и психологии.

С.Л. Рубинштейн определяет навыки как автоматизированные компоненты сознательно выполняемой деятельности, образующиеся путем упражнений и тренировки [Рубинштейн, 1989: 29 – 30]. Это – освоенный автоматизированный прием, способствующий выполнению профессиональной деятельности, в данном случае, языковой и переводческой, но по своей структуре и объему более мелкий, чем умения. А.А. Леонтьев так характеризует речевые навыки: «Речевые навыки есть собственно речевые операции, отличающиеся такими параметрами, как бессознательность, полная автоматичность, соответствие норме языка, нормальный темп (скорость) выполнения, устойчивость» [Леонтьев, 2008: 221], т.е. это речевые операции, осуществление которых доведено до совершенства. Психологическим определением навыка как мелкой автоматизированной операции пользуются также и методисты. По мнению Н.А. Гальсковой и Н.И. Гез, речевые навыки являются «автоматизированными компонентами сознательной речевой деятельности в устной и письменной формах» [Гальскова, Гез, 2007: 133].

Сформированность речевых навыков ведет к становлению речевых умений, означающих способность языковой личности правильно строить собственные письменные и устные иноязычные высказывания и понимать высказывания представителей иного лингвосоциума. Таким образом, правильное выражение собственных мыслей, понимание мыслей

носителей языка с учетом ситуации общения являются показателями сформированности речевых умений: «Владеть таким умением – значит уметь правильно выбрать стиль речи, подчинить форму речевого высказывания задачам общения, употребить самые эффективные (для данной цели и при данных условиях) языковые (да и неязыковые) средства» [Леонтьев, 1999: 222]. Умения предполагают творческую деятельность, связанную с мышлением, воображением, эмоциями.

Так как условия общения никогда не повторяются, то говорящему приходится каждый раз заново подбирать языковые средства. Умения формируются на основе автоматизации речевых навыков и представляют собой результат овладения языком на конкретном этапе обучения и в соответствии с реализуемым видом речевой деятельности – говорением, аудированием, письмом, чтением и собственно переводом.

Для наглядности представим схему, отображающую взаимодействие терминов «знания, умения и навыки» и «компетенции», построенную на понятиях декларативного знания – «*знаю-что*» и процессуального – «*знаю-как*» (или предметный и процессуальный аспекты обучения).

Предметный аспект характеризует знания, полученные в процессе обучения иностранному языку и переводу, процессуальный – навыки и умения, позволяющие использовать эти знания в целях осуществления речевой деятельности на иностранном языке в письменной и устной формах.

Ниже представлена схема, отражающая компетентностные ресурсы языковой личности.

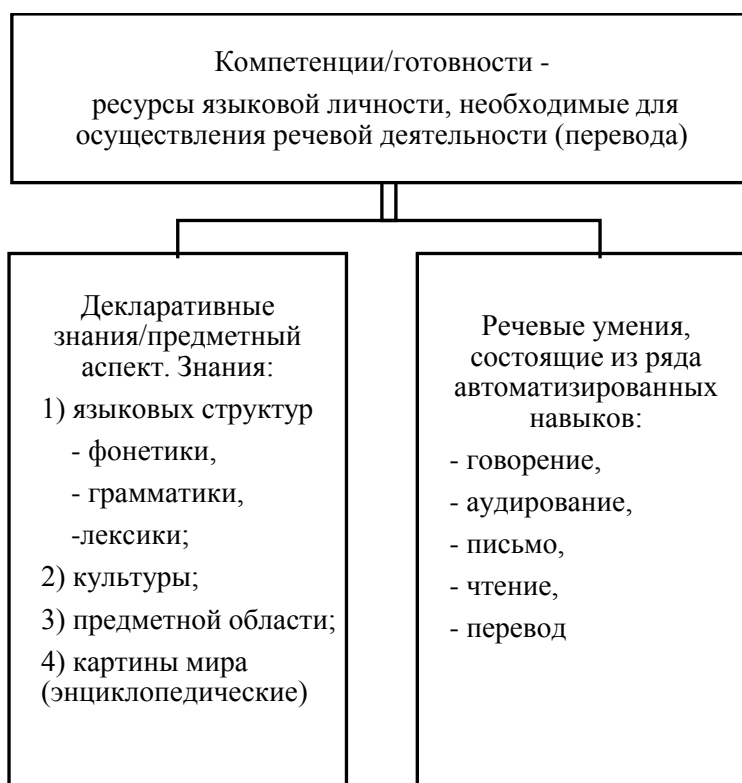

Рис. 1. Ресурсы языковой личности (компетенции, знания, умения, навыки)

Уточним еще раз объем значения понятия «компетенция» и его использование в нашей работе. Вслед за Н.Н. Гавриленко, термин «компетентность» используется в значении «высшая степень владения умениями и навыками», а «компетенция» в значении ресурсы – знания, умения, навыки, что совпадает с его толкованием в материалах Совета Европы.

Уровень сформированности знаний, умений и навыков, необходимых для речевой деятельности, в том числе и для перевода, свидетельствует о том, насколько вторичная языковая личность овладела *коммуникативной компетенцией*, составляющей краеугольное понятие в модели профессиональной компетентности вторичной языковой личности (или в модели профессиональных переводческих компетенций – ППК). На наш взгляд, особая значимость коммуникативной компетенции в модели ППК связана с тем, что речевая деятельность, к которой относится и перевод, прежде всего зависит от уровня владения знаниями языковых

структур и умениями применять их на практике. Но коммуникативная компетенция имеет гораздо более сложную природу, отражая не только знания языка, что доказывает анализ моделей переводческих компетенций, выполненный в последующих подразделах.

1.2.3 Анализ существующих концепций профессиональных переводческих компетенций (ППК)

При моделировании перевода, в том числе и специального, представляется целесообразным использовать модель, разработанную И.А. Зимней [Зимняя, 1978: 43 – 45], в соответствии с которой в переводческом процессе условно выделяются три стадии: 1) восприятие и понимание текста на языке оригинала; 2) переформулирование содержания, переключение на другой языковой код; 3) порождение текста на языке перевода.

А.Ф. Ширяев также указывает на три стадии переводческого процесса, так характеризуя синхронный перевод: 1) восприятие – понимание ИТ; 2) поиск переводческих решений; 3) порождение ПТ [Ширяев, 1979: 101]. Несомненно, такой трехфазный процесс свойственен любым видам перевода.

Понимание подразумевает знание и владение поверхностными структурами языка, т.е. словами и грамматикой, а также его глубинными структурами, т.е. смыслом, который затем переформулируется в поверхностные структуры языка перевода и передается при помощи грамматики и лексики ПЯ.

Развивая трехфазовые подходы И.А. Зимней и А.Ф. Ширяева, процесс перевода можно представить в виде схемы: понимание ИЯ – девербализация смысла и поиск переводческих решений – переключение на другой языковой код и ревербализация смысла на ПЯ.

Перевод осуществляется на основе двух видов коммуникативной деятельности: чтения и письма при письменном переводе; слушания и говорения при устном. При переводе с иностранного языка на родной главную сложность составляет понимание текста, а при переводе с родного языка на иностранный – правильный выбор слов и грамматики при формулировании мыслей на иностранном языке.

Профессиональное мастерство предполагает наличие у переводчика обширных когнитивных и лингвистических знаний, общекультурной эрудиции, т.е. обладание широким прагматическим контекстом, составляющим языковой и концептуальный тезаурус профессиональной вторичной языковой личности. Важную роль играет также особая психическая и нейрофизиологическая организация личности – способность быстро переключаться с одного языка на другой, переходить от одной культуры к другой, от одной коммуникативной ситуации к другой. Как уже подчеркивалось, переводчик пользуется интерпретацией: отходит от лексических и грамматических структур ИТ, улавливая их глубинный смысл на основе общности пресуппозиций и воспроизводя его идиоматичными структурами ПТ при помощи девербализации и ревербализации. Этими понятиями оперируют модель «Смысл-Текст», фреймовая и интерпретационная модели перевода; они входят в качестве важных составляющих в способность (компетенцию) переключения. Переводчик должен обладать и определенными психофизическими (психофизиологическими) особенностями: умениями сосредоточиваться, мобилизовывать ресурсы своей памяти, использовать вероятностное прогнозирование на основе пресуппозиций. Некоторые из этих способностей закладываются еще в школе, другие активно формируются в процессе обучения переводу.

Рассмотрим подробно, какие конкретные умения, навыки и компетенции необходимы для зрелой профессиональной вторичной языковой личности.

Как уже было сказано, коммуникативная компетенция является ключевой для специалистов-лингвистов. В связи с этим в 70-х гг. XX в. исследователи стали активно разрабатывать характеризующую её концепцию. Были предложены разные трактовки этого понятия, столь важного для переводческой деятельности. Первоначально коммуникативная компетенция означала способность человека выполнять языковую деятельность на родном языке [Chomsky Н., 1968]. Отечественные исследователи подразумевают способность человека использовать язык в рамках определенных социальных ситуаций. Например, И.А. Зимняя дала следующее определение этому термину: «способность человека адекватно самым разнообразным ситуациям общения (по цели, по ролевым отношениям, по форме, по содержанию и т.д.) организовывать свою речевую деятельность в ее продуктивных и рецептивных видах соответствующими каждой конкретной ситуации языковыми средствами и способами» [Зимняя, 1989: 28]. Н.И. Гез обозначила коммуникативную компетенцию как «способность соотносить языковые средства с задачами и условиями общения с учетом социальных норм поведения и коммуникативной целесообразностью высказывания» [Гез, 1985: 17]. По ее мнению, наиболее часто используется модель Ван Эка (Ek J.A. van, 1988). В качестве структурных компонентов в неё входят следующие способности: лингвистическая – правильно употреблять языковые формы на уровне фонетики, грамматики и лексики; социолингвистическая – строить общение в соответствии с заданными социальными ролями и регистрами общения; дискурсивная – создавать связные тексты в соответствии с ситуацией общения; социокультурная – общаться с учетом культурных особенностей страны изучаемого языка;

стратегическая – преодолевать барьеры в общении с помощью определенных стратегий, и наконец, социальная – способность общаться в определенных социальных ситуациях.

Обобщение трактовок понятия «коммуникативная компетенция», содержащихся в работах отечественных и зарубежных ученых и в материалах Совета Европы, помогло Г.А. Кузнецовой выделить основные структурные составляющие этого системного понятия, которые по сути совпадают с моделью коммуникативной компетенции Ван Эка. Это: единство лингвистической, социолингвистической, социокультурной, дискурсивной, межкультурной и стратегической компетенций [Кузнецова, 2004: 13-14].

Кроме высокого уровня сформированности коммуникативной компетенции профессиональная вторичная языковая личность должна обладать и другими специальными переводческими компетенциями, о которых речь пойдет далее.

Первую попытку описать модель ППК сделал В.Н. Комиссаров. Он выделил четыре основные компетенции переводчика: *языковую, коммуникативную, текстообразующую, техническую* и отдельно добавил характеристику *личностной* составляющей профессиональной компетенции [Комиссаров, 1997: 21 - 27].

Языковая компетенция переводчика включает аспекты владения языком, характерные для носителя языка, но также подразумевает и ряд специфических особенностей. Переводчик должен располагать обширными знаниями о языковой системе, ее словарном запасе и грамматическом строе, о норме и узусе и т.д. При этом если обычный коммуникант может владеть языковыми средствами в ограниченном объеме, пытаясь выразить смысл имеющимися в его распоряжении языковыми средствами, то для переводчика такое право выбора ограничено: в его случае языковые средства задаются оригиналом.

Поэтому он обязан сформировать всестороннюю языковую компетенцию в обоих языках, участвующих в процессе перевода, как в рецептивном, так и в продуктивном планах. Конечно, каждый переводчик владеет языковой компетенцией в разных пределах, но чем они шире, тем выше его общая профессиональная компетентность. Языковая компетенция модели В.Н. Комиссарова соотносится с лингвистической составляющей из модели коммуникативной компетенции, описанной выше. *Коммуникативной компетенцией* ученый называет специфическую когнитивную «способность человека к инференции – формированию правильных выводов из речевых высказываний об их полном содержании или «смысле» на основе фоновых знаний» [там же: 25]. Фактически речь идет о понимании имплицитного смысла, вытекающего из национально-культурного своеобразия данного лингвосоциума и из конкретной коммуникативной ситуации. Такое понимание может возникнуть только лишь на основе общности пресуппозиций, связанных с широким прагматическим контекстом и языковой картиной мира. В отличие от обычных коммуникантов, такая компетенция у переводчика имеет сопоставительно-динамический характер. В нее входят умения сопоставлять инференциальные способности представителей двух языковых коллективов и делать выводы о необходимости при переводе изменения языкового содержания для обеспечения возможности понимания его полного смысла [там же: 25 – 26]. Таким образом, речь идет об интерпретации в переводе.

На важность инферирования переводчиком смысла текста обращала внимание и И.И. Халеева. Кроме умения сопоставлять инференциальные возможности представителей различных языковых сообществ, переводчик должен обращаться к методу инферирования при неполном понимании языкового материала, при возникновении различного рода языковых дефицитов. Это умение имеет огромное значение для профессионального

переводчика, так как «повышает гарантии адекватного извлечения слушающим смысла из текста в случае, если он не понял, не расслышал, пропустил и т.д. какое-либо слово или даже фразу. Наличие в его сознании соответствующего фрейма (культурологически адекватного) поможет ему преодолеть как языковой барьер, так и сложности собственно профессионального характера» [Халеева, 1989: 181]. Способность делать правильные инференции на основе общности пресуппозиций приводит к возможности интерпретации смысла при переводе и связана с овладением переводчиком широким прагматическим контекстом. Это означает понимание языковой и концептуальной картин мира иного лингвосоциума, что невозможно без высокого тезаурусного уровня профессиональной вторичной языковой личности.

В.Н. Комиссаров выделил также *текстообразующую компетенцию* – «умение создавать тексты разного типа в соответствии с принятыми в данном языковом коллективе правилами и стереотипами» [Комиссаров, 1997: 31]. Профессиональная компетенция переводчика предусматривает и умение использовать средства формальной связности – когезии (например, более широкое применение логических связок в русском тексте по сравнению с английским языком), и знание общей стратегии построения текста в двух языках в отношении их смысловой связанности – когерентности (например, большая роль имплицитности в английском тексте по сравнению с русским). В модели коммуникативной компетенции эта составляющая называется дискурсивной.

От свойства профессиональной компетенции переводчика неотъемлемы также его *личностные качества*. Это подразумевает (и об этом уже говорилось выше) особую психическую гибкость, способность быстро переключать внимание, переходить от одного языка и культуры к другому языку и его культуре, умение работать в различных коммуникативных ситуациях, сосредотачиваться, мобилизовывать

ресурсы памяти, актуализировать весь свой эмоциональный и интеллектуальный потенциал [там же: 32]. Следует отметить, что зарубежные исследователи совершенно обоснованно в качестве отдельного вида профессиональной компетенции выделяют способность переводчика переключаться с одного языка на другой. Это не просто его личностное качество переводчика, а специально сформированный профессиональный навык. В.Н. Комиссаров также отметил это свойство, называя его уже навыком, при описании еще одного компонента своей модели переводческих компетенций. По мнению ученого, особую роль в становлении профессионала играет формирование *технической компетенции*, означающей «специфические знания, умения и навыки, необходимые для выполнения данного вида деятельности» [там же: 33]. И именно к *технической* компетенции он относил умение выполнять параллельные действия на двух языках, переключаться с одного языка на другой и переходить в высказываниях на каждом из языков от поверхностной структуры к глубинной и обратно. Действительно, все эти качества крайне важны для профессиональной техники переводчика. Порой они возникают спонтанно с развитием двуязычия, но их необходимо доводить до автоматизма, что достигается только при изучении переводческих соответствий и приемов, а главное – через постоянные двуязычные действия при осуществлении переводческой деятельности.

На высоком уровне развития переводческих компетенций и при достижении переводческого мастерства часть умений превращаются в автоматические или полуавтоматические навыки и уже применяются на уровне подсознания.

Еще одна модель переводческих компетенций была разработала Л.К. Латышевым. Он использовал термин «переводческая компетенция» (ПК), определяя его как «совокупность знаний, умений и навыков, позволяющих

переводчику успешно решать свои профессиональные задачи» [Латышев, 2001: 5]. Это толкование объединяет две части. Первая – *базовая* – включает «элементы ПК, задействованные в профессиональном переводе постоянно – во всех его видах...» [там же]. В нее входят *концептуальная* составляющая, включающая понимание стратегии перевода, знание теории перевода, и *технологическая* составляющая, относящаяся к овладению переводческими приемами. Вторая – *прагматическая* часть – содержит компетенции, или, по терминологии Л.К. Латышева, знания, умения, навыки, относящиеся к видам перевода и жанрам ИТ и предметным областям. *Специфическая* составляющая относится к видам перевода, а *специальная* – к его жанрам и тематике ИТ [там же].

Как следует из этого описания, в данной модели не выделены внеязыковая действительность и компетенции, отражающие ее познание. Кроме того, разделение специальной переводческой компетенции на две составляющие представляется не очень логичным.

Несмотря на некоторую неполноту, модели В.Н Комиссарова и Л.К. Латышева в свое время внесли значительный вклад в описание качеств языковой личности переводчика и в моделирование его профессиональной компетентности.

Наиболее полную модель профессиональных переводческих компетенций разработала Н.Н. Гавриленко (2008) на материале перевода с французского языка на русский, обобщив исследования зарубежных и отечественных исследователей-переводоведов.

Профессиональная коммуникация – это общение между членами профессионального сообщества. Это своеобразная самостоятельная сфера бытования языка, в которой переводчик одновременно является и языковым посредником, и участником общения. В диссертационном исследовании Е.В. Левиной были выделены следующие черты данного вида коммуникации [Левина, 2006: 16]:

- оно представляет собой относительно ограниченную по количественному составу группу людей;
- ее участники обладают «профессиональной картиной мира», что обусловлено сутью самой профессии, родом их деятельности и определенной социализацией.

Профессионально значимые готовности можно обнаружить на всех уровнях структуры языковой личности, тем не менее, наиболее существенную роль они играют на тезаурусном уровне, так как именно здесь важное значение приобретает необходимость «выбора средств коммуникации» [Левина, 2006: 53]. Именно этот уровень в структуре профессиональной языковой личности является центральным, его элементы составляют «такие единицы текста, с помощью которых говорящий-пишущий обозначает определенные концептуальные (по функции) и ментальные (по природе) – структуры, отражающие его мировидение» [там же: 12]. К ним относятся логически мотивированные концепты, генерализованные высказывания, дефиниции, фреймы и др., т.е. элементы, благодаря которым осуществляется профессиональная коммуникация.

Основные готовности вторичной языковой личности, соотносимые с профессиональной деятельностью переводчика, представлены у Ю.Н. Караулова: на вербально-семантическом уровне – «владение специальной терминологией определенной области знаний»; на тезаурусном уровне – «готовность дать определение используемым понятиям» и «готовность отыскивать, извлекать, понимать и перерабатывать необходимую информацию в текстах (с опорой на ключевые слова, дескрипторы, понятия)» [Караулов, 2004: 60].

Ключевой готовностью языковой личности, связанной с профессиональной деятельностью, Ю.Н. Караулов считает умение оперировать терминологией, в отличие от Е.В. Левиной, которая относит

ее к изначально заданной готовности. Действительно, крайне важным является знание терминов ИЯ и ПТ, а также понятий, стоящих за этими терминами и принадлежащих соответствующим предметным областям. Это подразумевает способность переводчика осуществлять соответствующие когнитивные операции и свидетельствует о высоком уровне развития его языкового и концептуального тезаурусов.

Рассмотрим более подробно модель переводческих компетенций Н.Н. Гавриленко (2008), определяемую спецификой и специальности, и предметной области. Эта модель внесла большой вклад в развитие компетентностного подхода в переводе. Она отражает особенности обучения переводу с иностранного языка на родной. Автор использует термин «профессиональная личность переводчика текстов по специальности» и дает характеристику как его профессиональной компетентности, связанной со специализацией, так и его переводческих компетенций.

Профессиональную компетентность переводчика Н.Н. Гавриленко определяет как «обладание человеком способностью, знаниями и умениями передавать (как в письменной, так и в устной формах) научную и техническую информацию с одного языка на другой с учетом различия между двумя текстами, коммуникативными ситуациями и двумя культурами» [Гавриленко, 2008: 28]. Все указанные качества соотнесены с основными составляющими профессиональной деятельности – собственно деятельностью, профессиональным общением и личностью профессионала. На этой основе выделены следующие главные компоненты модели: 1) коммуникативная компетенция, включающая лингвистическую, прагматическую и социолингвистическую составляющие;

2) специальная компетенция, состоящая из базовой, предметной, дискурсивной, социокультурной, стратегической и технологической составляющих; 3) социальная компетенция; 4) личностная компетенция.

Как видим, первым компонентом указана *коммуникативная компетенция*, объединяющая *лингвистическую, прагматическую и социолингвистическую* составляющие.

Из них *лингвистическая составляющая*, названная В.Н. Комиссаровым языковой, была подробно описана выше. Переводчик должен уметь сопоставлять язык оригинала и перевода на уровне языковых систем, языковых и речевых норм. Новым по отношению к этой характеристике указана необходимость владения языком специальности на родном и на иностранном языках в сопоставительно-динамическом аспекте, что выражается в знании терминов на обоих языках и умении находить для них межъязыковые эквиваленты. Это подразумевает прежде всего понимание концептов – понятий, стоящих за терминами, следовательно, означает подключение к профессиональной языковой и концептуальной картина мира иного лингвосоциума.

Прагматическая составляющая коммуникативной компетенции складывается из умений использовать языковые средства в соответствии с заданной коммуникативной ситуацией, т.е. подразумевает владение языковыми средствами в необходимых функциональных целях, в данном случае, владение научно-техническим стилем языка специальности (характеристика стилей и типология текстов представлены во второй главе) в рамках определенных социальных ситуаций.

Специфика деятельности профессионального переводчика требует от него при выполнении функции межъязыкового посредника учета степени информированности коммуникантов. Главное здесь состоит в умении соотносить объемы знаний у коммуникантов и передавать при переводе коммуникативные намерения автора с учетом ситуации перевода

и характеристик получателя. Речь опять идет об общности пресуппозиций, но уже относящихся к конкретным предметным областям.

С описанным компонентом коммуникативной компетенции тесно связана ее *социолингвистическая составляющая*, которая охватывает знания и умения, важные для эффективного использования языка в социальном контексте (Общеввропейские компетенции владения иностранным языком, 2003). Переводчик должен хорошо знать социокультурные различия, выражаемые на уровне языка образными средствами, такими как коннотативно окрашенная лексика, метафоры, лингвоспецифичные нормы сочетаемости (относящиеся к пресуппозициям носителя языка), и уметь их использовать в текстах специального дискурса.

Рассмотрим следующую компетенцию модели Н.Н.Гавриленко – *специальную*, включающую шесть составляющих: *базовую, предметную, дискурсивную, социокультурную, стратегическую и технологическую*.

Из них *базовая* предусматривает «совокупность процедурных и теоретических знаний и умений в области профессиональной деятельности» [Гавриленко, 2008: 37]. В нее входят теоретические знания об основных понятиях переводоведения и умение пользоваться ими при выполнении переводов специальных текстов и процедурные знания – «последовательность и оптимальные способы решения профессиональных задач, которые стоят перед переводчиком текстов по специальности» [там же]. Следующая составляющая – *предметная* – предполагает освоение текстов по специальности, поэтому она включает академические знания в области языка специальности и умение их использовать при переводе соответствующих текстов.

Дискурсивная составляющая специальной компетенции предполагает способность анализировать текст перевода с дискурсивных позиций. Н.Н. Гавриленко определяет эту составляющую как

«способность понимать различные иноязычные жанры специального дискурса и создавать ПТ в соответствии с замыслом автора, коммуникативной ситуацией и социокультурными нормами общения» [там же: 40]. Переводчик должен владеть особенностями представления информации в специальном дискурсе и её жанровыми разновидностями, уметь выстраивать логическую связь в тексте и использовать соответствующие средства связи в языках и оригинала, и перевода.

Социокультурная составляющая специальной компетенции тесно связана с широким культурным контекстом, включающим историческую, страноведческую, культурную информации. Её свойства следует рассматривать с учетом норм и традиций, принятых в конкретном обществе в сфере профессиональной коммуникации, и требований специального дискурса. Н.Н. Гавриленко относит к ней «знание правил и норм взаимодействия между индивидами в рамках социального института науки и техники, в профессиональной научно-технической сфере общения в стране изучаемого языка и России, умение сопоставлять эти знания и использовать их при переводе» [там же: 43]. В эти качества автор вкладывает способность переводчика адаптировать специальный дискурс в социокультурном плане, что можно сделать только при общности пресуппозиций.

Далее следует *стратегическая составляющая*. Можно отметить, что многие исследователи указывали на необходимость выбора правильной стратегии для успешного осуществления перевода, хотя не все выделяли это качество в виде отдельного свойства. Н.Н. Гавриленко считает данную составляющую специальной компетенции «способностью анализировать факторы перевода, отбирать те из них, которые являются значимыми в определенной профессиональной ситуации, и на их основании вырабатывать последовательность переводческих действий» [там же: 45] в зависимости от ситуации перевода и переводческих трудностей.

Избрав стратегию перевода, переводчик приступает к ее воплощению на уровне конкретных приемов, являющихся основным компонентом *технологической* составляющей специальной компетенции. Н.Н. Гавриленко относит сюда умение «использовать совокупность процедур и средств, обеспечивающих адекватное воспроизведение высказывания на языке перевода» [там же: 46]. Важно подчеркнуть, что стратегическая составляющая помогает переводчику выявить основные трудности перевода и с помощью *технологической* компетенции выбрать конкретные решения возникающих проблем.

Перечисленные выше компетенции объединяют основные свойства профессиональной деятельности переводчика. Вместе с тем они тесно взаимосвязаны с профессиональным общением и соотносятся с *социальной составляющей* его профессиональной компетентности. В нее входит владение: нормами общения в профессиональной среде, умением предлагать свои услуги на рынке труда, сотрудничать со специалистами, экспертами в соответствующих областях знаний, с коллегами-переводчиками и т.п.

Четвертая, не менее важная сторона деятельности переводчика определяется его личностью. *Личностная составляющая* профессиональной компетентности охватывает многообразие психологических, интеллектуально-когнитивных и нравственно-этических черт переводчика-человека и достаточно подробно охарактеризована в модели переводческих компетенций В.Н. Комиссарова.

Итак, и В.Н. Комиссаров, и Л.К. Латышев предприняли попытки описания профессиональных переводческих компетенций, сделав упор на характеристике их отдельных ключевых составляющих. Однако они все же не отразили весь спектр знаний, умений и навыков профессиональной вторичной языковой личности, хотя В.Н. Комиссаров достаточно

подробно описал её психофизиологические особенности и когнитивные способности.

В модели Н.Н. Гавриленко представлена характеристика профессиональной вторичной языковой личности, конкретно названной ею профессиональной личностью переводчика текстов по специальности, выполняющего перевод с иностранного языка на русский язык. Такой выбор направления перевода ограничен часами обучения, так как «компетенция в сфере родного, русского языка интернализуется в более высокой степени, чем компетенция в сфере иностранного языка» [Швейцер, 1988: 198], а также традициями, о которых говорилось выше.

Н.И. Гавриленко создала всеобъемлющую целостную модель компетенций профессиональной вторичной языковой личности (в соответствии с нашей терминологией), описав их с большой подробностью, даже продублировав некоторые из них. Например, социокультурная составляющая специальной компетенции имеет непосредственное отношение к социолингвистической и прагматической составляющим коммуникативной компетенции. На наш взгляд, эти три составляющие тесно связаны со структурой профессиональной вторичной языковой личности, с ее языковым и концептуальным тезаурусами, и их сформированность предполагает владение пресуппозициями носителей языка.

Кроме того, базовая составляющая, в качестве компонента входящая в специальную компетенцию и включающая теоретические положения переводоведения, неразрывно связана с технологической. Последняя основана на умении пользоваться переводческими приемами, что абсолютно неотделимо от стратегической составляющей специальной компетенции, подразумевающей способность переводчика намечать стратегию перевода, выявлять переводческие трудности и находить конкретные приемы их преодоления.

Рассмотрим кратко модели переводческих компетенций, разработанные зарубежными исследователями (в основном испанской школой перевода).

В целом описания моделей профессиональных переводческих компетенций в российской и зарубежной школах перевода совпадают. Тем не менее имеются некоторые отличия как в терминологии, так и в их структуре. Например, А. Нойберт [Neubert, 2000: 3 – 17] и П. Ньюмарк [Newmark, 1991:49] разработали модель переводческих компетенций, включающую языковую, текстуальную, предметную, культурную компетенции, а также специфическое переводческое умение, а именно – способность переключения с одного языка на другой (transfer competence). А. Нойберт отметил, что эта модель характеризуется сложным составом, разнородностью компонентов, привязкой к коммуникативной ситуации, более широким временным (историческим) контекстом и открытым составом знаний в разных предметных областях [Neubert, 2000: 4 – 5], т.е. фактически она связана с языковым и концептуальным тезаурусами профессиональной вторичной языковой личности. Автор подчеркнул, что переводчик должен быть способным постоянно пополнять запас знаний в той предметной области, в которой он работает. Часто ему приходится иметь дело с несколькими предметными областями, поэтому он должен обладать способностью осваивать информацию из разных предметных областей и различных источников (словарей, параллельных текстов, энциклопедий и других справочных материалов).

К. Шэффнер (Ch. Schaffner) представила похожую модель переводческих компетенций, где выделила лингвистическую-языковую, культурную, текстуальную, предметную (предполагающую специализацию в определенной предметной области) компетенции, а также стратегическую (назвав ее исследовательской), помогающую вырабатывать общую стратегию решения переводческих проблем,

связанных с передачей культурных и языковых различий, и компетенцию переключения /переноса (transfer competence) – перехода с одного языка на другой, которая является чисто переводческим умением [Schaffner, 2000: 146].

Еще одну модель переводческих компетенций разработали ученые университета г. Барселоны (Universidad Aut3noma de Barcelona) М. Ороско [Orozco, 1996: 199 – 200] и О. Фокс [Fox, 1996: 117]. Авторы называли её «системой знаний и навыков, необходимых для развития способности переводить» [Orozco, 1996: 199 – 200]. Центральным элементом этой модели является компетенция переключения (transfer competence) – способность понимать текст на ИЯ и продуцировать его на ПЯ. Она подкреплена пятью компетенциями: 1) коммуникативной, включающей лингвистическую (языковую), текстообразующую (дискурсивную) и социолингвистическую составляющие; 2) экстралингвистической, объединяющей знания окружающего мира и предметной области, культуры и энциклопедические знания; 3) инструментально-профессиональной, куда входят совершенно разнородные компоненты, такие как умение пользоваться новыми технологиями, знание профессионального рынка перевода и профессиональной этики; 4) психофизиологической, базирующейся на способности использовать психомоторные, когнитивные ресурсы профессиональной личности, задействованные в определенной коммуникативной ситуации; 5) стратегической компетенцией – способностью разрешать переводческие проблемы.

Многие из названных компетенций состоят из нескольких компонентов. Так, экстралингвистическая связана с языковым и концептуальным тезаурусами профессиональной вторичной языковой личности. В компетенцию переключения также входят несколько компонентов-умений: способность анализировать, синтезировать

языковые знания и активизировать экстралингвистические знания для правильного осмысления текста; умение девербализировать ИЯ и ПЯ для борьбы с интерференцией; владеть словесным выражением ПТ – его организацией; творчески подходить к выбору приемов перевода и, наконец, находить наиболее адекватную стратегию перевода и ревербализации смысла на ПЯ.

Первые четыре названные компетенции, по мнению М. Пресас (M.Presas), являются вспомогательными по отношению к центральной переводческой компетенции переключения и взаимодействуют между собой при помощи пятой стратегической компетенции различными способами, зависящими от направления и вида перевода (письменного или устного), специализации текста, его типа и т.п. [Presas, 1996: 28].

А. Биби [Beeby, 2000: 181 – 182] предложила модель переводческих компетенций, разработанную на основе перевода *с родного языка на иностранный*, в данном случае с испанского на английский язык, что для западного переводоведения принципиально новый подход. Автор отметила сравнительно-сопоставительный характер лингвистической и дискурсивной компетенций, базирующихся на (1) сравнении лексического и грамматического строя двух языков; (2) сопоставлении типов текстов и коммуникативной ситуации в плане их влияния на оформление перевода; (3) выявлении различий в двух языках в отношении смысловой связи (когерентности) и ее формальном выражении на уровне языковых средств (когезии) при переводе.

Важность сравнительного анализа типологии текстов в рамках одного языка (intra-lingually) и сопоставления типов текста между двумя языками (inter-lingually) отмечены в работах С. Критчли (S. Critchley), А. Хартли (A. Hartley) и Р. Солки (R. Salkie) [Critchley, Hartley & Salkie, 1996: 105]. Особый акцент эти исследователи делают на необходимости формирования дискурсивной компетенции переводчика.

В зарубежных работах, как правило, перечисляются одни и те же структурные элементы переводческих компетенций, а в качестве главной выделена компетенция переключения (*transfer competence*), на реализацию которой направлены все остальные. Такой подход связан с тем, что за рубежом считается, что хороший уровень сформированности коммуникативной компетенции – *sine que non* для выполнения переводческой деятельности. В отечественном переводоведении признается возможность одновременного развития всех видов компетенций.

1.2.4 Модель профессиональных переводческих компетенций (ППК) профессиональной вторичной языковой личности

В предыдущем разделе было показано, что все исследователи подчеркивают важность экстралингвистических знаний для процесса перевода. Некоторые, как М. Ороско (M.Orozco), выделяют это качество в отдельный компонент, включая в него знания в предметной области, культурный контекст и сведения о мире. Другие, как Н.Н. Гавриленко, признают его одной из составляющих специальной переводческой компетенции.

Личный опыт работы автора профессиональным переводчиком специальных текстов, преподавание специального перевода с родного языка на иностранный (в МГЛУ в 1992 – 2016 и РГГУ в 2000-2016 гг.), а также обобщение существующих представлений о профессиональных переводческих компетенциях позволили нам разработать собственную модель переводческих компетенций (модель ППК), отражающую уровень развития профессиональной вторичной языковой личности и соответствующую компонентам широкого прагматического контекста двух языков в динамически-сопоставительном аспекте (см. рис. 2). В модели, представленной ниже, учитываются достижения отечественных и

зарубежных исследователей, при этом в качестве отдельного блока выделена экстралингвистическая компетенция.

Рис. 2. Модель профессиональных переводческих компетенций

Комплекс ППК включает три блока. *Коммуникативная компетенция*, входящая в первый блок, подразделяется на *лингвистическую (языковую)* и *прагматическую* составляющие. Последняя объединяет три компетенции: *дейктическую* (определяемую параметрами коммуникативной ситуации), *дискурсивную* (текстообразующую) и *социокультурную* (реализующую межкультурную компетенцию в речи).

Второй блок представлен *экстралингвистической компетенцией*, соотносящейся с тезаурусным уровнем профессиональной вторичной языковой личности, которая должна обладать определенным комплексом знаний: а) *культурного контекста* двух языков (межкультурной компетенцией); б) собственно *предметной области*; в) *общими знаниями о мире*. Следовательно, речь идет об овладении пресуппозициями носителя языка.

Третий блок составляет *специальная* профессиональная переводческая компетенция. В неё также входят несколько компонентов: а) *компетенция переключения* – умение переключаться с одного языка на другой, переходя от поверхностных языковых структур к глубинным смысловым и наоборот (от девербализации к ревербализации); б) *способность к инференции* – умению делать логические выводы, понимать имплицитные структуры языка и речи (подтекст) на основе общности пресуппозиций; в) *технологическая (интерпретационная) компетенция* – способность применять конкретные переводческие трансформации (приемы) в случае межъязыковой асимметрии. Здесь подразумевается овладение теоретическими основами переводоведения и стратегической составляющей профессиональной специальной компетенции (по терминологии Н.Н. Гавриленко и некоторых зарубежных исследователей).

Первый блок рассматриваемой модели отражает вербально-семантический уровень и языковой тезаурус профессиональной вторичной языковой личности. Второй её блок представляет концептуальный тезаурус. Третий блок объединяет специфические когнитивные способности в области обработки информации и переводческой интерпретации, также связанные с языковым и концептуальным тезаурусами.

Переводчик должен не только владеть грамматикой и лексикой изучаемого языка, но и постоянно изучать в широком контексте

концептуальную картину мира, воплощенную в структурах языка. Это требование предусматривает глубокое знание культурного контекста и прагматических особенностей коммуникативных ситуаций, что подразумевает общность пресуппозиций, тесно взаимодействующих с тремя компонентами широкого прагматического контекста, о котором говорилось выше. Рассмотрим более детально соотношение компонентов прагматического контекста и профессиональных переводческих компетенций.

Для того чтобы ориентироваться в дейксисе социального контекста и дейксисе речевой ситуации, нужно обладать высоким уровнем развития коммуникативной прагматической компетенции, ее дейктической составляющей. Дискурсивная составляющая коммуникативной компетенции способствует созданию текстов на ПТ, соответствующих дискурсивным нормам языка оригинала, что свидетельствует о владении переводчиком дискурсивным контекстом. Обе составляющие прагматической коммуникативной компетенции – дейктическая и дискурсивная – должны иметь глубокие корни в языковом и концептуальном тезаурусах языковой личности, так как знания языковых структур и языковой картины мира неотделимы от знаний концептуальной картины мира. Общий культурный контекст постигается через язык (но не только через него), через языковую картину мира и восходит к концептуальной картине мира. Поэтому коммуникативная компетенция не может быть реализована в переводческой деятельности без глубинного уровня сформированности экстралингвистической компетенции. В языковом отношении этот уровень проявляется в знании различий в лексической структуре слов, в понимании специфики лексической сочетаемости, обусловленной разницей в осмыслении действительности и приводящей к различиям в метафоризации значений слов, к

метонимическим сдвигам, – всё это может проявляться как на семантическом, так и на грамматическом и стилистическом уровнях.

Обширным прагматическим контекстом, состоящим из дейктического компонента, характеризующего социальный контекст и дейксис речевой ситуации; общими дискурсивными (текстовыми) и культурными (знаниями о мире) его компонентами, можно овладеть только на базе хорошо развитых компетенций профессиональной вторичной языковой личности.

Такой уровень сформированности ППК позволяет интерпретировать смысл ИТ и передавать его в ПТ с учетом требований эквивалентности и прагматических аспектов текста с привлечением модели «Смысл-Текст» и фреймовой теории перевода. Модель «Смысл-Текст» способствует пониманию ИТ и порождению ПТ на основе общности пресуппозиций. При их участии также строится варьирование признаков описания ситуации в двух языках с помощью интерпретации смысла ИТ при переводе фреймов. По мнению И.В. Убоженко, способность к интерпретации «зависит как от общего знания стандартных, универсальных знаний, необходимых переводчику для принятия корректного решения относительно выбора финального варианта перевода, так и от сугубо перцептивных особенностей переводчика как личности» [Убоженко, 2016: 124].

1.3. Выводы по главе 1

В рамках компетентностно-интерпретационной модели обобщим применительно к специальному переводу отдельные наблюдения как наиболее значимые для настоящего исследования.

В данной главе были рассмотрены субститутивно-трансформационный и коммуникативно-деятельностный подходы к

переводу. Первый основан на стремлении к достижению переводческой эквивалентности с лингвистических позиций. Второй на основе анализа реального процесса перевода требует привлечения к нему экстралингвистических факторов и во главу угла ставит его интерпретационное начало. При всех преимуществах коммуникативно-деятельностного подхода нельзя отбрасывать положительные моменты субститутивно-трансформационного метода. Сочетание этих двух подходов позволяет объединить собственно профессиональные и языковые компетенции переводчика, а также исследовать смысловой и структурный масштабы применяемых переводческих трансформаций с более широких комплексных позиций.

Основанием для взаимосвязи двух подходов, их взаимодополняемости при теоретическом рассмотрении может выступать личность переводчика, которая определяется нами как фактор *профессиональной вторичной языковой личности*. Преимущество данной модели состоит в том, что в нем могут быть гибко учтены как стимулирующие (смысловые), так и ограничительные (структурно-выразительные) реалии, действующие при переводе.

Правильная интерпретация смысла ИТ при переводе возможна только при высоком уровне профессиональной компетентности переводчика. В этой главе была детально рассмотрена компетентностная составляющая компетентностно-интерпретационной модели перевода. Она состоит из коммуникативной компетенции, ее лингвистических и прагматических частей, и их зеркального отражения в концептуальном тезаурусе профессиональной вторичной языковой личности – в экстралингвистической компетенции.

Перевод текстов специального дискурса требует хорошо развитых языкового и концептуального тезаурусов профессиональной вторичной языковой личности, в которые должны входить знания и предметных

областей, и культуры как родного, так и иностранного языков. Именно поэтому переводчик должен постоянно изучать соответствующие предметные области, глубинное своеобразие языка перевода и обращать внимание на культурные особенности собственного народа.

Для того, чтобы эти компетенции получили конкретное оформление, важно учитывать языковые факторы, вызванные различиями языковых картин мира двух языков, что нередко обуславливает межъязыковые асимметрии на всех языковых уровнях. Осознание подобных несоответствий опирается на формирование коммуникативной и экстралингвистической компетенций профессиональной вторичной языковой личности. Автоматизация применения переводческих трансформаций, направленных на разрешение проблем межъязыковой асимметрии и основанных на интерпретации смысла при переводе, связана с развитием специальной компетенции в рамках модели ППК. Следует иметь в виду, что осмысленный и адекватный подход к лингвоспецифичности описания мира родным и иностранным языками способствует совершенствованию профессиональной компетентности переводчика.

Уровень компетенций профессиональной вторичной языковой личности повышается при изучении и сопоставлении лингвистических, дискурсивных, экстралингвистических и прагматических факторов перевода. Эти знания и умения позволяют применять конкретные переводческие трансформации, основанные на интерпретации смысла, связанной с избирательностью языковых признаков при описании ситуаций и их широкой взаимозаменяемостью в разных языках, о чем речь пойдет во второй и третьей главах нашего исследования.

Глава 2. Языковые картины мира родного и иностранного языков в переводе

2.1. Анализ различных подходов к изучению языков для специальных целей (ЯСЦ - LSP)

В этой главе мы рассмотрим языковые факторы, влияющие на развитие языкового и концептуального тезаурусов вторичной языковой личности. Причем сделано это будет в нескольких аспектах: 1) в аспекте применения ЯСЦ (LSP); 2) в связи с межъязыковой асимметрией, обусловленной различным восприятием мира представителями двух лингвосоциумов; 3) в отношении их влияния на перевод.

ЯСЦ связаны со знаниями в определенных предметных областях, входящими в профессиональную компетенцию языковой личности. Нас интересует экономический публицистический дискурс, так как объектом исследования служат структурные и смысловые преобразования в специальном переводе на примере публицистических текстов экономической тематики.

После Второй мировой войны в промышленно развитых странах наступил период бурного развития науки и техники и, соответственно, их обслуживающего языка. В 70-х гг. прошлого столетия в англоязычной лингвистике появился термин «*language for special purposes*» – язык для специальных целей, который как бы противопоставлялся языку для общих целей повседневного общения – *language for general purposes*. ЯСЦ был предназначен для обслуживания специальных сфер человеческой деятельности, к которым относятся техника, «наука, экономика, производственная инфраструктура, управление, политика, здравоохранение, сфера духовной культуры и спорт, средства массовой информации, оборона и др.» [Лейчик, 2007: 9]. И.И. Халеева выделила четыре сферы общения, связанные с коммуникативно-познавательной и материально-практической деятельностью людей: производственную

(материально-практическую); бытовую, отражающую «взаимодействие человека с миром вещей»; духовное бытие, лежащее в основе культуры; общественно-политическую (социальную) [Халеева, 1989: 89].

Каждый вид деятельности нуждается в использовании соответствующих типов речи: производственная требует применения специальной речи; бытовая – разговорной (обиходной) речи; культурная – художественной и научной речей, религиозного дискурса; социальная – публицистической речи (в широком толковании она включает так называемую газетную, телевизионную речь, а также речь других средств массовой коммуникации).

Кроме перечисленных существуют и промежуточные сферы, например, экономический публицистический дискурс, в котором соединяются специальная речь, обслуживающая область экономики, с языком публицистики, имеющим определенные типологические особенности. Причем в публицистическом дискурсе могут встречаться элементы самых разных ЯСЦ, так как в нем отражаются различные сферы бытия.

Рассмотрим методологические подходы, применяемые при изучении ЯСЦ, которое ведется в рамках терминоведения, функциональной стилистики, лингвистики текста, т.е. типов текстов специальной коммуникации, а также дискурс-анализа и теории языковой личности.

Коммуникативная деятельность людей и ЯСЦ плодотворно изучаются в рамках дискурс-анализа. Примечательно, что до сих пор среди исследователей, работающих в этом направлении, отсутствует однозначная трактовка термина «дискурс». А.А. Майборода пишет о том, что анализ ведущих исследований этого процесса позволяет выделить как минимум четыре основных его значения. Это: 1) диалогическое общение со своим окружением (когнитивные и коммуникативные исследования); 2) обсуждение определенных вопросов того или иного общественно-

научного содержания – медицинский дискурс, дискурс власти и т.п.; 3) обсуждение внутреннего мира или совокупности идей отдельного человека (дискурс писателя, дискурс героя); 4) совокупное отражение существующей культуры (идеи времени, картины мира) [Майборода, 2000: 42].

Некоторые исследователи, такие как Е.С. Кубрякова (1997), считают дискурс процессом когнитивной деятельности, результатом которой является текст. Другие не проводят четкой границы между дискурсом и текстом. В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова называют дискурсом «текст, образовавшийся в процессе дискурсии, когда смысл «на выходе становится адекватным авторскому замыслу» [Костомаров, Бурвикова, 1995: 238].

М. Фуко (M. Foucault) понимает дискурс как процесс и результат речевой деятельности, которая «включает как письменные, так и устные тексты; конституируется вербальными знаками, но определяется не только лингвистическим, но и ситуативным, и более общим культурным контекстом» (цит. по [Иванова, 2004: 16]). При этом ряд авторов (Ван Дейк Т. (Dejk T. van), 2013) непосредственно связывают дискурс с системами знаний.

Дискурсивный анализ текстов в целях перевода, в том числе и текстов специальной коммуникации предполагает учет экстралингвистических факторов – адресата, общего культурного контекста (пресуппозиций текста), и лингвистических факторов – жанра текста, его ведущей функции, связей в тексте, т.е. широкого прагматического контекста в духе Т.Гивона, что имеет самое непосредственное отношение к языковому (и концептуальному) тезаурусу профессиональной вторичной языковой личности.

Еще одним направлением исследований, возникшим в зарубежной лингвистике в 70 – 80-х гг. прошлого столетия, явилось изучение ЯСЦ в

рамках лингвистики текста. В русле данного подхода ЯСЦ рассматривались как коммуникация специалистов, что подразумевало «совокупность всех языковых средств, которые применяются в ограниченной сфере коммуникации с целью обеспечения понимания между людьми, занятыми в этой сфере» (цит. по [Майборода, 2000: 41; Hoffmann, 1985: 53]). ЯСЦ признавались совокупностью подязыков общего языка для обслуживания коммуникации в определенных предметных областях. Например, Г. Питч и Дж. Драскау (Н. Pitch, J. Draskau) дали им такое определение: «Язык для специальных целей является формализованным и кодифицированным вариантом языка, используемым в специальных целях и в контексте общения, ограниченного рамками специальной коммуникации. Функциональная доминанта таких текстов – это передача информации специального характера на любом из уровней сложности: на самом высоком, при общении специалистов, и на низком уровне, при популяризации знаний. При этом используются экономные, точные и ясные термины»³ [Pitch, Draskau, 1985: 34]. Т. Кабре (Т. Cabre) утверждает, что два критерия делают коммуникацию специальной: тот факт, что она ведется в рамках различных отраслей знания, и ее зависимость от особых прагматических обстоятельств общения, обусловленных регистром общения и составом коммуникантов. Язык для целей общей коммуникации немаркирован, он реализуется в основном в рамках устного, спонтанного общения, его тематика понятна всем участникам. Такое его использование считается своего рода нормой, в то время как тексты специальной коммуникации представляют собой отход от нормы [Cabre, 1999: 64].

Соотношение ЯСЦ и языка общей коммуникации наглядно представлено в предложенной Т. Кабре (Т. Cabre) на рис. 3 диаграмме в

³ Перевод наш, М.К.

виде пропорционального распределения слов общего языка и терминов разной степени специализации в совокупном лексиконе переводчика [Cabre, 1999: 64].

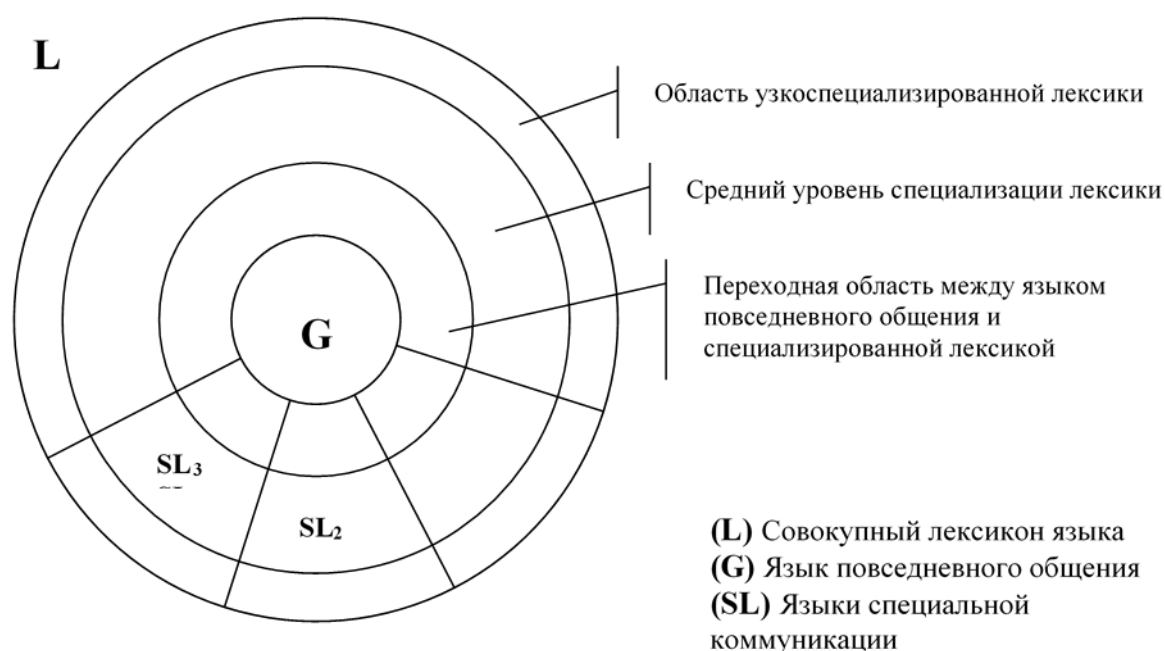

Рис. 3. Распределение специализированной лексики в совокупном лексиконе

Отраженное в ней распределение терминов совпадает с научными выводами, сделанными Е.В. Левиной (2006). Ею были выделены ядро и периферия употребления экономической терминологии в текстах. В ядро вошли экономические понятия и термины, включенные в современные лингвистические словари и имеющие высокий коэффициент употребления; в периферию – понятия и термины с низким коэффициентом употребления (в том числе современные узкоспециальные термины). Такое распределение подтвердило вывод Е.В. Левиной о том, что ментальный лексикон профессиональной вторичной языковой личности имеет концентрическую структуру: его ядро образует некоторая совокупность экономических понятий и терминов, используемых разными писателями в значительном количестве художественных произведений.

Периферийная часть получает отражение в узкоспециальных терминологических словарях, а базовый лексикон – в общих и специальных словарях [Левина, 2006: 91].

Лингвистика текста способствовала разработке инструментария для описания функционально-структурного инварианта текста (Снелл-Хорнби М. (Snell-Hornby M.), 1988/1995). Тексты специальной коммуникации могут быть объединены на основе общности ведущей языковой функции – информационной (термин В.Н. Комиссарова) / информативной (термин К. Райс (K. Reiss)) или денотативной (термин Р. Якобсона). Наиболее убедительна, по общему признанию, классификация языковых функций, характеризующая основные компоненты коммуникации, предложенная Р. Якобсоном (1975).

В большинстве типов текстов, в том числе и для специальной коммуникации, выделяются две главные функции – референтная, или денотативная, ориентированная на описание предметной ситуации, т.е. передачу денотативной информации, и экспрессивная, связанная с формой языкового выражения и передачей экспрессии. Они встречаются в различных комбинациях, что зависит от функции текста. В текстах специальной коммуникации денотативная функция может быть не только главной, но и единственной.

Необходимо упомянуть и вклад когнитивной лингвистики в проблему классификации языковых функций, так как это имеет прямое отношение к тезаурусу профессиональной вторичной языковой личности. Например, на ранних стадиях зарождения когнитивной науки и когнитивной лингвистики когнитологи стали использовать термин «номинативная функция», отражающий тот факт, что посредством языка человек осваивает окружающий мир и присваивает имена сущностям. По классификации Р. Якобсона, эта функция соотносится с «референтной» или «денотативной».

Отдельно когнитологи выделили ориентирующую функцию языка, содействующую ориентации человека в окружающем мире. По нашему мнению, она также тесно связана с номинативной или денотативной функциями. Она совмещает в себе представления о языке с позиций как когнитии, так и коммуникации, что соотносится с коммуникативно-дискурсивной парадигмой когнитивной лингвистики, активно развивающейся в настоящее время (например, см. Кубрякова Е.С., 2012).

Изучением языковых средств, реализующих определенную языковую функцию, или их комбинаций в различных типах текстов, занимается функциональная стилистика. Как отмечает А.А. Майборода, ученые, исследующие функциональные стили, относят ЯСЦ к научному или «интеллектуальному» функциональному стилю или «интеллектуальному регистру» [Майборода, 2006: 40]. Однако среди них нет единого подхода к трактовке терминов «стиль», «регистр» и т.п. Например, зарубежные исследователи используют понятие «стиль» для художественной литературы, в то время как для обслуживания других сфер общения они предпочитают термин «регистр». «Регистр сочетает в себе ситуативные условия общения, устную или письменную форму и ролевую структуру коммуникации» [Арнольд, 1990: 246]. Регистры можно рассматривать как варианты языка, и они соотносятся с термином «субъязык» или «подъязык», принятым в российской лингвистике. Так, Ю.М. Скребнев (2003) рассматривает субъекты как подсистемы, которые служат целям общения в различных сферах. По его мнению, язык не представляет собой однородную систему, а распадается на ряд разновидностей, обслуживающих разные сферы общения. При этом он отделяет подъязыки, как условно замкнутые и условно дискретные системы языка, от функциональных стилей, которые отражают характеристики этих систем.

М.П. Брандес полагает, что «содержание функциональных стилей складывается из функционально-целевых и функционально-формальных содержаний. Последнее означает, что функциональный стиль определяется не просто ведущей функцией определенной сферы общения (административной, научной, политической и т.д.), но и соотносительными с этими сферами системами устойчивых схем и стереотипов, узаконенных традицией, которые реализуют ведущую функцию» [Брандес, 2004, 15]). Функциональные стили представляют собой системы «функционирования языковых текстов» [там же]. М.П. Брандес выделила следующие функциональные стили языка: официально-деловой, научно-технический, газетно-публицистический, обиходно-бытовой и литературно-художественный. Данная классификация используется в настоящем диссертационном исследовании в качестве одного из подходов к типологии текстов.

Обобщив перечисленные подходы и заимствовав их основные черты, мы пришли к созданию схемы-классификации, представленной на рис. 4.

Рис. 4. Классификация сфер общения (деятельности) и соответствующих им типов речи и стилей языка.

Официально-деловой, научно-технический и некоторые другие тексты газетно-публицистического стиля обслуживаются ЯСЦ, которые анализируются в рамках каждого из перечисленных выше подходов. Терминоведение изучает термины и стоящие за ним понятия, лингвистика текста рассматривает все языковые средства, характеризующие тексты специальной коммуникации, дискурс-анализ выявляет различия в картине мира, концептах и фреймах специальной коммуникации. Теория языковой личности, по мнению А.А. Майборода [Майборода, 2006: 44], может

объединять все эти подходы при их соотнесении с тремя уровнями профессиональной вторичной языковой личности:

Таблица 1

Соотношение уровней компетенций языковой личности и соответствующих им лингвистических феноменов

Уровень языковой личности	Лингвистический феномен
Ассоциативно-вербальная сеть	Терминология, профессиональный жаргон, прочие компоненты лексикона
Тезаурус	Семантические сети, фреймы, концепты, научная картина мира, специальный дискурс
Мотивационный	Особенности специальной коммуникации (жесткость ситуации, «повышенная ответственность», жанровая регламентация)

Изучение терминов происходит на вербально-семантическом уровне языкового тезауруса профессиональной вторичной языковой личности; стоящие за ними понятия, концепты и фреймы интернализуются на уровне ее концептуального тезауруса, а жанровая регламентация специальной коммуникации соотносится с мотивацией речевых действий, т.е. с её третьим, мотивационным уровнем. Таким образом, можно сделать вывод, процитировав А.А. Майбороду, что «язык для специальных целей – это социально обусловленный ситуативный вариант компетенции языковой личности, направленный на решение профессиональных задач в рамках соответствующего институционального дискурса, использующий номенклатурно и конвенционально принятые языковые средства, но также отражающий индивидуальные особенности носителя языка» [Майборода, 2006: 44].

В качестве итога следует отметить, что ЯЦИ (LSP) – это инструмент речевой деятельности языковой личности, продуктом которой являются

тексты специальной коммуникации, что сближает этот термин с дискурсом (ср. специальный дискурс).

2.2. Аспекты предметной составляющей экстралингвистической компетенции модели ППК

В модели ППК, представленной в настоящем диссертационном исследовании, экстралингвистическая компетенция, соотносящаяся с тезаурусным уровнем языковой личности, точнее, с ее концептуальным тезаурусом, состоит из трех компонентов – знаний культурного контекста родного и иностранного языков, знаний в предметной области и энциклопедических знаний о мире.

Для реализации своей деятельности в сфере профессиональной коммуникации переводчику приходится осваивать не только терминологию на родном и иностранном языках, но и понятия, стоящие за этими терминами, т.е. постоянно обогащать свой тезаурус, связанный со знаниями в предметной области. При этом надо иметь в виду, что тезаурусные сетки понятий в родном и иностранном языках не совпадают.

Рассмотрим основные факторы, влияющие на предметную составляющую экстралингвистической компетенции профессиональной вторичной языковой личности, тесно связанную с коммуникативной компетенцией.

Главный признак текстов специального дискурса и ЯСЦ – насыщенность специальной лексикой, которая используется для обозначения вновь открываемых явлений или создаваемых продуктов, для обработки, хранения и передачи специальной информации. Интенсивное развитие науки и техники привело к ««терминологическому взрыву», т.е. к массовому возникновению новых терминов, терминологических полей и целых терминологических систем» [Лейчик, 2007: 7]. По данным ООН, в

мире ежегодно выходит около 500 000 наименований печатной продукции, из них 120 000 приходится на английский язык и 60 000 – на русский. Трудно произвести точные подсчеты процента неологизмов – терминов, употребляемых в этих публикациях, но косвенные данные (анализ словарей и справочников за 60-70 гг. прошлого столетия) показывают, что на термины приходится соответственно около 80 и 74,4% неологизмов [там же: 8].

Специальная лексика, или терминология называет объекты и действия, с которыми человек имеет дело в различных сферах общественной жизни: «...номинативные единицы ЯСЦ обозначают научные, технические, экономические, общественно-политические, шире – специальные понятия» [там же: 76]. В своем определении термина В.М. Лейчик подчеркивает его связь с ЯСЦ: «Термин – лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [там же: 32]. Терминология – объединенная совокупность терминов определенной предметной области. Систематизированные понятия конкретных областей складываются в терминосистемы – более высокую ступень организации лексических единиц – терминов. Её главными признаками являются целостность и системность.

Все встречающиеся в литературе лингвистические определения термина делятся на две группы. В первую входят формулировки, отмечающие, что термины – это особые слова в лексическом составе естественного языка. Такой точки зрения придерживается школа Д.С. Лотте. По мнению этого автора (1982), термин должен быть краток и лишен многозначности. В определениях второй группы подчеркивается, что «термины – это слова, выступающие в особой функции» [там же: 27].

Рассматривая содержательную структуру термина, В.М. Лейчик выделяет в ней три компонента: семантику (лексическое, денотативное значение), мотивированность и сигнификативное значение (обозначение специального понятия). Основной он признает номинативную функцию, ибо с помощью терминов называют понятия различных предметных областей. Известно, что каждый язык подразделяет и описывает окружающий мир по-своему. При этом можно выделить закономерную особенность: «чем больше человеку приходится сталкиваться с определенным участком или областью действительности, тем интенсивнее она членится в языке» [Общее языкознание, 1970, 149]. Установлено, что дробность членения действительности в специальных сферах выше, чем в языках повседневного общения.

В период интенсификации международных отношений в русский язык пришло множество терминов, в особенности из английского языка, которых ранее в нем не было из-за отсутствия в прошлом некоторых видов деятельности. Рынок принес с собой немало новых понятий и, соответственно, терминов. Естественно, что при этом происходило стихийное заимствование русским языком экономической терминологии, что не могло не отразиться на экономическом публицистическом дискурсе. Основная масса экономических терминов поступает в русский язык из англоговорящих стран, в основном из США. Этот процесс А.Л. Семёнов предлагает называть импортиацией терминов и, соответственно, понятий [Семёнов, 2013: 56].

Лингвисты указывают следующие лингвистические и экстралингвистические причины такого всплеска заимствований. К лингвистическим они относят потребность в номинации новых и уточнении значений привычных понятий, в стремлении к экономии языковых средств, необходимости пополнять экспрессивные средства языка, в тенденции к устранению полисемии и омонии, а также в

эвфемистической замене неудобопроизносимых слов. Например, *гарант* – это общее слово, *андеррайтер* – гарант (размещения), *поручитель* (сторона, гарантирующая эмитенту продажу выпуска ценных бумаг).

К экстралингвистическим причинам заимствований относятся: исторические связи народов, культурное превосходство отдельных наций, распространение моды на иностранные слова [Дуплийчик, 2006: 34].

Некоторые теоретики и практики перевода признают и субъективные причины заимствований: переводчик не понимает смысла термина, недостаточно хорошо знает предметную область, но ему некогда думать и искать, он вводит «свою» короткую транслитерацию, потому что ему не нравится уже известный длинный описательный перевод [Климзо, 2006: 30]. На наш взгляд, главное отличие между русским и английским языками, восходящее к несовпадениям в освоении внеязыковой действительности и, соответственно, межъязыковой асимметрии, состоит в следующем. Английский язык – в большей степени язык бизнеса и коммерции, русский язык отражает более созерцательное отношение к действительности, поэтому отрезок внеязыковой действительности, связанный с финансами и экономикой, не получил в нем столь детальной разработки. Именно в этом причина такого большого числа заимствований. Вторая причина связана с первой. В советский период в годы расцвета плановой экономики язык рыночных взаимоотношений не развивался, потому что был не нужен.

Финансово-экономическая терминология, в основном заимствованная из английского языка, в настоящее время заняла прочное место в экономическом публицистическом дискурсе. Владение этой терминологией отражает уровень развития лингвистической составляющей и языкового тезауруса; понятия, стоящие за такими терминами, непосредственно связаны с экстралингвистической компетенцией модели ППК – со знаниями в предметной области, и с

концептуальным тезаурусом профессиональной вторичной языковой личности.

2.3. Языковая асимметрия в картинах мира родного и иностранного языков

2.3.1. Аспекты коммуникативной компетенции модели ППК

Концептуализация действительности человеком, т.е. ее восприятие и осмысление, формирует концептуальную картину мира, которая находится в сложном единстве с языковой картиной. В процессе такого осмысления человек дает названия окружающим его явлениям. Однако концептуальная картина мира выражается не только через язык, в словах, она гораздо шире и многограннее. Ее дополняют искусство, культовое и светское, социокультурные стереотипы поведения людей (этикет, мода), способы ведения хозяйства [Постовалова, 1988: 21]. И все же именно язык, вернее, мышление в его тесном взаимодействии с языком, становятся основными инструментами познания действительности и ее отражения.

Процесс познания окружающего мира приобретает формы классификации и номинации явлений: происходит включение новых понятий, обозначающих эти явления. При этом в языке сохраняется весь ценный опыт, накопленный человечеством: «язык не только передает внеязыковую информацию в процессе дискурса, но и симультанно накапливает ее в своих единицах, а также более или менее длительно хранит и в процессе постоянно идущей социализации членов культурно-языковой общности, сообщает ее им, т. е. носителям языка» [Верещагин, Костомаров, 2005: 506]. Авторы труда «Язык и культура» отмечают также, что основная информация о действительности аккумулируется в номинативных элементах речи, прежде всего в лексике, но и во

фразеологии и языковой афористике: самым важным накопителем информации об окружающем мире является слово или лексическое понятие. Под лексическим понятием подразумеваются «бытовые, обиходные понятия, т.е. понятия, являющиеся плодами нестрогой классифицирующей деятельности людей (членов определенной культурно-языковой общности)» [там же: 44]. Авторы этого труда привели много свидетельств невербального характера лексических понятий, в том числе из области психолингвистики и патологии речи. На наш взгляд, самым убедительным доказательством этого является факт обнаружения лексических лакун: существование понятия в обоих языках, но наличие слова-лексемы, его выражающего, только в одном. Например, слово *сутки* русского языка не имеет прямого эквивалента в английском и переводится описательно: *twenty four hours, day and night, round the clock*.

Универсальность человеческого мышления и понятий связана с априорным опытом людей, а апостериорность опыта воплощается в лингвоспецифичности языка: при вербализации понятий в словах-лексемах отражаются и самобытное собственное видение мира, и особенности культуры того или иного этно- или лингво-культурного сообщества. «Культура этноса, имея общечеловеческий компонент, в то же время, с одной стороны, отчасти обусловлена частными условиями его проживания и, с другой, она, эта культура, в рамках свойственной людям игры... отчасти привносит свои предпочтения в обустройство мира» [там же: 927]. Разница в абстрактных представлениях языка, в концептуализации действительности может объясняться различиями в климате, в образе жизни народов, в особенностях национального характера, обусловленных психологическими и религиозными факторами. Как отмечает Е.В. Падучева, удивительно не то, что «в эскимосском языке есть много названий для снега, в арабском – для верблюда, а в китайском для риса: язык отражает условия существования его народа и содержит

имена и реалии, специфические для данного народа. Гораздо более удивительно, что языки существенно различаются степенью тщательности разработки вполне абстрактных семантических полей – таких как каузация, агентивность, сфера эмоционального и др.» ([Падучева 1997: 21] – в предисловии к А.Вежбицкой 1997).

Национально-специфичное или культурно-специфичное отражается в структуре значения слова или лексического понятия как основного инструмента классификации действительности. Вместо лексического понятия в концептуальном анализе используется близкий по смыслу термин «концепт». Концептом называют совокупность представлений, переживаний, ассоциаций, которыми сопровождается то или иное слово. «У концепта сложная структура». К ней относится все, что «принадлежит строению понятия», и в его структуру «входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология)…, современные ассоциации, оценки и т.д.» [Степанов, 2004: 43]. По мнению Ю.С. Степанова, концепты не только мыслятся, но и чувствуются, они представляют собой «основную ячейку культуры в ментальном мире человека» [там же].

Подробно разбирая структуру значения и ее связь с национально-культурной спецификой, В.И. Заботкина отмечает, что культурно-специфичные концепты могут выражаться ядром значения, его интенционалом, и тогда они представляют собой реалии. Таких слов не так уж и много. В основном интенционалы слов выражают понятия, универсальные для различных культур. «Благодаря тому, что интенционалы разных слов соотносятся с одним и тем же фрагментом в концептуальной картине мира, возможен адекватный перевод с одного языка на другой» [Заботкина, 2012: 337].

Чаще культурная специфика выражается на уровне импликационала, т.е. периферии значения слова, и тогда речь идет о коннотациях,

связанных с национально-культурными ассоциациями или фоновыми знаниями (лексическим фоном, по терминологии Е.М. Костомарова и В.Г. Верещагина). Вследствие различной концептуализации действительности место и роль концептов в языке различны, также различна структура их значений. Например, концепты, занимающие видное место в менталитете представителя англоязычного лингвосоциума, такие как *privacy*, *efficiency*, в русскоязычной картине мира отсутствуют [там же: 74]. А такие концепты русского языка как *душа*, *стыд*, *совесть* имеют периферийные компоненты значений, отличающиеся от их англоязычных эквивалентов (Арутюнова Н.Д., 2000; Урынсон Е.В., 1999). То же самое можно сказать и об англоязычном концепте *time*. Время рассматривается в английском языке как ценный товар: *time is money* [Lakoff, Johnson, 1980: 7], что не соответствует русскому языку (по крайней мере, не соответствовало до недавнего периода). Концепты относятся к номинативным единицам языка, сравнительным анализом которых успешно и плодотворно занимаются когнитивная лингвистика и концептуальный анализ.

Кроме номинативных единиц, обладающих ярко выраженной культурной спецификой, в языке выделяются реляционные единицы, «указывающие отношения (реляции) между номинативными языковыми единицами» [Верещагин, Костомаров, 2005: 75]. Как отмечают эти авторы, данные единицы, принадлежащие к фонетико-интонационному, морфологическому и синтаксическому уровням, также могут обладать лингвоспецифичностью, объясняемой разницей в концептуализации действительности, но этот вопрос еще не получил широкой разработки в лингвистике.

Вспомним, что Ш. Балли (Ch.Bally) выделил два подхода, характеризующих восприятие действительности языком:

1. *Феноменологический (импрессионистский) подход*, который отличается обилием безличных глаголов, например, *по реке несет*

лед, несет пар из бани (примеры Ch. Bally [Балли, 2003: 188]), причем подобные глаголы имеют чисто переходный смысл. В.Г. Гак интерпретирует этот подход следующим образом: «При феноменистическом, или импрессионистическом подходе разум ограничивается первоначальным впечатлением от ситуации, причина происходящего не выявляется, феномен интерпретируется как внутренняя деятельность» ([Гак, 2003: 14] – в предисловии к Ш. Балли 2003).

2. *Каузальный подход*, когда «мысль инстинктивно обращается к поискам причины и следствия; определенный феномен вызывает идею агенса, производящего транзитивное действие, способное влиять на объект. Когда реальная действительность не предлагает агенса, его, не колеблясь, воображают...» [Балли, 2003: 186].

В русском языке преобладает феноменологический или импрессионистский подход, что доказывается анализом наблюдаемых в нем синтаксических процессов. Как отмечает Е.М. Галкина-Федорук, «количество безличных предложений в современном русском языке все время возрастает. Этот рост следует объяснять не только постоянным развитием и совершенствованием форм мышления..., но и различными грамматическими процессами, природа которых, в конце концов, тоже подчинена растущей сложности содержания речи. Наши данные показывают, что многие личные глаголы начинают употребляться по типу безличных. С другой стороны, некоторые виды безличных предложений остаются в языке в виде реликтов более старых форм мысли» [Галкина-Федорук, 1958: 151].

Действительно, некоторые переходные конструкции с развитием форм языка и мышления стали употребляться как безличные. Например: *Die Wolke giest Regen – Туча проливается дождем/льет дождь. – Es giesst - Льет (как из ведра)* [Балли, 2003: 188]. Тем не менее некоторые ученые

считают, что первоначально безличность была связана с архаичными языковыми формами, восходящими к древним индоевропейским языкам, и объясняется нерасчлененностью внешнего и внутреннего миров человека: «...перед нами внутренний мир человека, освоенный по образцу внешнего. Но этот внутренний мир все еще не вполне «ментальный», это – не мир мыслей, логики, а мир неких внешних сил, вызывающих состояния духа и чувства» [Степанов, 2004: 220].

Таким образом, мы наблюдаем сложную картину процесса развития категории безличности. С одной стороны, это сохранение архаичных, реликтовых форм, с другой, усложнение восприятия действительности и мышления, которое парадоксальным образом проявляется в увеличении безличных форм. Ряд ученых объясняет такое широкое распространение бессубъектных конструкций особым мировосприятием русскоязычного человека.

Например, А. Вежбицкая видит в этом склонность русских к пассивности и фатализму, антирационализму или иррациональности и принятию неконтролируемости событий. Такие особенности нашли свое отражение в современном русском языке в виде инфинитивных конструкций с предикатами необходимости и возможности, инфинитивных конструкций без модальных слов, рефлексивных конструкций при все возрастающем количестве безличных предложений. Автор делает вывод, что «язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению, причем эти события, которые человек не в состоянии до конца постичь и которыми он не в состоянии полностью управлять, чаще бывают для него плохими, чем хорошими, как и судьба» [Вежбицкая, 1997: 76]. (Ср. русское *авось*, тема

судьбы, связанная с невозможностью контролировать события [там же: 76; Верещагин, Костомаров, 2005: 812]).

Анализ, проведенный А. Вежбицкой, подтверждается результатами исследований Н.К. Рябцевой, которая также отмечает распространенность бессубъектных конструкций, согласующихся с мироощущением русского человека: «Действующие в мире силы сильнее человека, неподконтрольны ему... и осмысляются как направляемые особыми, нечеловеческими, сверхчеловеческими явлениями, «силами», которые ненаблюдаемы, неочевидны, их субъект невидим и потому таинствен, мистичен» [Рябцева, 2005: 92].

В английском языке наблюдается другая тенденция. По мнению А.Вежбицкой, английский язык обычно представляет все происходящие жизненные события так, как будто «мы всецело управляем ими, как будто все наши ожидания и надежды находятся под нашим контролем; даже ограничения и вынужденные действия представлены в нем именно с такой точки зрения» [Вежбицкая, 1997: 56]. Может быть, это и есть одна из причин того, что в английском языке в высказываниях обязательно должно быть подлежащее, так как «субъект предложения... представляется отчетливо выделенным из окружающего его фона» [Степанов, 2004: 220].

В этой связи Н.К.Рябцева делает следующий вывод относительно картины мира английского лингвосоциума: «в английской картине мира выделяется не то, что правит миром и изменяет его, а какие изменения в нем происходят и каков их результат» [Рябцева, 1996: 29].

Характеризуя в общем плане стилистические особенности английского и русского языков (и стиль научного изложения в частности), Н.К. Рябцева пишет: «Английский язык в целом более «свободен и демократичен», активен и конкретен, менее стеснен «официальностью» и регламентированностью, и поэтому (в частности) компактен» [там же: 39].

В русском языке, несмотря на его демократизацию, «еще сохраняются черты книжности, помпезности, нарочитого пафоса, директивности, официально-деловой клишированности» [там же]. Эти же характеристики можно отнести и к стилистическим особенностям экономического публицистического дискурса / публицистического стиля. В английском языке установка на убеждение выражается в доверительных отношениях, которые пытается установить говорящий между собой и слушающим. Явно выраженное давление на последнего исключается (для оказания давления используются имплицитные средства языка).

Е.В. Бреус, сравнивая специфические черты публицистического стиля в английском и русском языках, пишет о том, что высказывания в английском языке носят более личностный характер и менее категоричны [Бреус, 1998: 147, 150]. Это наблюдение можно применить и к текстам экономического публицистического дискурса. Автор выдвигает свое суждение как мнение стороннего наблюдателя, цитирует известных политических и общественных деятелей, «стремясь создать при этом впечатление, что все непосредственные свидетели едины в своей оценке» [Кочелаева, 2002: 12]. Все это выражено особыми грамматическими и лексическими средствами английского языка.

В русском языке достоверность сообщения обеспечивается тем, что автор создает эффект присутствия, как будто ведет репортаж с места происшествия. Кроме того, он «ведет диалог с читателем, предлагая только свое мнение, в результате чего текст становится субъективно-оценочным» [там же: 13].

Таким образом, способы передачи оценки в двух языках различаются: в английском преобладает логическая (рациональная), но при этом скрытая оценка, в русском – оценка явно выражена [Ларина Т.В., 2003]. Из этого следует вывод, что русскоязычные тексты характеризуются более высокой степенью категоричности высказывания,

которая достигается за счет использования отрицательных конструкций и снятия модальной оценки. В английском языке наблюдаются тенденции к использованию скрытого отрицания и смене места отрицания (*I don't think I should*), а также повышенная частотность модальных оценок и, следовательно, активное употребление модальных глаголов.

В русском и английском языках общие языковые тенденции, о которых говорилось выше, влияют на выбор конкретных стилистических средств как на лексико-грамматическом (синтаксическом), так и на семантическом уровнях.

Рассмотрим некоторые стилистические особенности лексико-грамматического и семантического уровней русского и английского языков, которые могут объясняться спецификой концептуализации действительности, особенностями менталитета представителей двух лингвосоциумов.

Бессубъектные конструкции русского языка

Как уже было показано выше, лингвисты (А. Вежбицкая, Н.К. Рябцева), теоретики и практики перевода (Е.В. Бреус) отмечают безличность стиля изложения русского языка, и, соответственно, распространенность бессубъектных конструкций. При этом английскому языку свойственна большая распространенность конструкций с действительным залогом (Active Voice).

Явление грамматического анимизма в английском языке (термин В.Г. Гака, 1998)

Это проявляется, когда в роли подлежащего вместо одушевленного существительного употребляется неодушевленное (названия места, причины, орудия действия и т.д., играющие роль субъектов действия), по сути просто заполняющее валентность подлежащего, так как реальный субъект действия отсутствует. Следует сказать, что подобное явление характерно не только для английского языка, но и для других европейских

языков. Приведем примеры дословных переводов с французского языка: *Конгресс собрал 1000 делегатов. Дождь помешал мне выйти. Вино делает его больным. Катастрофа убила пять человек. Октябрь видел повышение цен на нефть* [Гак, 1998: 751]. С подлежащими, выраженными неодушевленными существительными, сочетаются антропоморфные глаголы. В русском языке синтаксические метафоры практически не встречаются.

Конструкции с отглагольными существительными в русском языке

В работах лингвистов (например, Н.К. Рябцевой) и в практических пособиях по переводу (Е.В. Бреуса) отмечена большая распространенность отглагольных существительных и, как следствие, грамматических конструкций, созданных из цепочек существительных, стоящих в родительном падеже, а также абстрактных существительных, в то время как в английском языке предпочтение отдается глаголам. Е.В. Бреус подчеркивает, что «необходимость замены русских отглагольных существительных глагольными формами объяснялась общей тенденцией английского языка к предпочтительному использованию вербальных признаков при описании внешнего мира» [Бреус, 1998: 84].

Характеризуя стилистический уровень языка, можно отметить, что в публицистическом стиле советских времен установка на убеждение читателя достигалась при помощи риторического пафоса, который создавался путем использования книжных слов, слов с ярко выраженной отрицательной коннотацией (указывающих на негативные свойства и вызывающих отрицательные эмоции) [там же]. Обезличенность стиля изложения достигалась активным использованием книжных грамматических оборотов (причастных, деепричастных оборотов, сложносочиненных и сложноподчиненных предложений и т.д.). В настоящее время в публицистику (в том числе и в экономический

публицистический дискурс) активно проникают разговорные выражения и конструкции и происходит сближение с английским языком. В русскоязычных газетных текстах для выражения экспрессии активно используются метафоры и другие стилистические приемы, такие как парные синонимы, (иностранные) заимствования, игра слов.

Английскому языку свойствен нейтральный стиль изложения, поэтому книжная и возвышенная лексика в нем употребляются не так часто, как в русском. Вместо этого активно применяются слова нейтрального стиля, а также разговорные и экспрессивно окрашенные. Особое место занимают фразовые глаголы, принадлежащие к нейтральной и экспрессивно окрашенной лексике. Среди лингвоспецифичных стилистических средств английского языка можно назвать метафоры, парные синонимы, игру слов, аллитерацию.

Кроме того следует упомянуть, что с картиной мира также связаны имплицитные модели языка, передающие денотативное содержание. Английский язык более имплицитен и краток по сравнению с русским, поэтому это свойство можно также признать важной его стилистической особенностью.

Стилистическое своеобразие разных языков восходит к языковым картинам мира, поэтому перевод при помощи нахождения прямых соответствий не всегда возможен. В связи с этим нередко экспрессивные средства ИТ воссоздаются при помощи лингвоспецифичных стилистических средств ПТ. Владение такими средствами соотносится с уровнем развития лингвистической составляющей коммуникативной компетенции, непосредственно связанной с языковым тезаурусом профессиональной вторичной языковой личности.

2.3.2. Анализ дискурсивной составляющей коммуникативной компетенции модели ППК

Рассмотрим языковые факторы, способствующие формированию дискурсивной составляющей коммуникативной компетенции модели ППК профессиональной вторичной языковой личности. Речь идет о когезии и когерентности в текстах экономического публицистического дискурса.

Основным организующим принципом любого текста является его связность, которая достигается за счет когезии – формальной связности и когерентности – смысловой связности. Понятия «когезия» и «когерентность» были введены в лингвистику М.А.К. Хэллидеем (Halliday М.А.К., 1976) для характеристики формальной и смысловой связи в тексте. В отечественной лингвистике первым эту проблему начал разрабатывать И.Р. Гальперин: «Когезия – это особые виды связи, обеспечивающие континуум, т.е. логическую последовательность (темпоральную и /или пространственную), взаимосвязь отдельных сообщений, фактов, действий и пр.» [Гальперин, 2014: 144].

В настоящее время в лингвистике общепринят подход, в соответствии с которым «когезия и когерентность представляют собой, по сути, разные аспекты связности текста: формальный и содержательный» [Атултанова, 2006: 23]. К способам обеспечения когезии как формальной связности текста относятся традиционно выделяемые лингвистами: 1) лексические средства (лексический повтор, синонимия, антонимия, гиперонимия и др.); 2) синтаксико-грамматические средства (союзы и союзные слова, дейктические местоимения, тип предложения, видо-временные формы глаголов, причастные обороты, однородные члены предложения); 3) логико-семантические средства (наречия времени и места, формы перечисления, тема-рематические структуры, инверсии); 4) образная когезия (метафоры, сравнения, коннотации, субъективно-

оценочная модальность и т.д.); 5) символическо-графические средства (выделения абзацев, использование особых шрифтов) и т.п.

К когерентности, обеспечивающей смысловую связь текста, относятся: 1) единство мотивов (топиков); 2) референциальное единство текста, его непротиворечивость; 3) событийное единство [там же: 33].

Таким образом, когезия создается благодаря использованию определенных языковых средств (союзов, местоимений, частиц, слов-заместителей, согласованию временных форм). Когерентность достигается на уровне смыслового единства текста на основе логической последовательности и непротиворечивости изложения.

Для реализации прагматической цели экономического публицистического дискурса – воздействия на убеждения и взгляды читателя (слушателя) – текст должен обладать особой смысловой и формальной связностью, выраженной специальными языковыми средствами.

В английском языке в газетных текстах экономического содержания наиболее часто употребляются повторы (слова, словосочетания, части предложения, целые предложения), синонимические замены и перифразистические обороты, замены существительного местоимением, стилистические употребления артиклей, использования терминологии, цитат, лексических сокращений, аббревиатур, временной соотносительности, лингвоспецифичных систем образных средств.

В русском языке в текстах такого типа встречаются те же самые перечисленные лексические средства. Однако, несмотря на наличие соответствий между средствами выражения связи в обоих языках, при переводе с русского на английский язык часто приходится фактически «воссоздавать» логические отношения в тексте лингвоспецифичными средствами ПТ при помощи интерпретации смысла. Объясняется это межъязыковой асимметрией: в английском языке когезия достигается за

счет использования артиклей и временных форм, и в нем не всегда присутствует эксплицитное выражение логических связей в тексте в виде различных вводных слов, союзов и т.п., что как раз характерно для русского языка. Имплицитность выражения логических связей в английском языке и их более эксплицитный характер в русском, несомненно, связаны с межъязыковой асимметрией, вызванной различиями языковых картин мира двух лингвосоциумов. Однако этот вопрос требует отдельной проработки.

Структурные организации текста, т.е. деление на абзацы, в английском и русском языках также различаются. По мнению Р. Каплана (R.Kaplan), в английском языке ее можно сравнить с прямой линией, а в русском с зигзагообразной, обнаруживающей, что развертывание мысли может перебиваться разнообразными отступлениями. Для английского языка характерна более жесткая связь между высказываниями, а в русском языке высказывания более автономны. Все это ведет к необходимости изменять границы абзацев при переводе с русского языка на английский. Например, по данным исследования Н.А. Кочелаевой, границы абзацев при переводе были изменены в 70% случаев [Кочелаева, 2002: 15].

Таким образом, можно сделать вывод, что связность текста имеет лингвоспецифичное выражение и представляет собой важный языковой аспект, владение которым свидетельствует о высоком уровне развития лингвистической и дискурсивной составляющих коммуникативной компетенции модели ППК профессиональной вторичной языковой личности.

2.4. Перевод специальных текстов с учетом различий языковых картин мира в соотносимых ЯСЦ (LSP)

2.4.1. Жанрово-стилистическая функция текста в переводе

В.Н. Комиссаров указывает два основания для классификации видов перевода: по характеру переводимых текстов и по особенностям речевых действий переводчика в этом процессе [Комиссаров, 1990: 94]. В зависимости от жанрово-стилистического своеобразия оригинала выделяются два функциональных вида переводов: художественный (литературный) и информационный (специальный). «Информационным переводом называется перевод текстов, основная функция которых заключается в сообщении каких-то сведений, а не в художественно-эстетическом воздействии на читателя» [там же: 97].

Специфика перевода информативных (термин К. Райс (K. Reiss)) типов текста описана специальной теорией перевода, изучающей три ряда факторов, которые необходимо учитывать при анализе переводов этого типа. В.Н. Комиссаров отмечает, что «специальная теория перевода изучает воздействие на процесс перевода языковых особенностей определенного функционального стиля в ИЯ, аналогичного ему функционального стиля в ПЯ и взаимодействия этих двух рядов языковых явлений» [Комиссаров, 1980: 109]. В рамках каждого функционального стиля можно выделить языковые особенности, влияющие на перевод.

Так как объектом настоящего диссертационного исследования являются структурные и смысловые преобразования в специальном переводе с родного языка на иностранный на материале публицистических текстов экономической тематики, рассмотрим вкратце их функционально-стилистические особенности. Такие тексты обладают чертами научно-технического и газетно-публицистического стилей. Научный стиль «характерен для текстов, предназначенных для сообщения точных сведений из какой-либо специальной области и для закрепления процесса познания» [Арнольд, 1990: 259]. Как уже отмечалось выше, его ведущая направленность представлена интеллектуально-коммуникативной, или

денотативной функцией, ориентированной на передачу информации (по терминологии Р. Якобсона, принятой в нашем исследовании). Тексты этого функционального стиля лишены субъективной эмоциональности, их главные качества – «объективность, логичность, доступность, обобщенность, отвлеченный характер» [Брандес, 2004: 59]. Общепринятая стилистическая черта научно-технического текста – его стандартизированность, «т.е. выбор предписываемого для данных условий коммуникации клишированного языкового варианта» [там же: 60]. Основная его особенность лексического уровня – активное использование терминов.

В настоящее время усиливается потребность облегчать понимание научных текстов в связи с их включенностью в культурный процесс и необходимостью их популяризации, что ведет к использованию экспрессивных стилистических языковых средств. Такое сочетание языковых средств для передачи денотативной и экспрессивной функции особенно характерно для языка газеты.

В газетно-публицистические тексты входит достаточно разнородный материал. «Понятие газетно-публицистического стиля складывается из языка газет, общественно-политических журналов, воззваний и прокламаций, из языка докладов, выступлений, бесед, речей, дискуссий, языка радио- и телепередач, документально-публицистического кино» [там же: 71].

Некоторые авторы считают, что язык газет настолько разнороден, что невозможно объединить его в общий газетно-публицистический стиль, так как в нем встречаются и научные тексты (относящиеся к научно-техническому функциональному стилю), и общественно-политические документы (отражающие официально-деловой стиль), и отрывки из художественных произведений (Кузнец М., Скребнев Ю., 1960). Тем не менее все же можно выделить основные черты газетно-публицистического

стиля. Как отмечает М.П. Брандес, главная его коммуникативно-прагматическая функция – пропагандистско-агитационная. С одной стороны, она направлена на передачу информации, т.е. связана с денотативной функцией языка, с другой – на убеждение реципиента, читателя в правоте излагаемой точки зрения, т.е. имеет непосредственное отношение к экспрессивной функции. По мнению М.П. Брандес (2004), основной стилистический принцип организации языка газетно-публицистического стиля – это сочетание стандарта и экспрессии .

Другая отличительная черта языка газет состоит в его логической организованности (тема-рематической организации, использовании средств связи). В большинстве своем он представляет собой книжно-обиходный язык, в котором активно используются синтаксические конструкции и средства связи, присущие книжным стилям, в частности, научно-техническому стилю.

Предпереводческий анализ текста неизбежно приводит к выбору доминанты перевода – основных элементов ИТ, представляющих собой коммуникативно значимую или релевантную информацию, которую необходимо передать в ПТ. Эта доминанта зависит от преобладающей языковой функции текста. При передаче денотативной функции следует добиваться наибольшего соответствия языку оригинала в целях передачи инварианта содержания с позиций требования переводческой эквивалентности. Если ведущая функция текста – экспрессивная, то надо обеспечить адекватность его воздействия на получателя перевода, т.е. нужно стремиться передавать не только содержание, но и (образную) форму сообщения. При невозможности передать языковую форму оригинала часто приходится прибегать к стилистической адаптации и даже компенсации. Во всех случаях – при передаче и денотативной, и экспрессивной функций – переводчик обращается к интерпретации смысла. При переводе на четвертом и пятом уровнях переводческой

эквивалентности выражение смысла в языках симметрично, поэтому в этих случаях используются готовые соответствия. При переводе на первом - третьем уровнях эквивалентности, в том числе при передаче стилистических приемов переводчик прибегает к интерпретации, способствующей сохранению тождества смысла при помощи структурно-смысловых преобразований. Сохранение тождества смысла связано со сменой референции, так как при межъязыковой асимметрии признаки описания ситуации не совпадают, и возможна их взаимозаменяемость при помощи экспликации или импликации на основе знания пресуппозиций ИТ.

В настоящее время особое внимание обращается на прагматические аспекты перевода в связи с возросшими объемами переводимой информации и необходимостью ускорения процесса перевода при обеспечении его приемлемого качества. Большой вклад в теоретическое описание прагматических отношений был внесен немецкой школой (см. первую главу). Так, А.Нойберт выделил четыре типа текста, различающиеся по характеру прагматических отношений и, соответственно, по степени переводимости. Дальнейшее развитие прагматика перевода получала в трудах К.Райс (K.Reiss), разработавшей «скопос-теорию», в соответствии с которой результаты перевода зависят от его цели. В свою очередь на цель перевода неизбежно влияют прагматические отношения в тексте, в частности его тип. Типы текстов были классифицированы в соответствии с ведущими языковыми функциями. К.Райс (K.Reiss) за основу приняла классификацию языковых функций, предложенную К.Бюлером. В нее входят три функции: описания – передача информации (или денотативная, по классификации Р.Якобсона), выражение – эмоции и эстетическое восприятие (экспрессивная, по классификации Р.Якобсона), и обращение – призыв к действию [Комиссаров, 2002: 255 – 259; Прунч, 2015: 81-84].

В.В. Алимов выделил три вида перевода в зависимости от его коммуникативной направленности, что соответствует доминанте ИТ и ПТ В.Н.Комиссарова:

- художественный – проза, поэзия, фольклор;
- общественно-политический – газетные, публицистические и ораторские тексты (выступления, заявления);
- специальный – профессионально ориентированный перевод в сфере профессиональной коммуникации – военный, юридический, экономический, научно-технический, научный, технический, медицинский и др.) [Алимов, 2005: 45].

Дополняя этот состав, можно прибавить перевод текстов экономического публицистического дискурса в качестве связующего звена между общественно-политическим (публицистическими текстами) и экономическим (специальным) переводами, так как доминантой таких текстов, как уже было сказано выше, является передача информации, связанной с денотативной функцией языка, и стилистических образных средств, выражающих экспрессию. Дополненная таким образом схема представлена на рис. 5.

Рис.5. Виды переводов в зависимости от ведущей языковой функции текста

Основную трудность в работе с текстами научно-технического функционального стиля представляет перевод терминологии и специальной лексики. Для текстов экономическо-публицистического дискурса, предусматривающих передачу денотативной и экспрессивной языковых функций, характерны трудности двоякого рода: использование терминов для описания понятий экономического дискурса, что позволяет причислять их к ЯСЦ, и насыщенность лингвоспецифичными образными средствами, не всегда имеющими соответствия в обоих языках. Они «обладают всеми признаками специальных текстов, сохраняя в качестве одной из своих характеристик четко выраженную прагматическую, экспрессивно-оценочную направленность высказывания» [Полубоярова, 2009: 11]. Поэтому при переводе текстов экономического публицистического дискурса приходится решать два вида трудностей: с одной стороны, перевод терминов, с другой – включение экономического публицистического дискурса в широкий прагматический контекст языка (по терминологии Т. Гивона (T. Givon)).

По мнению некоторых исследователей, например, А.Пима (A. Pym), такое включение текстов общего содержания в социальный и культурный контекст делает их перевод сложнее, чем текстов специальной коммуникации/ЯСЦ (Pym et al., 2006), потому что их терминология осваивается легче, нежели широкий прагматический контекст неродного языка, т.е. его языковая и в какой-то степени концептуальная картины мира.

В связи с этим при переводе текстов экономического публицистического дискурса необходимо решать задачи, связанные с различиями в картинах мира русского и английского языков. Передача экспрессивной функции зависит от уровня владения широким

прагматическим контекстом (например, при преодолении трудностей, с которыми приходится сталкиваться при переводе с родного языка, охарактеризованных М.Ледерер и приведенных в первой главе). Экономическая направленность таких текстов, выражающаяся в обилии финансово-экономических терминов, делает практически невозможным перевод без понимания предметной области, знания в которой крайне важны переводчику.

В этом случае можно говорить об антиномии эквивалентности и адекватности (по терминологии В.Н. Иванова, 2014), «где каждая из категорий диалектически предполагает присутствие другой, противоположной [Полубоярова, 2009: 35], так как речь идет о передаче инварианта содержания с позиций требования переводческой эквивалентности (в большей степени связанной с денотативной функцией текста), и об адаптации прагматических аспектов, реализующих экспрессивную функцию текста.

Следовательно, для перевода текстов публицистического экономического дискурса переводчик должен обладать развитыми коммуникативной и экстралингвистической компетенциями модели ППК (знаниями культуры, предметной области и энциклопедическими знаниями или знаниями о мире).

2.4.2. Асимметрия языковых картин мира в переводе: дискурсивный аспект

Как уже было сказано, при переводе газетных статей экономического содержания необходимо учитывать их двоякую коммуникативную установку: прежде всего, на передачу денотативного содержания и, конечно, на убеждение читателя, т.е. воздействие на его взгляды и эмоции, что связано с передачей экспрессивной функции.

Денотативное содержание доводится до его понимания с помощью терминологии и средств общего языка, служащих для выражения предметной информации. Дело осложняется несовпадениями в лексической сочетаемости и объеме значений слов, вызванными различиями в картинах мира русского и английского языков, что побуждает к использованию при переводе семантических трансформаций. Рассмотрим эти два аспекта более подробно.

2.4.2.1. Передача денотативной информации в переводе: терминологический аспект

Знание особенностей семантики терминов позволяет нам подойти к их переводу следующим образом. Термин одного языка используется для названия специального понятия. При переводе надо подобрать иноязычное соответствие, т.е. термин, означающий то же понятие. Этот процесс можно представить в виде такой схемы: «термин 1 - специальное понятие - термин 2».

Мы обсуждаем перевод финансово-экономической терминологии с русского языка на английский. Вначале выясним, как соотносятся финансово-экономические терминосистемы обоих языков. Английская часть картины мира представлена сложной и разветвленной системой специальных понятий и, соответственно, терминов. В русском языке она не всегда была идентична английской, потому что в советский период практически не развивалась и, соответственно, не обогащалась сама терминология. Таким образом мы приходим к заключению, что и системы понятий в языках, и тезаурусные сетки понятий в ментальном лексиконе профессиональной языковой личности не совпадают.

Анализ англо-русских словарей показывает, что в качестве переводов термина часто предлагаются фонетические кальки: *коносамент, маркетинг, опцион, бартер* и т.д. Нередко такой перевод не

удовлетворяет, так как подобные варианты не передают необходимые понятия. Тогда приходится обращаться к описательному переводу. Немотивированность большинства появляющихся в русском языке терминов объясняется отсутствием в нем понятий, соответствующих рыночной экономике. Тем не менее в настоящее время наблюдается повышенный интерес к фонетическому калькированию терминологии (транскрипциям и транслитерациям), и в таких случаях перевод с русского языка на английский не представляет особых трудностей.

Для более глубокого понимания соотношения терминологии этих языков мы воспользовались данными исследования, проведенного М. Беяевой и В.Д. Табанаковой, которые проанализировали переводы 644 терминов английской финансовой лексики, выявленных методом сплошной выборки из ряда финансово-экономических словарей. Критерием отбора терминов послужила их однословность. В результате анализа было установлено, что из 644 терминов 330 переведены при помощи транскрипции и транслитерации; на втором месте следует метод лексического калькирования (116 слов); затем - пояснительный перевод, приемы генерализации, конкретизации и лишь для 32-х терминов найдены эквиваленты-соответствия [Беяева, Табанакова// <http://www.utmn.ru>].

Как показало рассмотренное исследование, чаще всего финансово-экономические термины переводятся при помощи фонетического (транскрипции и транслитерации), а также лексического калькирования. Нередко использование фонетической или лексической кальки для перевода безэквивалентного слова сопровождается описанием его значения в специальном примечании или сноске. Это дает возможность сочетать краткость и экономность средств выражения с обеспечением более полного понимания окказионального соответствия рецептором

перевода. Разъяснив однажды значение переводимой единицы, переводчик может в дальнейшем использовать транскрипцию или кальку уже без объяснений.

Схожим образом были эмпирически подтверждены способы перевода терминологии, продемонстрированные В.М. Лейчиком. В своем исследовании В.М. Лейчик и С.Д. Шелов (1990) описали пять способов перевода терминов: нахождение эквивалента (оптимальный вариант), придание термину нового значения под влиянием термина в языке оригинала (семантические сдвиги – разные виды метонимий), семантическое и структурное калькирование, заимствование (включая термины-интернационализмы), перевод описательной конструкцией. Выбор способа перевода терминов обосновывался разными причинами: экстралингвистическими (целью перевода, наличием теории в соответствующей области) и внутрилингвистическими (наличием эквивалентов в обоих языках, интернациональностью термина).

Способы перевода безэквивалентной лексики были показаны отечественными переводоведами (В.Н. Комиссаровым, Л.К. Латышевым). В безэквивалентную лексику входят лексические и культурные лакуны – слова, называющие специфические понятия и национальные реалии [Комиссаров, 1990: 48], в том числе и временно безэквивалентные термины: например, финансовые термины из английского языка: *IPO*, *placement*. В.Н. Комиссаров отметил, что для перевода безэквивалентной лексики создаются окказиональные соответствия, и выделил несколько путей их создания, в которые вошли транскрипция, лексическая калька, аналоги, лексические замены и пояснительный перевод [Комиссаров, 2002: 169].

Интересно, что способы перевода терминов, предложенные В.М. Лейчиком, и способы перевода безэквивалентной лексики, описанные В.Н. Комиссаровым и Л.К. Латышевым, совпадают.

2.4.2.2. Передача денотативной и экспрессивной функций текста в переводе: языковая асимметрия

Этот раздел посвящен особенностям передачи денотативного содержания при несовпадении семантического уровня двух языков, вызванных различиями в картинах мира. Конечно, деление на лексико-грамматический и семантический уровни условно, так как интерпретативное моделирование перевода, основанное на изменении референции при сохранении инварианта смысла, связано со всеми языковыми уровнями. Семантический уровень – ключевой, в нем задаются все основные языковые смыслы: лексико-грамматический уровень используется в качестве «упаковки» этих смыслов, а стилистический и прагматический вводят в текст языковую личность.

В разделе 2.3 второй главы говорилось о различиях в концептуализации действительности, проявляющихся в несовпадении признаков в метафорических образах двух языков и о необходимости отбора разных признаков для описания одной и той же денотативной/предметной ситуации.

Рассмотрим эти факторы более подробно. Данные концептуального анализа свидетельствуют о том, что метафора и метонимия – два основополагающих инструмента концептуализации и осмысления действительности: «метафора и метонимия помогают осмыслять непредметные сущности в привычных и простых представлениях и становятся настолько распространенным способом концептуализации, что не осознаются носителями языка. Более того, концептуальные метафоры оказываются встроенными в систему культуры в целом, так что мы не просто «думаем» в соответствующих терминах, но даже живем по

правилам разворачивания таких метафор, как «время – деньги», «спор – война» [Рябцева, 2005: 58].

Различия в основании образов метафор в свою очередь вызывают несовпадения в периферийных метафорических значениях (или компонентов значений) многозначных слов и в сочетаемости. Например,

- в метафорических образах: *сдвинуть с мертвой точки* – *to get off the ground*; *начать с нуля* – *to start from scratch* и вытекающих отсюда несовпадениях в переносных значениях слов: *зажечь спичку* – *to strike a match*, *зажечь свечу* – *to light a candle*, *зажечь интерес, страсть, энтузиазмом* – *to ignite/kindle interest, passion, to stir smb's enthusiasm*;
- в сочетаемости: *сильный дождь* – *heavy rain*, *сильная любовь/интерес* – *deep love/interest*, *сильная ненависть* – *bitter hatred*.

Новейшие лингвистические исследования по концептуальному анализу подтверждают, что «лексическая сочетаемость объясняется особенностями восприятия, категоризации, концептуализации и интерпретации человеком внешнего и внутреннего мира», т.е. тоже задается картиной мира, воплощенной в национальном языке [там же: 71], так как она зависит от периферийных метафорических значений слов.

Влияние языка оригинала ведет к переносу норм сочетаемости в язык перевода, потому что при недостаточном уровне развития профессиональных компетенций переводчик учитывает только буквальные значения слов. Например, по-русски мы говорим «*сильная любовь*», по-английски более идиоматично сказать не «*strong love*», а «*deep love*». По наблюдениям А.Д. Швейцера, типичными ошибками являются: 1) употребление прямого значения слова вместо переносного (при расхождении в их применении в прямом и переносном значениях). Так, глагол *развеять* в прямом значении (*развеять пепел*) переводится *to*

scatter (ashes). Его перевод в переносном значении зависит от существительного, с которым этот глагол сочетается: *развеять иллюзию – to dispel an illusion; развеять миф – to destroy/explode a myth*; 2) переносы заданного лексического соответствия на все сочетания данного слова. Например, *преодолеть трудности, препятствие, сопротивление, искушение – to overcome a difficulty, an obstacle, resistance, temptation*. По-русски также можно сказать *преодолеть жилищный кризис*, по-английски идиоматичным способом выражения этой идеи будет: *to meet/cope with a shortage* (примеры из [Швейцер, 1996: 85]).

В какой-то мере на помощь переводчику приходит семный анализ. Переводя словосочетания, нужно руководствоваться нормами семантического согласования, требующего, «чтобы компоненты словосочетания содержали общие или, по крайней мере, не противоречащие друг другу семы» [Гак, 1977: 25].

В целях овладения нормами лексической сочетаемости можно воспользоваться лексическими функциями (ЛФ) и семантическими параметрами (СП) из модели «Смысл-Текст» И.А. Мельчука. При переводе происходит отход от поверхностной структуры семы ИТ в процессе девербализации, выявляется ее глубинный смысл на основе понимания и интерпретации логических отношений между словами и затем он ревербализуется в соответствии с нормами ПТ.

В качестве примера используем СП Magn, имеющий смысл ‘очень’ и обозначающий высокую степень проявления признака. Этот параметр занимает важное место в языке и покрывает большое количество лексических и фразеологических единиц, что свидетельствует «...о его особой лингвистической значимости и его принципиально важном значении для описания очень многих явлений в языке» [Рябцева, 2005: 133 – 134]. На его примере рассмотрим алгоритм действия при переводе

любых свободных словосочетаний, в данном случае, существительных с прилагательными.

В качестве первого шага надо выявить, какой семантический параметр выражает словосочетание. В нашем случае мы рассматриваем СП Magn. В таких словосочетаниях как *заклятый враг*, *дремучее невежество*, *отъявленный лжец* прилагательные передают крайнюю степень проявления признака, т.е. идею интенсивности. При переводе на английский нужно выразить эту идею идиоматичными средствами английского языка, т.е. воссоздать смысл, учитывая особенности сочетаемости ключевых слов в этих словосочетаниях (существительных). Как уже было сказано, лексическая сочетаемость задается особенностями метафоризации языковой картины мира, а выбор конкретного выражения СП зависит от речевого узуса, который в свою очередь определяется уровнем сформированности ППК. Ошибки в узусе ведут к неидиоматичной речи. Для перевода конкретных словосочетаний нужно подобрать слово, сочетающееся с ключевым словом и отражающее нужную идею, в данном случае идею интенсивности. Проведя такую операцию, получаем следующие английские словосочетания: *deep/bitter enemy*, *deep/crass ignorance*, *blatant liar*.

Выбор слова, сочетающегося с ключевым, зависит от интерпретации действительности – от того, какой признак выбран для метафорического образа. Этот процесс можно сопоставить с активацией терминала фрейма из фреймовой теории перевода. Как уже упоминалось в первой главе, возможность правильной интерпретации и выбор соответствующего варианта при переводе зависят от владения переводчиком системой пресуппозиций.

Распространенной ошибкой при переводе с русского языка на английский при недостаточном развитии ППК является перевод переносных значений прямым (например, прилагательным *strong*). Л.К.

Латышев подчеркивает, что «многие способы выражения семантических параметров возникли как метафоры. Однако постепенно эти метафоры стерлись и сейчас как таковые не воспринимаются» [Латышев, 2001: 137].

Таким образом, можно сделать парадоксальный вывод, что прямых и однозначных соответствий между словосочетаниями английского и русского языков практически не существует. При характеристике сочетаемости слов мы опираемся на их семный анализ, а переводческие преобразования осуществляются на уровне компонентной эквивалентности, так как семантические признаки в русском и английском языках совпадают, хотя и передаются разными словами из-за разницы в основаниях метафорических образов в периферийных значениях слов. Если при описании одной и той же предметной ситуации используются разные семантические признаки (перевод на уровне ситуативной модели) [Швейцер, 1973: 54 – 55], то при переводе изменению подвергается сам семантический признак и происходит семантический сдвиг. Такие лексико-семантические и лексико-грамматические преобразования основываются на логических отношениях между понятиями, которые допускают вариативность в интерпретации ситуации двумя языками при выборе и экспликации признаков ее описания. Но сам выбор признаков в ИТ и ПТ остается в рамках логических отношений, что доказано классификациями переводческих трансформаций и приемов перевода, охарактеризованных разными переводоведами.

Например, известным пяти основным логическим отношениям между понятиям [Ивин, 1999: 45 – 47] соответствуют пять типов лексико-семантических и лексико-грамматических трансформаций по классификации В.Г. Гака, встречающихся и на уровне языка, и в речи:

- 1) лексико-семантическая синонимия (*недомогание* – *болезнь*);
- 2) смещение (лат.*bucca* ‘щека’ – фран.*bouche* – ‘рот’) (*стол* – *стул*);

3) антонимия (*темный – светлый*) [Гак, 1998: 470]. В речи антонимы могут заменять друг друга лишь внутри более широкого контекста: *Он остался – Он не ушел*;

4) расширение – генерализация (*стол – мебель*) и сужение – конкретизация (*фрукт – яблоко*);

5) перенос по сходству (метафора) и перенос по смежности (метонимия): часть – целое: *стол – ножка*; предмет – материал: *стол – дерево*; действовать – объект: *вбивать – гвозди*; действие – объект: *наук – паутина*; причина – следствие: *болезнь – смерть* и др.) [Гак, 1998: 470].

В свою очередь выделенные Я.И. Рецкером закономерные соответствия слов-понятий при отсутствии эквивалентов (эквивалентных соответствий) полностью совпадают с данной классификацией [Рецкер, 2004: 18, 45 – 63].

Анализируя примеры перевода, мы приходим к выводу, что все семантические сдвиги, вызываемые разными взглядами на ситуацию представителей двух лингвосоциумов и приводящие к использованию несхожих семантических признаков при ее описании, представляют собой различные виды метонимий, которые в традиционной классификации подразделяются на антонимический перевод, конверсивы, собственно метонимии, конкретизацию, генерализацию и др. Например, по данным концептуального анализа, и генерализация, и конкретизация относятся к типам метонимического переноса: «Обе эти операции, конкретизация и генерализация, когнитивно связаны, обозначают мыслительные, дополняющие друг друга процессы, синкретично и креативно воплощенные в метонимической, метаязыковой интерпретации событий» [Рябцева, 2005: 530].

Еще одно важное проявление межъязыковой асимметрии можно встретить в имплицитных моделях языка. В.Н. Комиссаров рассматривал несовпадения в имплицитности языков на разных уровнях модели

эквивалентности, выделяя при этом различную степень детализации описания ситуации. Английский язык в целом более имплицитен – иногда целая ситуация может называться одним словом. При описании ситуации может изменяться способ объединения в предложении ее признаков. Одни и те же признаки могут входить в разные словосочетания: *Он быстро скакал на своем скакуне* – *Он скакал на своем быстром скакуне* (пример В.Н. Комиссарова). При этом английский язык гораздо свободнее сочетает признаки, чем русский.

А.Д. Швейцер описал трансформации на уровне синтаксиса и семантики, связанные с передачей имплицитности информации в двух языках. Например: одним словом в английском языке выражается ситуация (семантическое стяжение): *a summit* – *встреча на высшем уровне*, *to depth-probe the situation* – *глубоко проанализировать*; склеенное выражение в английском языке признаков ситуации, которое при переводе требует лексического развертывания. Соответственно, при переводе с русского языка нужно знать идиоматичные структуры такого рода: *Крым займет ведущее место по производству ароматических масел* – *The Crimea will be a key supplier of essential oils* (Швейцер А.Д., 1973).

Следует также упомянуть особенности передачи при переводе логической организации текстов экономического публицистического дискурса, так как они имеют прямое отношение к картине мира. Эта важная тема требует отдельного исследования. Мы лишь наметим некоторые особенности перевода трудностей, связанных с передачей логических связей текста, что несомненно будет способствовать адекватному восприятию реципиентом денотативной информации в тексте перевода.

Главными трудностями считаются сохранение тема-рематического членения предложений и адекватная передача логических связей. Первое связано с порядком слов в высказывании. При переводе в большинстве

случаев стараются сохранять порядок слов языка оригинала, так как в соответствии с универсальными законами человеческого мышления самая важная часть информации – рема – располагается в конце предложения (в моноремах и диремах русского языка и диремах английского языка).

Важным аспектом, относящимся к логической организации текста является несоблюдение при переводе границ высказывания или даже абзацев, так как в английском языке логика группировки признаков действует иначе по сравнению с русским языком, что также обусловлено различиями в картинах мира у носителей двух языков.

При передаче логической организации текста экономического публицистического дискурса при переводе связок – строевых элементов речи, отвечающих за логические связи в тексте, – также следует учитывать особенности построения дискурса на русском и английском языках. Более имплицитный характер английского языка и выражение в нем логических связей при помощи таких лингвоспецифичных средств, как артикли, видо-временные формы приводят к тому, что эксплицитно отраженные в русскоязычном тексте связи опускаются, уходят в подтекст. Союзы, вводные слова иногда переводятся прямыми соответствиями, но чаще устраняются.

В третьей главе, посвященной систематизации переводческих трудностей, представлены конкретные примеры.

Как уже было сказано ранее, при переводах газетных статей экономического содержания надо учитывать необходимость передачи не только денотативной, но и экспрессивной функции, нацеленной на убеждение читателя, воздействие на его взгляды и эмоции. При ее воплощении «переводчик мысленно соизмеряет реакцию на тексты оригинала и конечного сообщения разноязычных получателей» [Швейцер 1973: 142]. В переводе могут быть использованы разные стилистические средства, так как языки отличаются жанрово-стилистическим

своеобразием и своим собственным набором лингвоспецифичных средств, служащих для выражения экспрессии. «Соотношения элементов языковой формы, с одной стороны, и осуществляемой ими стилистической... функции, с другой стороны, в разных языках может быть чрезвычайно различным, не совпадая, а, напротив, варьируя в самых широких пределах» [Федоров, 2002: 108].

На выбор конкретных стилистических средств на уровне грамматики и лексики влияют общие тенденции, характеризующие стиль языка в целом, как русского, так и английского.

Важный аспект перевода стилистических особенностей также связан с передачей стилистической стратификации языка или его деления на разные функциональные стили и регистры (книжный – разговорный – нейтральный, письменный – устный). Следует учитывать, что принадлежность словарных единиц к различным функциональным стилям и их узус в обоих языках не совпадают.

Передача экспрессивной функции во многом зависит от достижения экспрессивной эквивалентности, т.е. такого коммуникативного эффекта, при котором реакция получателя ПТ будет сходной с реакцией получателя ИТ. Для этого используют определенные лексико-грамматические, семантические преобразования и стилистические приемы, благодаря которым уравниваются обе тенденции:

- снижается коммуникативное воздействие, т.е. риторический пафос публицистического текста русского языка. Для этого вместо книжных выражений (на уровне лексики и грамматики) применяются стилистически нейтральные и разговорные конструкции (прием стилистической модификации) [Швейцер, 1973: 194].

- сохраняется экспрессивный эффект оригинала: эмоциональное воздействие на реципиента перевода достигается с помощью идиоматичных средств языка перевода, по силе воздействия сопоставимых с экспрессивными средствами, принятыми в языке оригинала [Бреус, 1998: 80].

Е.В. Бреус выделил два вида экспрессивной эквивалентности: эмфатическую, связанную с передачей эмфазы, и эмотивную, предназначенную для передачи эмоций и оценки. Мы относим эмфатическую экспрессию к грамматическому уровню языка, а эмотивную – к семантическому. На грамматическом уровне экспрессивная функция воплощается при использовании прежде всего эмфазы, которая выражается реляционными (по терминологии Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова) языковыми средствами, актуализирующимися в высказываниях. Конкретные примеры выражения эмфатических средств двух языков представлены в третьей главе.

Особое место в языке, особенно английском, занимает метафора. Ранее метафора изучалась как стилистический прием, при котором «стилистический эффект достигается путем сопоставления двух несовместимых понятий (например, головной организации с зонтиком – *an umbrella organization*)" [там же: 98], или, другими словами, благодаря «переносу свойств одного предмета на другой» [Фирсов, 2003: 151]. В дальнейшем ее стали изучать в рамках концептуального анализа в качестве основного лингвоспецифичного инструмента концептуализации действительности. Конкретные примеры воздействия этого лингво-когнитивного инструмента и стилистические приемы его передачи при переводе также даны в третьей главе.

Для отражения эмотивной экспрессивности ИТ в ПТ, т.е. его эмоционального заряда и воздействия на реципиента, «применяется экспрессивно окрашенная лексика, образные фразеологические единицы,

широкий круг стилистических приемов, в частности, метафор, сравнений, аллитераций», парных синонимов и др. [там же: 115], свойства которых будут рассмотрены в следующей главе диссертационного исследования.

2.5. Выводы по главе 2

В данной главе проанализированы особенности перевода текстов публицистического экономического дискурса, обладающего чертами публицистического и научного функционального стилей. Установлено, что доминанте перевода таких текстов свойственна двоякая направленность, определяемая необходимостью передачи денотативной и экспрессивной функций языка с позиций требований переводческой эквивалентности и учетом прагматических факторов. Денотативная функция реализуется посредством терминологии, а также проявляется в особенностях языковой номинации. Экспрессивная функция отражается в стилистических особенностях языка и текста, а их лингвоспецифичность передается при помощи прагматической адаптации.

В главе 2 представлены основные языковые факторы, связанные с различиями в картинах мира двух языков и вызывающие межъязыковую асимметрию, что приводит к языковым и контекстуальным несоответствиям на семантическом, лексико-грамматическом и стилистическом уровнях языка. Родной язык (и свойственная ему картина) оказывается сильным интерферирующим фактором, поэтому подобные несоответствия вызывают переводческие затруднения. Тем не менее они могут быть решены при помощи переводческих трансформаций, основанных на интерпретации.

Нами были рассмотрены основные контекстуальные несоответствия, приводящие к необходимости использования при переводе интерпретации и трансформаций. Анализ логических отношений между понятиями, лежащих в основе переводческих трансформаций, показывает, что при

описании ситуации один признак может стать ведущим (происходит активация фрейма, по В.И. Хайруллину), т.е. он эксплицитно называется, а остальные признаки имплицитуются. Это происходит в случаях использования:

- метафор – различия в метафоризации значений слов в двух языках связаны с разной интерпретацией действительности языком. И, как следствие, возникают несовпадения и переводческие трудности при передаче вторичных метафоричных значений слов и их сочетаемости;
- метонимий (замен по смыслу) – логического развития, смысловой модуляции, целостного переосмысления, описательного перевода и т.д.;
- различной степени детализации описания ситуации, вызывающей переразложение семантических компонентов и семантическое стяжение, а также разной логики сочетаемости признаков в языках;
- передачи экспрессии с использованием отдельных стилистических приемов, воссоздаваемой в ПТ при помощи прагматической адаптации на основе интерпретации.

При переходе от ИТ к ПТ переводчик, следуя за логикой интерпретации смысла, может изменять признаки, заложенные в основании образов метафор, или используемые при описании ситуации в случае метонимии или разной степени детализации описания. Это становится возможным, только если в его тезаурусе имеются соответствующие когнитивные и образные пресуппозиции (по терминологии И.И. Халеевой и М.В. Полубояровой), которые позволяют ему активировать соответствующие терминалы фреймов (по терминологии В.И. Хайруллина). Осознание и преодоление таких несоответствий достигается лишь на основе хорошо сформированной системы пресуппозиций и развивается параллельно с формированием

коммуникативной и экстралингвистической компетенций модели ППК профессиональной вторичной языковой личности, в то время как автоматизация применения указанных приемов связана с развитием специальной компетенции модели ППК.

Глава 3. Систематизация структурных и смысловых преобразований в компетентностно-интерпретационной модели перевода

3.1 Интерференция и способы ее преодоления в специальном переводе

Характеризируя переводческую компетентность, А.Честерман (A. Chesterman) исходит из модели искусственного интеллекта, построенной с учетом уровней профессионального мастерства.

На первой стадии обучающийся (the novice) получает от учителя информацию вне связи с контекстом. Этот уровень предусматривает ознакомление с основными знаниями и фактами, относящимися к профессии. Обработка информации происходит полностью осознанно. На втором уровне – продвинутом начальном (advanced beginner) – знания и умения постепенно привязываются к контексту, информация обрабатывается на уровне сознания, однако не всегда отдельные действия могут быть объяснены словами. На третьем уровне уже приобретает определенная степень компетентности. Навыки становятся полуавтоматизированными, у обучающегося появляется возможность выбора определенных действий, обусловленных ситуацией.

На четвертом уровне обучающийся достигает такого высокого уровня мастерства – proficiency, когда он уже становится способным принимать правильные рациональные решения, причем на основе

автоматизированных умений и навыков. При этом и в оценке ситуации, и в принятии решений присутствует рациональный элемент анализа.

На пятом уровне овладения мастерством – the expertise – главенствующую роль в принятии решений играет интуиция; умения и навыки становятся полностью автоматизированными. К анализу ситуации, рациональному объяснению решений эксперты обращаются при необходимости по собственному желанию (deliberate rationality) [Chesterman, 2000, 77 - 78]. (На значение развития у переводчика интуиции указывает в своих работах и И.В. Убоженко (2014, 2016)).

Таким образом, с ростом профессионального мастерства наблюдается усиление автоматизации умений и навыков. При высоком уровне сформированности коммуникативной компетенции первые три стадии становления переводческой компетентности могут быть пройдены очень быстро, а большая часть работы будет происходить на четвертом и пятом уровнях мастерства. При этом зрелая профессиональная вторичная языковая личность не только приобретает абсолютно новые знания, но и реструктуризирует старые. Она также способна сознательно контролировать интерференцию, в отличие от бессознательной интерференции начинающего переводчика. На наш взгляд, главным показателем сформированности переводческой компетентности является способность контролировать межъязыковую интерференцию в речевой деятельности при переводе не только с иностранного языка на родной, но и с родного на иностранный.

Термин «интерференция» был введен учеными Пражского лингвистического кружка. Данное явление было отмечено в процессе языковых контактов, и чем больше различий наблюдалось между языками, тем чаще возникали проявления интерференции. Изучение и описание языковых контактов как процесса интерференции было начато еще в 1915 г. Л.В. Щербой, который подчеркивал сильное влияние родного языка на

иностранный в условиях искусственного двуязычия. Преодолению интерференции способствует сравнительно-сопоставительный анализ различий между родным и иностранным языками с опорой на родной язык (Щерба, 1963: 3).

Такой подход совпадает с современными взглядами на интерференцию. Так, по мнению В.В. Алимова, интерференция – это «вмешательство элементов одной языковой системы в другую при языковом контакте, а результат этого вмешательства может быть отрицательным и выражаться в отклонении от норм данного языка... [Алимов, 2005:173]. Далее В.В. Алимов отмечает, что результат интерференции может быть также положительным и способствовать «адекватному переводу и приобретению навыков в одном языке под влиянием другого» [там же]. На наш взгляд, интерференция может быть только отрицательной, и с ней следует бороться. При переводе с родного языка на иностранный ее влияние гораздо сильнее, чем при обратном направлении перевода. То, как переводчик с ней справляется, зависит от его профессионального мастерства. При низком уровне развития ППК и фактическом отсутствии представлений о когнитивных фреймах и их языковом выражении, что сказывается на знании пресуппозиций, возможности переводчика в интерпретации смысла сильно сокращаются.

И.И. Халеева понимает под интерференцией «процесс, сущность которого состоит в том, что человек, введенный в заблуждение общими свойствами и признаками контактирующих языков, отождествляет все остальные свойства этих языков и переносит всю программу речевого поведения с родного языка на иностранный. Введение «чужеродного элемента» в изучаемый язык ведет к перестройке моделей, к стиранию границ между различительными признаками обоих языков и к замене дифференцирующих признаков вторичного языка дифференцирующими признаками первичного языка. В результате в сознании билингва

устанавливается система соответствий, которую можно назвать «третьей системой», так как в ней смешиваются дифференцирующие признаки первичного и вторичного языков» [Халеева, 1989: 66–67].

Интерференция может проявляться на всех уровнях языка: на уровне фонетики, орфографии, лексики, семантики, стилистики. Например, многозначность слов, омонимы и синонимы могут стать причиной семантической или стилистической интерференции. Н.К. Рябцева считает, что психологической причиной интерференции и попадания в перевод элементов другого языка могут быть стереотипные привычки речи. Часто межъязыковое сходство стимулирует интерференцию, например, проблема перевода «ложных друзей» переводчика [Riabtseva, 1989: 88-92]. По мнению В.В. Алимова (2005), навыки восприятия и порождения текстов на родном языке у начинающего переводчика оказывают решающее влияние на восприятие и порождение текстов на иностранном языке, и устойчивые перцептивные эталоны в области фонетики, лексики, грамматики, семантики и стилистики родного языка приводят к интерференции.

При рассмотрении интерференции нельзя ограничиваться лишь языковым сознанием, так как интерферируют не только языки, но и концептуальные системы (Халеева, 1989). Следовательно, языковые ошибки нередко связаны с различиями в картинах мира родного и иностранного языков. При искусственном двуязычии не удастся «в абсолютной степени компенсировать отсутствие социума и культуры, в условиях которых проходило формирование тезауруса инокультурного коммуниканта» [там же: 64]. Как уже было сказано выше, интерференция языковых и концептуальных систем происходит при отсутствии знаний импликаций и пресуппозиций иного лингвосоциума. Разрешению контекстуальных несоответствий, связанных с межъязыковыми асимметриями и вызываемых различиями в картинах мирах родного и

иностранного языков, способствуют структурно-смысловые преобразования, основанные на интерпретации смысла в рамках компетентностно-интерпретационной модели перевода.

3.2 Контекстуальные несоответствия и пути их преодоления в специальном переводе

3.2.1 Моделирование специального перевода на семантическом уровне

Рассмотрим конкретные примеры переводческих трансформаций, применение которых обусловлено необходимостью интерпретации смысла в связи с межъязыковой асимметрией. Несовпадения в выборе признаков описания ситуации в картинах мира родного и иностранного языков могут быть исправлены с помощью интерпретации, при которой может происходить экспликация имплицитных признаков (и наоборот).

В процессе интерпретации смысла «изменению и трансформации подлежат семантика и грамматика предметных обозначений, т.е. языковые механизмы предметного моделирования, через которые раскрывается так называемая картина мира – знаковая схема внешней ситуации описания (то, что может быть определено как языковая форма текста)» [Иванов, 2015, 53-54].

Интерпретация смысла при переводе в целях разрешения сложностей, связанных с передачей денотативной и экспрессивной функций языка, возможна на основе пресуппозиций, которые были классифицированы М.В. Полубояровой:

- «пресуппозитивная неидиоматичная смысловая асимметрия (связанная с субъективным выбором говорящим элементов предметной ситуации);

- пресуппозитивная идиоматическая асимметрия (связанная с особенностями обозначения ситуации в ИЯ и ПЯ);

- оценочно- или образно-коннотативная прагматическая смысловая асимметрия (связанная с особенностями реализации выразительной стратегии говорящим);

- оценочно- или образно-коннотативная культурно-смысловая асимметрия (обусловленная параметрами культурно-языковой концептуализации денотативного значения в ИЯ и ПЯ)» [Полубоярова, 2009: 142].

В второй главе были представлены характерные случаи межъязыковой асимметрии на уровне грамматики, семантики, стилистики и прагматики. Систематизация переводческих трудностей и классификация связанных с ними переводческих трансформаций, помогающих преодолевать такие контекстуальные несоответствия по существу повторяет анализ языковых факторов, влияющих на становление ППК профессиональной вторичной языковой личности с учетом ее многоуровневой организации.

Рассмотрим семантические основания для интерпретации смысла, приводящие к переводческим трансформациям на семантическом уровне.

Когнитивной лингвистикой и концептуальным анализом были выявлены два способа осмысления мира при помощи семантических механизмов – метонимия и метафора.

- *Метонимия* (замена по смыслу – логическое развитие, смысловая модуляция, целостное переосмысление и т.д.) при переводе активизирует или эксплицирует разные признаки описания ситуации в ИТ и ПТ.

- *Метафора* при описании ситуации делает ведущим один из признаков (происходит активация фрейма, по В.И. Хайруллину), т.е.

эксплицитно выделяет его, а остальные имплицитуются. При переводе этот признак может быть заменен, и произойдет изменение основания образа метафоры, но он может и сохраниться. Замена признаков чаще всего объясняется возможностями интерпретации: «всякая интерпретация означает ситуационное расширение, предметную достройку ситуации, выдвижение имплицитного по ситуации на первый, эксплицитный план» [Иванов, 2014: 133]. Степень детализации описания ситуации при межъязыковой асимметрии также способна варьировать: могут эксплицитоваться (или имплицитоваться) сразу несколько признаков.

Разберем примеры интерпретационных оснований семантических трансформаций, построенных на метонимическом переносе. Если при описании предметной ситуации в родном и иностранном языках используются разные семантические признаки, то при переводе изменению подвергается сам семантический признак и происходит семантический сдвиг. При семантических сдвигах сохраняются цель коммуникации и указание на ту же самую ситуацию; при этом лексический состав и синтаксическая организация ПТ отличаются от ИТ [Комиссаров, 1990: 58]. В таких случаях для сохранения тождества смысла ИТ эксплицитовывается другой признак ситуации в ПТ, что вызывает необходимость в семантической трансформации. Речь идет о таких приемах перевода как конкретизация, генерализация, антонимический перевод, конверсия (по традиционной классификации) и собственно метонимия. Следует иметь в виду, что в новейших лингвистических исследованиях, как уже было отмечено в второй главе, конкретизация и генерализация относятся к видам метонимии, которая может исходить из «спецификации» и «конкретизации» сложного процесса посредством выделения в нем наиболее характерной части и из обобщения смысловых

признаков [Рябцева, 2005: 82]. Антонимический перевод по сути также представляет собой метонимический перенос.

В рамках когнитивного подхода к метонимии перенос по смежности может происходить как в предметном мире, так и в концептуальном. «В нем соотносятся между собой не только предметы и их части, но и явления, события и процессы» [там же]. Например, *подойти к телефону* вместо *ответить звонившему*. Рассмотрим примеры использования соответствующих приемов.

Прием генерализации.

*По правовому статусу предприятия можно **разделить** на индивидуальных предпринимателей без образования юридического лица, товарищества и общества. – According to the legal status **there are three main types of business organization: individual (sole) proprietorships, partnerships and companies.***

Прием конкретизации.

В русском языке имеются слова широкой семантики, смысл которых при переводе следует уточнять, конкретизировать в соответствии с требованиями контекста и нормами сочетаемости, т.е. их смысл передается при помощи интерпретации.

- перевод глаголов:

*Ресурсы, сконцентрированные в государственных финансах, вновь **направляются** в народное хозяйство в виде различных вложений... - Resources accumulated by the government **are reallocated** into the national economy as industrial subsidies and social allowances.*

- перевод идиом и свободных словосочетаний:

*Кроме того, **не последнюю роль в этом сыграл** «Центробанк», изменивший свою курсовую политику в сторону ограничения притока спекулятивного капитала в страну. – Moreover, the CB was*

also to blame by making adjustments to its rates policy and restricting the flow of speculative capital into the country.

Я.И. Рецкер и Л.С. Бархударов выделили несколько видов метонимических преобразований (замена процесса его причиной или его следствием и др.) [Рецкер, 2004: 52]. Е. Бреус добавил к этому передачу предиката действия предикатом состояния, исходной фазы действия его конечной фазой, или наоборот и др. [Бреус, 1998: 16].

Ниже следуют примеры наиболее распространенных типов метонимических преобразований:

- Передача предиката действия предикатом состояния (действие/процесс – признак) и наоборот:

...Наши основные кредиторы могут быть как никогда сговорчивы.
– *Our creditors are in a position where they **can be easily persuaded**.*

- Передача процесса его результатом и наоборот:

*К сожалению, вопреки ожиданиям многих, фактически **снят с повестки** дня вопрос о легитимации - оправдании - приватизации крупной собственности.* – *Unfortunately, contrary to public expectations, legitimization of property privatization is **no longer on the government agenda**.*

Один из наиболее часто встречающихся семантических сдвигов – передача причины следствием. Это связано с тем, что причинно-следственные отношения в концептуальной картине мира занимают одно из наиболее важных мест.

- Передача причины следствием:

- предикат:

*Впрочем, и о российских банках исполнительный вице-президент МФК Пумер Войке **не забывает**.* – *However, Russian banks **are also on the agenda** of Peter Voike, IFC executive vice president.*

- другие части речи:

Чтобы составить **трезвую** оценку перспективы, нужно осознать уязвимые места и проблемы. – *In order to make **realistic** forecasts, we have to identify the most vulnerable areas.*

Приведенные примеры иллюстрируют почти все основные виды семантических переносов – метонимических сдвигов, описанных еще Я.И. Рецкером. В большинстве своем они касаются глаголов и отглагольных частей речи, т.е. глагольной метонимии.

Рассмотрим примеры **номинативной метонимии**, истоки которой также коренятся в межъязыковой асимметрии.

- Абстрактное – конкретное

*Однако **работоспособность** биржи⁴ удалось восстановить еще в четверг, о чем официально заявил ее глава Ричард Грассо (Richard Grasso). – **Operations** in the NYSE building were resumed on Thursday, NYSE boss Richard Grasso announced...*

- Часть – целое

*Мысль о том, что фосфаты рано или поздно кончатся, посетила **наурийские головы** еще до получения независимости. – Even under colonial rule **Nauru's rulers** were aware/realized that the phosphate mines would be exhausted sooner or later.*

- Деятель – действие (процесс, результат); деятель – продукт деятельности

Этот вид трансформации применяется по двум группам причин, обусловленным межъязыковыми асимметриями, объясняющимися несовпадениями в картинах мира двух языков: либо по стилистическим, так как для английского языка предпочтителен субъект действия на месте подлежащего; либо по чисто языковым причинам, таким как результат отсутствия в русском языке существительных, обозначающих деятелей.

⁴ Возможно, в стилистическом отношении это не самое удачное выражение, но в примерах представлены отрывки из текстов реальной коммуникации.

Ниже следуют примеры таких семантических сдвигов как векторные замены, к которым относятся антонимический перевод и конверсив. В традиционном переводоведении они названы лексико-грамматическими приемами перевода. Антонимы «имеют противоположные или обратные, но не противоречащие значения» [Апресян, 1995: 284]. По своей сути все это метонимии. Например:

*Тем не менее, несмотря на все поручения президента, задолженность по зарплате в регионах **сохраняется**. - Nevertheless, despite the presidential instructions, regional budgets **have still not paid** all the wage arrears.*

*Мысль о том, что фосфаты рано или поздно кончатся, посетила наурийские головы еще **до получения независимости**. – Even under colonial rule Nauru's rulers were aware that the phosphate mines would be exhausted sooner or later.*

Еще одним важным лингво-когнитивным инструментом в осмыслении действительности, различия в употреблении которого восходят к несовпадающим психологическому, культурному и когнитивному восприятиям сходных явлений в разных картинах мира, является метафора.

Различия в образах метафор так же, как и случаи выбора разных признаков при описании одной и той же ситуации (метонимии), связаны с неоднозначной интерпретацией действительности, приводящей к выбору разных признаков в основании образа метафоры. В языковом выражении это воплощается прежде всего в структурах значений слова и в лексической сочетаемости.

Метафоры относятся к разным семантическим полям в том случае, если представления двух народов принципиально различны. Ошибки возникают при полном несовпадении структуры слова ИЯ и ПЯ (на уровне описания ситуации и передачи цели коммуникации), или при совпадении

значений нескольких элементов структур, что приводит к ложной метафоризации (на уровне слова). Если их образность совпадает, то метафоры имеют соответствия в двух языках. Например: *a flight of imagination* – полет воображения, полет фантазии; *in the heat of the argument* – в пылу полемики; *to burn with desire* – гореть желанием; *to prick up one's ears* – наострить уши.

При различиях в образности значений в двух языках перевод может опираться лишь на интерпретацию признака, лежащего в основании образа метафоры. При этом используются следующие приемы.

- Замена образа:

А чрезмерное укрепление евро грозило загубить едва начавшийся рост на корню. - ...until the strengthening euro threatened to nip that growth in the bud.

Замену образов метафоры при переводе А.Д. Швейцер называет экспрессивно-стилистической адаптацией. См. пример развернутой метафоры, когда фразеологизм деформируется по линии экспрессивного усиления/интенсификации: *pie in the sky* – caviar in the stratosphere. *Pie in the sky is too colourless a phrase to describe Mr.Heath's closing speech to the Tory Party conference. It was more like caviar in the stratosphere.* — Сказать, что в своей заключительной речи на конференции тори Хит обещал журавля в небе, было бы слишком невыразительно. Он обещал жар-птицу в стратосфере (или в космосе) [Швейцер, 1973: 148].

- Описательный перевод в случае невозможности подобрать схожий образ:

Но просто отменить пакт нельзя - власти ЕС сквозь пальцы смотрели на нарушения Германии и Франции, которые не платили «причитающиеся» им штрафы. – But the authorities cannot annul the

*pact and they **have been lenient** towards German and French violations, with neither country having paid the fines.*

Приведем и другой пример, когда переводчик решил не передавать метафорический образ, но также осталась непереданной и аллюзия:

*Люди, отправившиеся в очередь за богатством, **оказались у разбитого корыта**.* – *People who have been queuing up for wealth **are no better off than before**.*

Итак, перевод метафоры метафорой не всегда возможен в силу различий в образности двух языков, обусловленной несовпадениями в картине мира, что может отражаться и в их стилистических особенностях. Передача таких особенностей при переводе связана со знанием переводчиком пресуппозиций иностранного (английского) языка, способствующим интерпретации смысла в рамках его инварианта.

У англоязычного читателя восприятие сохраненного образа может вызвать несоответствующий коммуникативный эффект, привести к слишком ярким образным ассоциациям. Например: *Российское правительство, независимо от его текущего кадрового состава, периодически **охватывает** зуд* немедленной и радикальной корректировки налогового законодательства. – *The Russian government, no matter what its make-up, from time to time **gets the impulse** to make rapid and radical amendments to tax legislation.*

Образ не сохраняется из-за различий в языковой сочетаемости, что также объясняется несходством в метафоризации периферийных значений. Например: *В наступившем году одними из самых **горячих** станут конкурсы по приватизации «**лакомых кусков**» госсобственности и тендеры на разработку крупных месторождений полезных ископаемых.* – *This year one of **the biggest market issues** is set to become the privatization auctions of **some prime** state-owned property and tenders to develop large fields of natural resources.*

Сохранение всех метафор (особенно в случае развернутой метафоры) при переводе с английского на русский язык ведет к перегруженности восприятия русскоязычного читателя, так как в русскоязычных публицистических текстах метафоры встречаются реже, чем в англоязычных текстах. Но и при переводе с русского языка не всегда удастся воспроизвести все метафоры. Например: *Мы привыкли к тому, что каждый день на наши головы **выливаются «зацитаченные» дожди из зеленух** политиков, которые также становятся составной частью нашей речевой культуры (или бескультурья).* – *We have become so accustomed to **torrential rains of quotes** from politicians' speeches **laced with poor language** that it is becoming part of our language culture – or to be more precise, the lack of it.*

Приведем несколько конкретных примеров перевода метафор.

- Соответствие – сохранение образа:

*Корабль чуть не затонул, но все-таки **остался на плаву**.* – *The ship very nearly sank, but somehow **managed to stay afloat**.*

- Замена образа при переводе:

*Пока иностранные инвесторы пережидают **накал страстей**, спекулянты предпочитают действовать.* – *While foreign investment funds are waiting until **the storm passes**, speculators are taking advantage of the situation.*

- Перевод метафор при помощи описательного перевода и семантических сдвигов (метонимий):

*Если повезет, последнее замедление роста **исчерпает «квоту рецессий»** на текущее десятилетие.* – *If we are lucky, the current slowdown **will be the last one** this decade.*

Ниже следуют примеры перевода метафоры «закрома Родины», которая в зависимости от интерпретации смысла в контексте может воспроизводиться разными способами: соответствием – заменой образа

(1), метонимией-описательным переводом (2а), метонимией – термином (2b, 3):

1. Он предостерег министров от «головокружения от успехов» и велел заботиться **«о закромах Родины»**. – *He warned ministers against getting dizzy with success and told them to be thrifty with treasury funds.*
2. Президент вспомнил и про **закрома Родины** (а): «Мы не можем позволить себе ситуацию, при которой будем распределять то, чего нет **в закромах Родины** (b)». - *The president said that the government must be **thrifty**: “We cannot afford to allocate funds which will not be available **in the budget**.”*
3. **С закромами** в 2002 году все будет в порядке, если цены на нефть не спустятся ниже \$ 23,5 за баррель. Правительство, правда, считает, что и при \$17 **закрома**, в отличие от кредиторов, не пострадают. – *The 2002 budget will have a surplus if the oil price does not fall below \$23.5 per barrel. However, the government thinks that if the oil price is \$17 per barrel **the budget** will not suffer, unlike creditors.*

Как уже отмечалось, различия и несовпадения образов, лежащих в основании метафоры, приводят к ошибкам и в сочетаемости. При расхождении в употреблении слов в прямом и переносном значении ошибочно может употребляться прямое значение вместо переносного. Это говорит о том, что при интерпретации смысла в ПЯ/ПТ ошибочно эксплицируется тот же признак, который называется в ИЯ/ИТ. Например, варианты перевода СП *Magn* при помощи интерпретации инварианта смысла:

Для этого потребуется **сильный, профессиональный аппарат переговорщиков**. – *...and for this we need professional negotiators **with experience**.*

*Все понимают, что за последние годы мы очень **сильно отстали**, но все равно есть блестящие разработки. И, что необычно для России, **резкий/сильный** рост квалификации произошел в пищевой промышленности и в ряде подотраслей легкой. – Everyone understands that during recent years we **have fallen very far behind**, but nevertheless there are brilliant designs. And something unusual for Russia – there has been **a striking improvement of skills** in the food industry and in a number of branches of light industry* [пример L.Wisson].

Различная степень детализации описания ситуации связана, как уже отмечалось во второй главе, с межъязыковой асимметрией в плане имплицитности/эксплицитности подачи информации, что приводит к контекстуальным несоответствиям между идентичными высказываниями в двух языках. Разница в импликационале – это глобальное семантико-прагматическое явление, характерное для всех языковых уровней. Преодолевать различия в имплицитных моделях двух языков помогают переводческие трансформации. Например, при разной степени детализации описания ситуации при переводе может использоваться переразложение семантических компонентов, семантическое стяжение, разные виды добавления или опущения, что вызывает эксплицирование сразу нескольких признаков.

Рассмотрим трансформации (приемы) перевода, связанные с передачей импликационала, когда в ПЯ/ПТ эксплицируются несколько признаков, чаще всего отличающихся от ИЯ/ИТ. Наиболее часто встречаются перестановки грамматических компонентов и перегруппировки семантических, что нередко сопровождается компрессией или, наоборот, пояснительным переводом (экспликацией). Как уже упоминалось ранее, объединение разных семантических компонентов в языках лингвоспецифично. При переводе может возникнуть необходимость использовать прием «переразложения

семантических компонентов» – перегруппировки семантических компонентов, мобилизуя другие части речи, который часто сопровождается приемами опущения (компрессии) или добавления. Приведем подобные примеры.

- Переразложение семантических компонентов, сопровождаемое компрессией (глагол с общим значением + существительное + второстепенный член переводится отглагольным существительным + определение в препозиции и другие второстепенные члены):

В результате осуществления плана, известного в общих чертах с прошлого года, Япония займет седьмое место в мире по военным расходам. – *The plan, the general outlines of which have been known since last year, would make Japan **the seventh largest spender on defense**.* [Швейцер, 1973, 118].

- Переразложение семантических компонентов, сопровождаемое компрессией. Перевод причастных оборотов с русского языка на английский:

ВБ советует чиновникам радикально увеличить долю субсидий, выделяемых адресно (в 2002 г. объем адресной помощи составил всего 0,4% ВВП). – *According to the World Bank, government officials should radically raise the amount of **targeted** subsidies (which amounted to only 0.4% of GDP in 2002).*

- Компрессия всего смысла высказывания:

В целом законопроект направлен на то, чтобы вывести тысячи предприятий из-под контроля частного бизнеса под власть государства. – *On the whole, the draft is aimed at **placing control of thousands of private companies in the hands of the state**.*

Представим описательный перевод (добавление, экспликация), используемый в выделенных случаях.

- Переразложение семантических компонентов, сопровождаемое экспликацией. В русском языке наречие с глаголом переводится на английский язык конструкцией «десемантизированный глагол + прилагательное + существительное»:

*Мы с вами увидим, что это очень **тяжело скажется** на валютной политике, это усложнит задачи Центрального банка. – We will see that it **has an adverse effect on the monetary policy, and makes it more difficult for the Central Bank to perform its functions.***

- Перевод слов, не имеющих соответствий в английском языке, например, определения в препозиции:

*Свою роль сыграло **своевременное и активное** смягчение денежной политики. – They resorted to a softer monetary policy, **which they managed to introduce almost overnight.***

Особого внимания заслуживает явление, получившее название «семантическое стяжение», когда одному слову в английском языке соответствует сочетание нескольких слов или когда одно слово может называть целую ситуацию [Швейцер, 1973: 202; Бреус, 1998, 71]. Например:

*Добросовестный налогоплательщик не может на равных конкурировать **с теми, кто налогов не платит**, и поэтому перед ним неизбежно встает проблема выбора: уйти с рынка, либо тоже уклоняться от уплаты налогов». – “An honest taxpayer cannot compete with **tax dodgers**, and he will inevitably face a choice: either leave a market or resort to tax evasion”.*

*Рабочая группа комиссии, которую возглавляет вице-премьер, министр финансов Алексей Кудрин, предлагает уменьшить число межправительственных комиссий и **сократить численность оставшихся**... - A commission task force, headed by Finance Minister Aleksey*

Kudrin, proposes reducing the number of intergovernmental commissions and downsizing them.

- Описательный перевод (добавление), вызванный необходимостью уточнения смысла высказывания, или опущения, обусловленные контекстуальной избыточностью [Швейцер, 1973: 201].

- Добавления, уточняющие смысл:

*По его мнению, описать все схемы вряд ли удастся, поэтому и нужны общие критерии. – He also thinks it would be unfeasible to describe all the schemes **that might be used in such cases**, and more general criteria are needed.*

- Опущения, связанные с контекстуальной избыточностью:

*Одной из причин такой долгой задержки стало то, что **техническое состояние** New York Stock Exchange (NYSE), находившейся в непосредственной близости от рухнувших небоскребов, **вызывало опасения**. – One of the reasons for such a long delay **was the level of safety in the NYSE building**, which was located in the vicinity of the twin towers.*

В данном разделе мы рассмотрели основные семантические трудности перевода, вызывающие необходимость интерпретации смысла и приводящие к переводческим трансформациям на семантическом уровне.

3.2.2 Моделирование специального перевода на лексико-грамматическом уровне

На лексико-грамматическом уровне переводческие трудности и переводческие трансформации выделяются условно, так как изменение грамматических структур почти всегда сопровождается изменениями в семантике. Описание интерпретационных оснований переводческих трансформаций этого уровня исходит из их традиционной

классификации. На этом уровне можно систематизировать модели перевода также с позиций эксплицирования одного или нескольких признаков описания ситуации.

Проанализируем способы передачи несоответствий в синтаксических конструкциях русского и английского языков, вызванных наличием или отсутствием в предложении подлежащего. Выше уже отмечалась распространенность в русском языке бессубъектных конструкций в качестве важной особенности его стиля. На практике это означает, что все многообразные бессубъектные синтаксические конструкции при переводе с русского языка на английский надо трансформировать в предложения с субъектом. Грамматические трансформации, применяемые в данном случае, сводятся к следующим приемам:

- 1) Грамматическому приему замены членов предложений, при котором подлежащим становится второстепенный его член (чаще всего дополнение). Приведем примеры перевода на английский бессубъектных конструкций:

- неопределенно-личного предложения:

*Однако, как выяснили в Минэкономразвития, **данной проблеме** до сих пор **не было уделено** должного внимания. В первую очередь Минфином. – But, according to the Ministry for Economic Development and Trade, **this problem has been handled inappropriately**, first of all by the Finance Ministry.*

- рефлексивной конструкции:

*В любой стране со стабильной экономикой на крупные предприятия **приходится** удивительно небольшая доля ВВП. – In fact, in any stable nation, big business **accounts for** a surprisingly small amount of the GDP.*

- предикатов категории состояния:

Для выполнения своих обязанностей **аудитору необходимо** проверять внутреннюю бухгалтерию компании, ее активы, бухгалтерские проводки и т.д. – *To perform his or her duties and obligations **an auditor has** to audit internal company accounting, its assets, book entries, etc.*

2) Вводу подлежащего из более широкого контекста, как частный случай приема добавления.

- перевод безличных предложений (сказуемое – категория состояния):

Таким образом, в ближайшие месяцы **не исключено** создание нового российско-вьетнамского нефтедобывающего совместного предприятия. – *So, **Russia and Vietnam may** set up a new oil-production JV in the coming months.*

Этот же прием можно использовать и при переводе с русского языка на английский темы высказывания, выраженной десемантизированными словами – существительным (в роли дополнения) и глаголом:

(Как США и Европа избежали этого?). **Свою роль сыграло** своевременное и активное смягчение денежной политики. – *(How did the US and Europe manage to avoid that fate?). - **They resorted** to a softer monetary policy, which they managed to introduce overnight.*

Для английского языка характерно явление грамматического или синтаксического анимизма (термин В.Г. Гака). Синтаксическая/грамматическая метафора в нем может быть использована для перевода бессубъектных конструкций русского языка, но чаще английскому высказыванию с подлежащим – синтаксической метафорой – соответствуют русскоязычные высказывания с обратным порядком слов, начинающиеся со второстепенного члена (часто обстоятельства). Подобные предложения в обоих языках могут содержать

десемантизированные глаголы, находящиеся между собой в метонимических отношениях. Поэтому эту трансформацию можно охарактеризовать как синтаксическую (грамматическую) метафору, применяемую совместно с метонимией. Например:

- глаголы *to see, to signal, to witness* в сочетании с подлежащим, выражающим даты или временные отрезки:

В прошедшем году был достигнут определенный прогресс в налоговой реформе. – The last/past year witnessed some progress in the tax reform.

В этом месяце обанкротился один из крупнейших гонконгских банков – «Перегрин инвестментс холдинг». – This month has seen the bankruptcy of Peregrin Investments Holding, one of the largest banks in Hong Kong.

- глаголы, передающие причинно-следственные связи:

Из-за корпоративных скандалов и обвала акций интернет-компаний произошло резкое падение инвестиций. – Corporate scandals and the Internet companies' stocks collapse triggered/caused a drastic drop in investments.

После нескольких лет препирательств «зеленый континент» пошел с островитянами на мировую, согласившись выплатить \$73 млн. в течение 20 лет. - Several years of litigation resulted in an out-of-court settlement: Australia consented to pay the island \$73 million over a period of 20 years.

Еще одной стилистической особенностью русского языка, также связанной с бессубъектностью, является тенденция к номинализации. При этом в описании ситуации часто используются такие конструкции, которые грамматически имеют субъект, но по сути являются бессубъектными. Ср.: *Работа идет хорошо. – Мы активно работаем.*

Обилие конструкций с отглагольными существительными также представляет определенные переводческие трудности. Например, в русском языке подлежащее часто выражается абстрактным или отглагольным существительным, а сказуемое – тематическим глаголом широкой семантики типа *составить, осуществляться, существовать, быть характерным, идти, наблюдаться* и т.д. Основной прием перевода отглагольных существительных – их трансформация в глагол-сказуемое, или «развертывание редуцированного предиката» [Бреус, 1998: 34]. Например:

При этом передел собственности будет идти во многих отраслях российской экономики. – Property will be redistributed in many industries.

Осложнение экономической ситуации связано с низким объемом капиталовложений и замедленными темпами реструктуризации. – The economic situation has deteriorated because of low level of investment and slow restructuring.

Как следует из приведенных примеров, существительное в родительном падеже при переводе на английский язык преобразуется в подлежащее.

Отглагольные существительные в русском языке иногда образуют целые цепочки. По наблюдениям Н.К. Рябцевой, при помощи таких цепочек из существительных в родительном падеже оформляются определительные отношения: «Генитивная конструкция весьма продуктивна и способна к практически бесконечному наращиванию, к инкорпорации большого числа составляющих: ускорение динамики роста производительности труда рабочих добывающей промышленности» [Рябцева, 1996: 47]. Если в тексте встречаются подобные цепочки из существительных в родительном или в других косвенных падежах, то применяются различные приемы перевода, из которых основным является развертывание редуцированного предиката, что приводит к

возникновению еще одного предиката. Следует иметь в виду, что перевод при помощи конструкции с предлогом *of* неидиоматичен и вызывает затемнение смысла русского предложения, переводимого на английский язык. Например:

К моменту обретения островом независимости в 1968 году значительная часть его территории уже была изуродована разработками. – When the island became independent in 1968, most of its territory had already been disfigured by the mines.

Отглагольные существительные, означающие переход в количественно или качественно новое состояние, типа *увеличение, уменьшение, сокращение, улучшение*, и т.п., могут переводиться прилагательными в сравнительной степени, причастиями I, причастиями II английского языка и прилагательными [Бреус, 1998: 38]. Например:

...экспортеры с лихвой возместят свои потери от укрепления единой валюты за счет роста мировой экономики и, соответственно, спроса. - ... exporters could more than make up for the losses caused by a stronger euro through the growing global economy and stronger demand.

Все приведенные примеры свидетельствуют о том, что корректный перевод на английский язык русских бессубъектных и номинативных конструкций можно осуществлять только путем нахождения идиоматичного субъекта действия с учетом правил лингвоспецифичной сочетаемости обоих языков, т.е. их «осубъечивания» в той или иной форме.

Как мы уже отмечали, разные способы членения действительности и, соответственно, подачи информации приводят к различным формам построения информационных моделей в высказываниях в разных языках, а также к различному соотношению эксплицитности/имплицитности.

Рассмотрим импликацию, связанную с грамматическим уровнем языка, которая глобально не изменяет экспликацию или импликацию

признаков, как это происходит при переводческих трансформациях семантического уровня, представленных выше.

Пропуск слов – прием опущения (компрессия)

- При сочетании двух существительных, одно из которых является подлежащим, а второе стоит в родительном падеже, отглагольное существительное, выполняющее в предложении роль подлежащего, при переводе может быть опущено. Второе существительное (Р.п.) в английском предложении становится подлежащим или дополнением. Такое преобразование необходимо, когда существительное в именительном падеже образовано от десемантизированного глагола, смысл которого неясен, если он употребляется без соответствующего объекта. Сюда относятся фразеологически связанные словосочетания типа *оказание помощи, одержание победы, нанесение поражения, оказание влияния (услуги, давления)* и т.п. По мнению В.Г Гака, подобные словосочетания (*оказание помощи, одержание победы*) получают в русском языке всё большее распространение вместо глаголов *помочь, победит*, так как они выражают более тонкие «оттенки значений, чем отдельные слова» [Гак, 1998: 397]:

*Повысить прозрачность может принятие единых мировых стандартов бухгалтерской отчетности, за которое ратует Дипьяцца. – Greater transparency can be achieved through **uniform international accounting standards** advocated by Dipiazzzi.*

- При переводе на английский язык десемантизированные существительные, такие как *проблема, механизм, процесс, степень, комплекс, характер* и др., часто опускаются:

Развитие двусторонней торговли сдерживается высокими транспортными издержками, а также низкой эффективностью механизма двустороннего сотрудничества. – Bilateral trade is held

*back by high transportation costs and a lack of efficiency in **bilateral cooperation**.*

Прием опущения соотносится с приемом добавления (экспликации), который чаще используется при переводе с английского языка на русский, но тем не менее, он употребляется и при обратном направлении перевода.

- Для соблюдения ритмического баланса в английском предложении и обеспечения более идиоматичного уровня связи между членами высказывания при переводе вставляются причастия II в качестве строевого элемента:

*Государство получает право голосовать наравне с конкурсными кредиторами, и у него будет полный контроль над **решениями совета** кредиторов. – The state is entitled to vote on a par with bankruptcy creditors, and it will exercise full control over **decisions taken by creditors' meetings**.*

Логическая организация текстов экономического публицистического дискурса на языковом и контекстуальном уровнях достигается членением или объединением высказываний с использованием строевых элементов речи и всевозможных обособленных конструкций. Приведем примеры трансформаций, применяемых при таких контекстуальных несовпадениях.

Объединение высказываний – прием опущения (компрессии)

Различия между английским и русским языками в импликации и экспликации кроме пропуска отдельных слов проявляются при объединении и членении высказываний. Рассмотрим случаи объединения высказываний, сопровождающегося компрессией. Они могут объединяться, если в повествовании рема предыдущего предложения становится темой последующего. Иногда темой следующего высказывания может стать тема предыдущего, или смысл ремы или всего

предыдущего предложения. В таком случае при переводе часто используется компрессия. Например:

В лидеры рынка ценных бумаг стали выходить небольшие брокерские компании, специализирующиеся на предоставлении брокерских услуг через Интернет. Значительной частью клиентов данных брокеров являются мелкие частные инвесторы. – Market leaders were becoming small broker companies specialized in Internet broker services provided mainly to small private investors.

Или:

В ходе сентябрьского визита во Вьетнам российского вице-преьера В.Серова (было) объявлено о планах новых российских инвестиций в СРВ. Речь, в частности, шла о создании совместного предприятия по сборке грузовиков «КамАЗ». – During his September visit to Vietnam, Russia's Deputy Prime Minister Serov unveiled plans for new investments in Vietnam that include the creation of a KAMAZ truck assembly joint venture.

Компрессия может быть использована в целях редакторской правки русского текста. Например:

Сейчас у российских компаний и у нашего рынка в целом капитализация очень маленькая. На данный момент капитализация всех российских компаний около 60% от пикового уровня 1997 года. – At present, Russian companies and the Russian market in general have a very low level of capitalization: it is about 60% of the peak 1997 level.

Однородные члены. Обособление. Членение высказывания – прием добавления (экспликация)

Для русского языка характерно объединение в рамках одного высказывания как можно большего количества предметных ситуаций. Этим объясняется частота употребления цепочек отглагольных существительных и однородных членов (подлежащих, сказуемых или

второстепенных членов), а также различных обособленных оборотов (определительных, деепричастных и причастных) и сложноподчиненных предложений. При переводе сохранить смысл в рамках одного высказывания невозможно, так как английскому языку не свойственна перегруженность структуры предложения однородными членами и обособленными конструкциями. Поэтому одно русское предложение приходится разбивать на несколько, т.е. использовать прием его членения. Приведем пример перевода предложения с однородными подлежащими:

Современный уровень производительных сил, огромные масштабы производства, развитие научно-технической революции, рост международного разделения труда – все это делает более насущным развитие экономического сотрудничества между нашими странами. – Many factors make it ever more essential to stimulate economic cooperation between our two countries. Modern production level, for one. Also, the grand scale of production, the revolution of science and technology and the growing international specialization and division of labour (пример Е.В. Бреуса).

В целом английские предложения не перегружены однородными членами, но подобное явление, конечно, встречается и в английском языке. При этом группировка признаков, позволяющая английским словам стать однородными членами, лингвоспецифична; ее логические основания гораздо шире, чем в русском языке. Следующий пример наглядно демонстрирует имплицитность английского языка:

The Turkish earthquake of 1999 shuttered not only lives, homes and industries, but Turks' confidence in their state. – В результате землетрясения 1999 г. в Турции были разрушены дома, нанесен большой ущерб промышленности, погибли люди. Кроме того, было значительно подорвано доверие к правительству/государству.

При переводе изменилась группировка признаков, позволяющая членам предложения объединиться в однородные, и использован прием экспликации.

Не всегда удастся при переводе сохранить границы высказывания или даже абзаца, так как в английском языке иная, нежели в русском, логика группировки признаков, что также обусловлено разницей в картинах мира двух языков. Объединяя высказывания, переводчик руководствуется логикой группировки признаков, приводящей к большей компрессии в английском высказывании. Например:

Она представляет собой сборник развернутых обзорных статей, опубликованных в первой половине 1990-х гг. в британском журнале Fiscal Studies, издаваемом под эгидой Института фискальных исследований. Авторы – университетские профессора из Великобритании, Канады и США. Статьи касаются самых актуальных вопросов корректного экономического обоснования налоговой политики государства. – It is a collection of detailed reviews published in the British journal British Studies in the early 1990s. The articles contributed by professors from universities in Great Britain, Canada and the US deal with the most topical issues related to the development of a sound fiscal polic

Нельзя не отметить такой важный аспект передачи логической организации газетного текста, как перевод связок – строевых элементов речи, ответственных за логические связи в тексте. Как правило, они лингвоспецифичны, что вызывает при переводе значительные трудности. В таких случаях могут быть использованы различного рода соответствия, а при несовпадении импликационалов – приемы опущения и добавления.

Прием опущения:

Однако наиболее эффективным подходом является определение бюджета рекламной компании в зависимости от целей и задач. – The

most efficient approach is to draw up a budget for the advertising campaign, setting out its goals and objectives.

***Правда,** гневные письма студентов заставили его через два дня заговорить об этике, вернее, о том, что в наше время врать покупателю часто себе дороже. – Two days later letters from angry students forced him to speak about the ethics: at present it is often more expensive to tell lies to a buyer.*

Использование соответствия:

***Впрочем, учитывая,** что главная налоговая дискуссия в России сводится к решению вопроса о дате переоценки основных фондов (1 января или 31 декабря), издание подобных фундаментальных работ в области теории налогов может показаться преждевременным. – **However, given** that discussions on taxes in Russia are focusing on the date for a revaluation of capital assets (December 31 or January 01), the publication of such fundamental works on taxation may seem premature.*

Прием добавления:

*Положительным событием является одобрение Министром финансов Концепции реформирования бухгалтерского учета и отчетности в РФ на среднесрочную перспективу. – **In this context,** the endorsement by the Russian Ministry of Finance of the Concept of Accounting and Reporting Reform in the Russian Federation for the Mid-Term Prospect is a positive event.*

Конечно, примеры перевода связок – строевых элементов речи – более понятны и наглядны в широком контексте, а не на уровне отдельных предложений, но, тем не менее, анализ текстов оригинала и перевода позволяет выделить все указанные особенности. Эта проблема требует отдельного исследования, так как ее связь с картиной мира пока еще остается мало изученной. По мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, реляционные единицы, принадлежащие к фонетико-

интонационному, морфологическому и синтаксическому уровням, также могут обладать лингвоспецифичностью, объясняющейся разницей в концептуализации действительности, но этот вопрос еще не получил широкой разработки в лингвистике в отличие от плодотворного анализа концептов (номинативных единиц, по терминологии авторов).

3.2.3 Моделирование специального перевода на стилистическом уровне

Этот раздел посвящен стилистическим особенностям изучаемых языков и приемам преодоления межъязыковой асимметрии на уровне перевода стилистических фигур, передающих экспрессивную информацию при помощи прагматической адаптации. Опыт показывает, что передача экспрессивной информации связана с особыми трудностями.

Коммуникацию можно признать состоявшейся, если получатель сообщения правильно понял коммуникативную установку (т.е. цель высказывания), выраженную отправителем текста. При переводе очень важно учитывать прагматический эффект, т.е. обеспечение адекватного восприятия рецептором перевода разноплановой информации, содержащейся в высказывании. Прагматика текста определяется «отношением между языковым выражением и участниками коммуникативного акта – отправителями и получателями сообщения» [Бреус, 1998: 99]. Прагматическая адаптация экспрессивной функции, по классификации языковых функций Р. Якобсона, представляет собой адекватную передачу стилистических средств из языка оригинала в язык перевода. При переводе такая передача достигается только при ее интерпретации.

Общие тенденции, характеризующие стиль языка в целом, влияют на выбор в обоих языках конкретных стилистических средств на уровне

грамматики и лексики. Количественное исчисление признаков, нуждающихся в интерпретации, а следовательно, в имплицировании или эксплицировании, не всегда достижимо. Здесь открываются большие возможности для субъективного подхода: «стиль – значение личности в содержании языкового знака» [Иванов, 2002: 278]. Тем не менее и при переводе стилистических особенностей можно указать некоторые закономерности, проявляющиеся при эксплицировании и имплицировании выделяемых признаков.

Во второй главе были рассмотрены стилистические особенности лексико-грамматического уровня русского и английского языков. Прежде всего следует назвать грамматический анимизм в английском языке, а в русском высокую частотность отглагольных существительных и бессубъективных конструкций. Еще одним важным грамматическим явлением, относимым специалистами к синтаксическим конструкциям являются способы выражения эмпазы в обоих языках. Напомним, что в русском она передается при помощи просодических средств (интонационно и с использованием специального эмпатического ударения). Она также может быть выражена лексическими средствами, такими как частицы *именно*, *только*, *как раз*, *лишь*, *даже*, *хотя бы*, союзами *не только*, *но и*, и другими, а также чисто грамматическими средствами (инверсией и др.).

Л.А. Черняховская называет эмпатическое выделение начала предложения при помощи частиц «вторым рематическим пиком» [Черняховская, 1976: 201]. В русских текстах экономического публицистического дискурса это явление встречается довольно часто, но его сохранение в ПТ может привести к искажению смысла, так как оно придает ему излишнюю эмоциональность. Поэтому при переводе второй рематический пик следует убирать (при этом можно использовать прием компенсации). Например:

Именно мы первыми начали выдавать кредиты частным клиентам на разумных условиях. – And we were the first to offer loans to private individuals on reasonable terms.

В английском языке эмфаза может быть выражена такими идиоматическими средствами как модальные определители. Они, так же как союзы и отрицательные частицы, актуализируются в контексте и интенсифицируют весь его смысл, или его часть. Например: *if any, if anything, if at all, if that, if those, if only, if (only) then, if (only) thence* и т.п. О.А. Фирсов называет данные конструкции оговорками, потому что в английском предложении они играют роль вводных слов [Фирсов, 2003: 93], а И.И. Убин – интенсификаторами [Убин, 1974: 233]. Для перевода этих конструкций не существует общих правил и приходится использовать приемы компенсации: подбирать такие идиоматические средства русского языка, которые бы передавали смысл интенсификации, следовательно, здесь опять открывается большой простор для интерпретации.

В русском языке эмфаза может быть передана при помощи риторических или эмфатических вопросов с вопросительными/эмфатическими и отрицательными частицами *ли, разве, неужели + отрицание*, эмфатических частиц *именно, так именно, как раз, ведь, лишь бы, только, же, вряд ли*, союзов *не только, но и, и*, и других союзов, отражающих экспрессивную установку, а также отрицательных частиц *не* и повторов.

Лексико-грамматические средства выражения эмфазы в русском языке.

Начнем с конкретных примеров.

Частицы.

- **Регулярные соответствия:**

*Еще в 70-е годы мало кто мог предположить, что финансы острова окажутся в таком плачевном состоянии. – **Back** in the 1970s few could have predicted such a financial crash on the island.*

- **Контекстуальные соответствия:**⁵

*Нужно как можно изобретательнее преподнести потребителю ценовое предложение. **Именно** здесь и проверяется квалификация рекламного агентства. Реклама окажется пустой тратой средств, если компания не найдет ничего интригующего для своей рекламы или сделает это неудачно. – The offer should be presented to the consumer in a very inventive way. **And this** is where the skills of an advertising agency are needed. The advertising campaign will be a waste of money if the company fails to find anything intriguing in its advertising.*

- **Опущение, выражающееся в снятии второго рематического пика:**

*(Сегодня правительство приступит к подготовке бюджета ко второму чтению). Оно особенно дорого лоббистам – **именно** во втором чтении Дума утверждает расходные статьи бюджета. – Today the government will start drawing up the budget for the second reading, which is especially important for lobbyists, because the Duma approves budgetary expenditures in the second reading.*

Союзы

- **Контекстуальные соответствия – перевод союзами, частицами:**

*Ханой **не только** утратил источник экономической помощи, **но и** рынки сбыта экспортной продукции. – Hanoi lost its source of economic assistance; **moreover**, it lost its export market.*

⁵ Множественные, по обозначению В.Н. Комиссарова, и контекстуальные у Е.В. Бреуса.

- **Контекстуальные соответствия – перевод модальными определителями:**

*Экономический рост развивающихся стран существенно осложняется, а нередко полностью парализуется под влиянием таких факторов, как ухудшение условий обмена на мировом рынке, огромная внешняя задолженность и ужесточение условий предоставления кредитов. – Economic growth of the developing countries has been severely impeded, **if not** paralyzed due to such factors as the deteriorating conditions of exchange in the world markets, a vast foreign debt and credit constraints. (пример Е.В. Бреуса)*

Мы представили примеры использования конкретных средств обоих языков, выражающих эмфатическую экспрессивность.

Далее перейдем к сравнительному анализу стилистических особенностей лексики этих языков и лексических средств, применяемых для передачи экспрессии. Как уже отмечалось, в публицистическом стиле печатных материалов советского периода широко употреблялись книжные слова с ярко выраженной отрицательной коннотацией. Английскому языку, наоборот, свойственен нейтральный стиль изложения, поэтому книжная лексика в нем появляется не так часто, как в русском. Вместо этого широко представлены слова нейтрального стиля, разговорные и экспрессивно окрашенные.

Перевод книжной/абстрактной лексики

- **Сохранение возвышенного стиля (церковно-славянизмы и пр.) – перевод при помощи соответствий:**

Культ превосходства, грубой силы, разжигание вражды и ненависти к другим народам, организованная преступность неизбежно трансформируются в попрание социальных и экономических прав человека, его личной безопасности и свободы. – The cult of superiority, crude/brute force, fanning the flames of

hostility and hatred/advocating hostility/hatred of other peoples, and organized crime inevitably lead to trampling underfoot man's social and economic rights, his personal security/ safety and freedom (пример L.Wisson).

- **Снижение экспрессии (стиля) – выбор при переводе нейтрального лексического средства:**

*Ее представители теперь будут говорить, что в соответствии с чаяниями народа поставили на место олигархов, доказали, что в России перед законом все равны, бедные и богатые. – The officials will now say that in accordance with public **aspirations** they managed to teach the oligarchs a lesson and proved that all are equal under the Russian law, both the rich and the poor.*

*Министерство экономического развития и торговли решило **внести свою лепту** в процесс перевода российских предприятий на международные стандарты финансовой отчетности (МСФО), что до сих пор являлось прерогативой Минфина. – The Ministry for Economic Development and Trade has decided **to contribute to** the transition of Russian companies to IAS, which, until now, has been the prerogative of the Finance Ministry.*

В публицистических текстах на русском языке все стали чаще использоваться разговорные слова и выражения, слова сниженного стиля и даже вульгаризмы, что являлось устойчивой характеристикой стиля английского языка. Можно сказать, что в этом смысле наблюдается некоторое сближение между обоими языками.

Разговорная лексика, лексика сниженного стиля (жаргонизмы)

- **Сохранение экспрессии – при использовании в переводе соответствий с такой же экспрессивной окраской:**

*Президент, оказывается, просто «кинул» лохов-коммунистов. – It appears that the President has simply **duped the gullible** communists (пример П.Р. Палажченко).*

- **Снижение экспрессии – при использовании в переводе нейтральных соответствий:**

***Накаты** на Аксененко в прессе усилились. – **Attacks** on Aksenenko in the media have been stepped up.*

К разговорной лексике и лексике сниженного стиля относятся приставочные глаголы (а также отглагольные существительные) с высокой степенью экспрессии. Это лингвоспецифичные средства русского языка, соотносящиеся с фразовыми глаголами английского языка и представляющие большие трудности для перевода. Здесь помогает применение регулярных и контекстуальных соответствий и описательного перевода. Причем многие из них обладают экспрессивной окрашенностью, что создает дополнительные проблемы при нахождении им соответствий в английском языке. Если найти полное соответствие не удастся, то при передаче экспрессивной коннотации используется прием компенсации.

Экспрессивные приставочные глаголы (и отглагольные существительные), в том числе разговорного и сниженного стиля

- **Сохранение экспрессии – при использовании соответствий с такой же экспрессивной окраской:**

*В октябре прошлого года одному из банков даже пытались **всучить** поддельный «золотой сертификат», но Го(с)хран быстро среагировал, и сделка сорвалась. – Last October one of the banks nearly **got landed** with a fake golden certificate, but the State Protection Department was really quick to react, and the deal was never closed.*

- **Снижение экспрессии посредством нейтральных соответствий:**

*Можно также начать «**раскручивать**» какую-нибудь компанию, 100% акций которой принадлежат государству. – We may also **start***

reorganizing a 100-percent state-owned company, which may turn out quite a lucrative business (+ описательный перевод).

В последнем примере видно, что при переводе экспрессивных приставочных глаголов экспрессия часто снижается. При этом может применяться прием компенсации, как это сделано в следующем примере.

*Правда, организаторы подобных трюков все чаще оказывались за решеткой: один из них – Стивен Саккоchia – в 1991 г. загремел на 660 лет. Услыхав приговор, он спросил у судьи: «Как же я смогу просидеть так долго?» На что судья ответил: «А ты постарайся как следует». – However, today financial manipulators **masterminding** such schemes tend to **end up** behind bars more frequently. One of them, Steve Saccochia, **was sentenced** to 660 years in prison in 1991. When he heard the verdict, he asked the judge: “How can I serve such a long sentence?” The judge replied: “Try as hard as you can”.*

Глагол *загреметь* был передан нейтральным глаголом *to be sentenced to*. При этом в предложении появились такие экспрессивные глаголы как *to mastermind*, *to end up*. Конечно, степень экспрессии трудно измерить, ее интерпретация имеет чисто интуитивный и субъективный характер: в некоторых случаях приходится полагаться на чувство интуиции и вкусы носителей языка.

Обоим языкам свойственно употребление неассимилированных иностранных заимствований, т.е. слов, взятых из других языков в том виде, в каком они существовали в языке оригинала. Это могут быть термины, в основном латинизмы: *de facto*, *de jure*; а также слова, используемые для создания определенного стилистического эффекта. При этом нужно иметь в виду, что иностранные слова, применяемые в русских и английских текстах, по частоте употребления могут не совпадать: слова, известные русским читателям, бывают неизвестны английским, и наоборот. Например:

Думцы намеков поняли и **дружно** проголосовали против. Такой обиды «регионалы» простить не могли и при первом удобном случае «наехали» уже на самого Селезнева. – *The parliamentarians took the hint and voted **en masse** against it. The regional deputies could not swallow this and attacked Mr.Seleznev himself (at the first favorable chance).*

- Однако встречаются и случаи совпадений:

Скорее нет, ведь президент Владимир Путин обещал **urbi et orbi** не допустить банкротства компании. – *President Putin promised **urbi et orbi** that he would not allow the company's bankruptcy.*

Теперь рассмотрим стилистические приемы, которые возникают только в речевой цепи.

Парные синонимы.

В текстах экономического публицистического дискурса английского и русского языков синонимические пары встречаются довольно часто. Они используются для более полного раскрытия смысла и для выражения экспрессивного эффекта. Употребление второго синонима уточняет смысл первого и делает речь более выразительной. Поэтому иногда при переводе с английского на русский сохраняются обе пары:

Lord and master (царь и господин/ Бог, царь и господин), foresight and sagacity (мудрость и дальновидность), silence and repose (тишина и покой), din and turmoil (гул и грохот), decay and degeneration (разруха и запустение), dull and boring (скучный и неинтересный) [Фирсов, 2003: 157].

Но не всегда обе пары переводятся: часто второй синоним опускается, а утрата экспрессивного эффекта компенсируется другими стилистическими средствами.

Приведем примеры английских синонимических пар, переводимых одним словом:

Trembly and shaky, really and truly, null and void, fulfill and execute, conscience and goodwill, keep down and repress, secret and conspiratorial, total and complete, guidance and direction [там же: 158]; *new and different social order, to put a country firmly and fully on the road to independence, dominant and domineering Mrs. Thatcher* [Бреус, 1998: 99].

При этом в английском языке часто используются аллитерация и ритм. Например:

Squalor and misery – грязь и нищета, *spic and span* – щегольский, *to toil and moil* – тяжело, усиленно трудиться, *look and see* – смотреть во все глаза, *do or die* – отчаянный, не останавливающийся ни перед чем, *doom and gloom* – конец света, *part and parcel* – неотъемлемая часть, *frights and frumps* – чучело, неряха, *to be high and mighty* – высокомерный, надменный, *high and dry* – покинутый в беде.

В русском языке также употребляются синонимические пары, при переводе которых на английский один из синонимов обычно опускается. Е.В. Бреус приводит такой пример:

«Наши помыслы и устремления воплощаются в конкретных решениях, направленных на улучшение экономической обстановки в стране. – *Our aspirations and strivings are embodied in specific decisions directed at effecting a turn for the better in the country's economy*» [Бреус 1998: 99]. Словосочетание *our aspirations and strivings* является лексической калькой, в английском языке она не употребляется. – Вот вариант перевода этого предложения, предложенный самим Е.В.Бреусом: **«*Everything we hope for has crystallized in specific decisions to bring about a turn for the better in the country's economy*»** [там же: 99].

Иногда в синонимической паре второй синоним представлен словом с латинским корнем, имеющим то же значение, что и исконно русское слово:

*Я вспоминаю, как несколько лет назад мы с вами обсуждали законодательную базу, нормативные требования к российскому фондовому рынку и то, насколько положение отвечало международным стандартам. - As far as I recall, several years ago we discussed with you **the legal regulations** governing the Russian stock market and how they complied with international standards.*

Кроме того, один из синонимических терминов в паре может употребляться для уточнения смысла:

*События конца прошлого года показали, что административный ресурс является весомым фактором при поглощениях, а также **определяющей** и часто **единственной** силой. – The events of late 2003 showed that the authorities are a weighty proposition during an acquisition, and sometimes **the only one**.*

В некоторых случаях оба синонима переводятся, потому что в английском языке находится им полное соответствие. Например:

*Это присуще банковским сотрудникам – они очень осторожны: лучше **посидеть, подождать**. – Bank employees are usually very cautious; they prefer to sit and wait.*

Конструкции с «расщепленным предикатом».

Для русского языка также характерны конструкции с «расщепленным предикатом» – это синонимические пары, образованные глаголами типа «не угрожал и не угрожает», «делал и делает», «была и есть» [там же: 100]. Например:

*Кроме того, финансовые потоки Nauru Phosphate Royalties Trust **были и остаются** крайне непрозрачными, поэтому никто (за*

исключением разве что правительства Науру) так и не знает нынешнего состояния находящихся в трасте активов. – *Moreover, **there was/has been** a distinct lack of transparency surrounding the financial flows of the Nauru Phosphate Royalties Trust and nobody except Nauru's government itself can say for sure what the trust's current assets are.*

Аллитерация.

В английском языке аллитерация – широко распространенное явление (встречается не только в парных синонимах). Например:

*They said there was nothing unusual about Gates joining the panel, which will focus on the “**digital divide**” between technology haves and have-nots.* – Они заявили, что нет ничего удивительного в том, что Б. Гейтс решил участвовать в работе группы экспертов (круглого стола) по вопросам, касающимся громадного «цифрового разрыва» между обладателями новых компьютерных технологий и теми, кто их не имеет.

*Our company does not intend to compete with Gazprom, nor it is able to compete, due to a **great gap** in the scale of operations.* – Наша компания не собирается, да и просто не может конкурировать с «Газпромом» по причине **слишком большой разницы** в масштабах производственной деятельности (в масштабах производства).

В русском языке она применяются гораздо реже, в основном в поэзии: «Лет до ста расти нам без старости» (В. Маяковский).

Приведем примеры использования аллитерации при переводе с русского языка на английский:

*Кризис 1997 – 1998 гг. **оказался слишком серьезным ударом** для Аргентины.* – *The global crisis of 1997 – 1998 **hit** Argentina **hard**.*

*Для экономики страны непомерные военные расходы оборачиваются тяжелым бременем. В первую очередь **страдают от***

этого беднейшие слои населения. – Military expenditures have been a heavy burden on the national economy, with the poor being the hardest hit.

В первом русском предложении аллитерации нет, она появляется при переводе в выражении “to be hard-hit (the hardest hit)”. Во втором примере можно назвать аллитерацией повторение букв-звуков «с».

Итак, мы охарактеризовали экспрессивные средства, наиболее часто встречающиеся в английском и русском языках, провели межъязыковой сравнительный анализ частотных стилистических приемов, а также описали способы их передачи при переводе с родного языка на иностранный (с русского на английский).

Овладение лингвоспецифичными приемами стилистической адаптации английского и русского языков, основанными на интерпретации смысла, свидетельствует о высоком уровне развития коммуникативной, экстралингвистической и специальной компетенций модели ППК профессиональной вторичной языковой личности.

Таким образом, мы завершили рассмотрение стилистических и прагматических аспектов специального перевода. На грамматическом, семантическом, стилистическом языковых уровнях проанализированы и систематизированы контекстуальные несоответствия, обусловленные межъязыковой асимметрией. Также представлена классификация переводческих трансформаций, используемых для преодоления межъязыковой асимметрии.

3.3 Выводы по главе 3

Концептуализация окружающего мира средствами языка всегда лингвоспецифична и приводит к межъязыковой асимметрии, выражающейся в контекстуальных несоответствиях между ИЯ и ПЯ. Ее преодоление при переводе на первом-третьем уровнях эквивалентности (по модели В.Н. Комиссарова) требует прагматической адаптации. Применяемые в таких случаях переводческие трансформации опираются на интерпретацию, обусловленную лингвоспецифичностью признаков описания ситуации, что ведет к широкой взаимозаменяемости при переводе ее имплицитных или эксплицитных элементов и признаков.

Это подтверждают примеры контекстуальных несоответствий, представленные в данной главе. Они отражают традиционную классификацию переводческих трансформаций, выделяемых на разных языковых уровнях.

На семантическом уровне межъязыковая асимметрия проявляется в различиях семантической структуры слов, что вызывает несовпадения:

- 1) в образах, лежащих в основе метафор (т.е. прагматическая и культурная неприемлемость);
- 2) во вторичных, метафоричных значениях слов (образная непродуктивность);
- 3) в сочетаемости, зависящей от структуры значения слова;
- 4) в признаках описания ситуаций, что обуславливает метонимические сдвиги;
- 5) в подаче информации с учетом имплицитности-эксплицитности, т.е. случаи различающейся степени детализации описания ситуации в двух языках.

На лексико-грамматическом уровне несовпадения могут возникать при построении высказываний в их синтаксическом оформлении. Важным основанием структурно-семантических расхождений в переводе может

стать явление «грамматического анимизма» (термин В.Г. Гака), характерное для английского языка и связанное с особенностями метафоризации действительности (и с ее представлением при переводе с помощью метонимий). Это вызывает сильное смысловое стяжение по ситуации (ее сокращение). В результате создаются емкие по смыслу обозначения. В свою очередь, важным свойством синтаксиса русского языка является обилие лингвоспецифичных бессубъектных конструкций и конструкций с отглагольными существительными.

На стилистическом уровне способы выражения экспрессии при помощи лингвоспецифичных стилистических приемов могут настолько различаться между языками, что при переводе используются стилистическая адаптация и прием компенсации. Это создает широкие возможности для интерпретации.

Во всех случаях применения переводческих трансформаций (лексико-грамматического и семантического уровней) и приемов стилистической адаптации речь идет о выделении и экспликации разных признаков при описании ситуации на основании языковых импликаций и пресуппозиций, связанных с межъязыковыми асимметриями, вызываемыми различиями в языковых картинах мира.

Заключение

Целью настоящего исследования было выявление и систематизация компетентностных и интерпретационных факторов, обуславливающих структурные и смысловые преобразования в специальном переводе. Эти же факторы служат основанием для деятельностного моделирования

перевода, которое можно проанализировать в аспекте перевода с родного языка на иностранный. Подобный анализ указанных факторов в их взаимосвязи на материале перевода с родного языка на иностранный значительно расширяет возможности деятельностного моделирования перевода.

В ходе работы был выполнен критический обзор лингвистических и интерпретационных моделей перевода в рамках субститутивно-трансформационного и коммуникативно-деятельностного подходов. Проведено разграничение компетентностных и интерпретационных факторов и установлены принципы их взаимодействия.

Компетентностный фактор неотъемлемо связан с личностью переводчика. При анализе фактов перевода требуется некоторая формализация этого фактора. Совокупность профессиональных переводческих компетенций (ППК) представляет собой многоуровневую систему, на базе которой деятельностно раскрывается языковая личность переводчика, которую мы применительно к опыту перевода с родного языка на иностранный определили как *профессиональную вторичную языковую личность*.

В рамках разработанной компетентностно-интерпретационной модели перевода комплекс ППК включает в себя три блока компетенций. Первый блок – *коммуникативная компетенция* – состоит из *лингвистической (языковой)* и *прагматической* составляющих. Последняя объединяет *дейктическую* (определяющую параметры коммуникативной ситуации), *дискурсивную* (текстообразующую) и *социокультурную* (реализующую межкультурную компетенцию в речи) составляющие.

Второй блок представлен *экстралингвистической компетенцией*, соотносящейся с тезаурусным уровнем профессиональной вторичной языковой личности. Профессиональная вторичная языковая личность должна обладать комплексом знаний: а) *культурного контекста* двух

языков (межкультурной компетенцией); б) собственно *предметной области*; в) *общими знаниями о мире*, т.е. пресуппозициями носителей языка.

В третий блок комплекса ППК входят специфические когнитивные способности переводчика в области обработки информации и переводческой интерпретации. Это – *специальная* профессиональная переводческая *компетенция*, которая содержит несколько компонентов:

а) *компетенцию переключения* – умение переключаться с одного языка на другой язык, переходя от поверхностных языковых структур к глубинным смысловым и наоборот (от девербализации к ревербализации);

б) *способность к инференции* – умение делать логические выводы, понимать имплицитные структуры языка и речи (подтекста) на основе общности пресуппозиций;

в) *технологическую (интерпретационную)* способность применять конкретные переводческие приемы и трансформации в случаях межъязыковой асимметрии. Эта когнитивная способность тесно связана с предыдущей способностью (способностью к инференции).

Фактор профессиональной вторичной языковой личности рассматривается в исследовании на фоне межъязыковых асимметрий на материале перевода с родного языка на иностранный. Анализ примеров показывает, что при таком направлении перевода обнаруживается наименьшая интерпретационная свобода переводчика: доминантную функцию, как правило, сохраняет картина мира, соответствующая культурной норме и дискурсивному опыту родного языка. Иностранный язык в роли ПЯ выполняет подчиненную функцию в том смысле, что не обретает интерпретационной свободы – статуса полноценной смысловой «автономии». Все это побуждает переводчика к стремлению следовать структуре обозначений, которая задана в оригинале. Только тот переводчик, который в совершенстве владеет иностранным языком, говоря

более конкретно, свободно располагает его жанрово-стилистическим и терминологическим аппаратом в конкретной понятийной области, способен в полной мере осознать масштаб межъязыковой асимметрии и, исходя из этого, найти оптимальные средства для ее нейтрализации.

Исследование показало возможность более точной и обоснованной оценки качества перевода на основе комплексной компетентностно-интерпретационной модели, учитывающей совокупность объективных и субъективных факторов. С методологической точки зрения учет компетентностного фактора при построении полноценной интерпретационной модели может сделать ее более дифференцированной и градуированной по уровням владения предметом перевода и языком (в объеме ЯСЦ /LSP) на базе перевода с родного языка на иностранный.

Таким образом, владение переводчиком когнитивными и языковыми структурами соответствует степени развития его языкового и концептуального тезаурусов. При низком уровне их возможностей компетентностный фактор влияет отрицательно, ограничивая действия переводчика. Он оказывается неспособен к глубокому осмыслению пресуппозиций и импликаций в аспекте неродного языка, служащих основанием для интерпретации в переводе, критерием при выборе в противодействие межъязыковым асимметриям переводческих трансформаций, применяемых с целью недопущения нежелательной межъязыковой интерференции. При этом, если при переводе с иностранного языка на родной переводчик в состоянии сознательно бороться с ее негативными проявлениями, то при переводе с родного языка на иностранный отсутствие в его языковом и концептуальном тезаурусах соответствующих фреймов и необходимых знаний для их языкового воплощения может привести к неправильной передаче смысла в ПТ и сбою в коммуникации. Следовательно, высокий уровень развития коммуникативных, экстралингвистических и специальных переводческих

компетенций расширяет возможности правильной интерпретации смысла при переводе с родного языка на иностранный (с русского языка на английский), снижая уровень межъязыковой интерференции.

В исследовании проанализированы интерпретационные основания переводческих трансформаций, применяемых в случаях межъязыковых асимметрий. Сама асимметрия – расхождение между языками – рассматривается нами как фактор, стимулирующий перевод. Мы пришли к выводу, что ее преодоление реализуется только на основе знания возможных пресуппозиций и импликаций в аспектах родного и иностранного языков, представляющих собой важные составляющие комплексной компетентностно-интерпретационной модели перевода с родного языка на иностранный.

Выполненная систематизация проявлений межъязыковой асимметрии позволила установить преобладающие контекстуальные несоответствия, обуславливающие переводческие трудности. Межъязыковая асимметрия обнаруживается в контекстуальных несоответствиях на первом–третьем уровнях эквивалентности (по модели В.Н. Комиссарова). Она требует прагматической адаптации, исходящей из интерпретации инварианта смысла, что достигается при помощи переводческих трансформаций. В работе проведена систематизация переводческих трансформаций на основе выявленных типов контекстуальных несоответствий, вызываемых межъязыковой асимметрией.

Переводческая трансформация представляет собой интерпретационную фигуру, которая объединяет признаки смыслового тождества и выразительных межъязыковых различий. Интерпретационные основания трансформаций связаны как с лингвокультурной специфичностью выделяемых признаков описания ситуации, так и с

возможностью их относительного смыслового сближения в масштабе эквивалентных замен.

Межъязыковая асимметрия проявляется на всех уровнях языка и речи – грамматики, семантики, стилистики, прагматики, в жанровых формах и структурах. Расхождения на любом из них могут стать причиной межъязыковой интерференции и привести к языковым и речевым ошибкам. Выявление интерпретационных оснований для разрешения таких несоответствий при использовании переводческих трансформаций необходимо для снижения влияния интерференции и повышения качества перевода с родного языка на иностранный, поскольку именно от этих факторов зависит уровень профессиональных компетенций переводчика. Компетентностно-интерпретационное моделирование перевода в работе выполнялось на материале ЯСЦ с учетом языковых асимметрий ИТ и ПТ. Были проанализированы факторы, влияющие на предметную составляющую экстралингвистической компетенции, а также лингвистическую и дискурсивную составляющие коммуникативной компетенции модели ППК.

Результаты исследования имеют и прикладную, и теоретическую направленность. В методике преподавания перевода можно успешно применять компетентностно-интерпретационную модель на всех этапах подготовки переводчика, и с ее помощью эффективно справляться с межъязыковой асимметрией и более дифференцированно связывать профессионально-понятийный аппарат с языковым аспектом перевода. На теоретическом уровне модель расширяет возможности переводческого анализа, профессиональной проверки качества перевода.

Представленная в исследовании компетентностно-интерпретационная модель обладает универсальным характером. Она эффективна при любых видах перевода и допускает дальнейшую дифференциацию в зависимости от вида перевода (письменного и устного

– последовательного и синхронного) и тех предметных областей профессиональной коммуникации, в которых может работать переводчик.

Список использованных источников и литературы

Источники

1. Газета «Ведомости»:
<http://www.vedomosti.ru/archive/2004/02/06>
<http://www.vedomosti.ru/archive/2004/04/29>
<http://www.vedomosti.ru/archive/2004/08/26>
<http://www.vedomosti.ru/archive/2006/03/18>
<http://www.vedomosti.ru/archive/2006/07/14>
<http://www.vedomosti.ru/archive/2006/11/15>
<http://www.vedomosti.ru/archive/2015/01/30>
<http://www.vedomosti.ru/archive/2015/05/15>
<http://www.vedomosti.ru/archive/2015/12/09>

Литература

1. Алимов В.В. Интерференция. – М.: URSS, 2005. – 232 с.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. В 2 т. Т. 1. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 472 с.
3. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. В 2 т. Т. 2. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
4. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – М.: Просвещение, 1990. – 300 с.
5. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 335 с.
6. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
7. Арутюнова Н.Д. О стыде и совести. Логический анализ языка: Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с.
8. Атултанова В.Б. Связность текста как переводческая проблема: дисс. канд. филол. наук. – М., 2006. – 234 с.
9. Балли Ш. Язык и жизнь. – М.: URSS, 2003. – 230 с.
10. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: URSS, 2008. – 238 с.

11. *Беляева М., Табанакова В.Д.* Знаковая природа экономического термина как основа перевода // <http://www.utmn.ru>
12. *Бернацкая З.Г.* Значение иноязычных заимствований в терминологии банковского дела в процессе формирования профессиональной культуры молодых специалистов // Образование и культура молодежи: профессиональный аспект: Материалы межвуз. науч.-метод. конф. 22-23 ноября 1995 г. – Новосибирск, 1997. – С. 142-143.
13. *Бим И.Л.* Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе. – М.: Просвещение, 1988. – 255 с.
14. *Борисова Л.И.* Ложные друзья переводчика. Общенаучная лексика. Английский язык. – М.: НВИ-Тезаурус, 2005. – 212 с.
15. *Брандес М.П.* Стилистика текста. Теоретический курс. – М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М., 2004. – 416 с.
16. *Бреус Е.В.* Курс перевода с английского языка на русский. – М.: Р.Валент, 2007. – 320 с.
17. *Бреус Е.В.* Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. – М.: УРАО, 1998. – 208 с.
18. *Бреус Е.В.* Теория и практика перевода с английского языка на русский. Ч. 1. – М.: УРАО, 2001. – 104 с.
19. *Бреус Е.В., Волкова З.Н.* Преподавание перевода в высшей школе: нынешнее состояние и перспективы // Мосты. – 2006. № 4 (12). – С. 56 – 63.
20. *Буданова Е.А.* Методика обучения переводу на основе лингво-когнитивных моделей (начальный этап, языковой вуз): дисс. канд. филол. наук. – М., 2001. – 212 с.
21. *Бузаджи Д.М.* К вопросу об определении понятия «перевод» // Мосты. – 2011. № 2 (30). – С. 44 – 55.
22. *Вежбицкая А.* Язык, культура, познание. – М.: Русские словари, 1997. – 412 с.
23. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 776 с.
24. *Вербицкий А.А., Дубовицкая Т.Д.* Контексты содержания образования. – М.: Альфа, 2003. – 80 с.
25. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.
26. *Виссон Л.* Синхронный перевод с русского на английский (перевод с английского). – М.: Р.Валент, 1999. – 272 с.
27. *Влахов С.И., Флорин С.П.* Непереводимое в переводе. – М.: Р.Валент, 2006. – 448 с.
28. *Гавриленко Н.Н.* Обучение переводу в сфере профессиональной коммуникации. – М.: РУДН, 2008. – 176 с.
29. *Гавриленко Н.Н.* Методика реализации компетентностного подхода при обучении переводу // Программно-методическое обеспечение

профессионально ориентированной подготовки по иностранному языку в нелингвистическом вузе. – Вестник МГЛУ. Серия «Педагогические науки». – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. – Вып. 14 (725). – С. 113 – 128.

30. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.

31. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.

32. Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. – М.: МГУ, 1958. – 332 с.

33. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Либроком, 2014. – 144 с.

34. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. – М.: Академия, 2007. – 336 с.

35. Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М.: МГУ, 2004. – 544.

36. Гез Н.И., Ляховицкий М.В., Миролюбов А.А. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. – М.: Высшая школа, 1982. – 373 с.

37. Гез Н.И. Формирование коммуникативной компетенции как объект зарубежных методических исследований // Иностранные языки в школе. – 1985. № 2. – С. 17 – 24.

38. Дейк Тен Ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. – М.: URSS, 2013. – 340 с.

39. Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1983. – № 3. – С. – 58 – 67.

40. Дудик (Кочелаева) Н.А. Конструирование текста на переводящем языке при переводе с русского языка на английский. Ч. 1. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. – 144 с.

41. Дудик (Кочелаева) Н.А. Конструирование текста на переводящем языке при переводе с русского языка на английский. Ч. 2. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. – 46 с.

42. Дуплийчук В.А. К вопросу об обоснованных заимствованиях из английского языка в русскую терминосистему // Современное переводоведение. XXXV Междунар. филол. конф. – СПб.: Филол.факультет СПбУ, 2006. – С. 38 – 45.

43. Дридзе Т.М. Социально-психологические аспекты порождения и интерпретации текстов в деятельности речевого общения // Аспекты изучения текста. – М.: Университет дружбы народов, 1981. – С. 129 – 136.

44. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. – М.: Наука, 1984. – 283 с.

45. Дридзе Т.М. Перевод как текстовая деятельность: основания и предметная область семиосоциопсихологической теории коммуникации // Язык. Поэтика. Перевод. Сб. науч. труд. № 426. – М.: МГЛУ, 1996. – 164 с.

46. Европейский языковой портфель для филологов (преподавателей языка, письменных и устных переводчиков). Пер. под общ. ред. К.М. Ирисхановой. – М.: МГЛУ, 2003. – 75 с.
47. Евтеев С.В. Немецкий язык. Теория перевода. Основные положения : учеб. пособие под ред. А.Л. Семёнова. – М. : МГИМО-Университет, 2014. – 185 с.
48. Евтеев С.В. Эквивалентность в переводе: общее и частное // Традиции и инновации в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе: материалы межвуз.науч.-метод.конф. 8 апреля 2016 г. Москва – М.: МГИМО-Университет, 2016. – С.377 – 383.
49. Евтеев С.В. Перевод – эквивалентно – насколько возможно, и адекватно – насколько нужно // Вестник Брянского государственного университета. Исторические науки и археология / Литературоведение / Языкознание / Педагогические науки. – Брянск: РИО БГУ, 2017. – № 1 (31) – С. 262 – 267.
50. Заботкина В.И. Слово и смысл. – М.: РГГУ, 2012. – 446 с.
51. Зализняк А.А. Лекция, МГУ 11 октября 2008, фестиваль лингвистики. <http://lingvofreaks.narod.ru/zaliznyak.htm>.
52. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.
53. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку (на материале русского языка как иностранного). – М.: Русский язык, 1989. – 220 с.
54. Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. – М.: Просвещение, 1991. – 222 с.
55. Знаменская Т.А. Стилистика английского языка. Основы курса. – М.: УРСС, 2002. – 208 с.
56. Зубанова И.В. Скромные труженики языка, или слова-невидимки // Мосты. – 2011. № 2 (30). – С. 19 – 29.
57. Иванова Н.В. Когнитивные опоры в обучении пониманию политического дискурса: дисс. канд. фил. наук. – М.: 2004. – 276 с.
58. Иванов Н.В. Символическая функция языка в аспектах семиогенеза и семиозиса: дисс. док-ра филол.наук. – М., 2002. – 377 с.
59. Иванов Н.В. Антиномии интерпретации: начала анализа. Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном измерениях. Материалы VIII Межд. науч.конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (27 июня 2014 г. Москва) – М.: Международные отношения, 2014. – С.110 – 135.
60. Иванов Н.В. Дихотомии перевода (к онтологическим основаниям определения научного объекта переводоведения) // Вестник МГУ. Серия 22 «Теория перевода». – М., 2015. – № 4. – С. 34 – 65.
61. Ивин А.А. Логика. – М.: Гардарики, 1999. – 320 с.
62. Иовенко В.А. Национально-культурное мировидение в переводческом измерении. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – 219 с.

63. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
64. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: УРСС, 2004. – 264 с.
65. *Климзо Б.Н.* Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы. – М.: Р.Валент, 2006. – 508 с.
66. *Климзо Б.Н.* Роль переводчика в построении эквивалентов для заимствуемых иноязычных терминов // Мосты. – 2006. № 4 (12) – С. 20 – 27.
67. *Ковалева К.И.* Типология лексических несовпадений в англо-русских переводах: дис. канд. филол. наук. – М., 2000. – 157 с.
68. *Колианский Г.В.* Коммуникативная функция и структура языка. – М.: ЛКИ, 2007. – 176 с.
69. *Комиссаров В.Н.* Лингвистика перевода. М.: Международные отношения, 1980. – 166 с.
70. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода. – М.: Высшая школа, 1990. – 256 с.
71. *Комиссаров В.Н.* Теоретические основы методики обучения переводу. – М.: Рема, 1997. – 110 с.
72. *Комиссаров В.Н.* Общая теория перевода. – М.: ЧеРо, 1999. – 134 с.
73. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.
74. *Коровкина М.Е.* Категория интенсивности в языке и речи: межъязыковые соответствия // Вестник МГЛУ. Серия «Языкознание». – М.: МГЛУ, 2006. – Вып. 505. – С. 61 – 72.
75. *Коровкина М.Е.* Инновационные подходы при разработке учебно-методических материалов по обучению специальным видам перевода в рамках системы профессиональной переподготовки (дополнительного профессионального образования) // Вестник МГОУ. Серия «Педагогика». – М.: МГОУ, 2011. – № 4. – С. 121 – 127.
76. *Коровкина М.Е.* Приемы формирования переводческих навыков и компетенций в процессе развития вторичной языковой личности // Перевод в межкультурном диалоге: теоретические и практические вопросы. – Вестник МГЛУ. Серия Языкознание. – М.: Рема, 2011. Вып. 9 (615). – С. 57 – 74.
77. *Коровкина М.Е.* Структура и содержание учебно-методического комплекса по спецпереводу (финансово-экономическая тематика) // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания. Материалы II науч.-прак. конф., 24 – 25 апреля 2015 г. – М.: МГИМО–Университет, 2015. – Т. 2. – С. 138 – 142.
78. *Коровкина М.Е.* Языковая интерференция грамматического уровня и ее влияние на перевод // Актуальные проблемы лингвистики и

лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации. Сб. ст. III междунар. науч.-прак. конф. – Армавир: РИО АГПУ, 2015. – С.43 – 47.

79. *Коровкина М.Е.* Модель профессиональных переводческих компетенций сквозь призму вторичной языковой личности // Вестник ПНИПУ «Проблемы языкознания и педагогики». – Пермь: ПНИПУ, 2015. – № 3 (13). № 3 (13). – С. 89 – 94.

80. *Коровкина М.Е.* О влиянии национальной картины мира на перевод (на примере особенностей перевода русскоязычных бессубъектных конструкций на английский язык) // Вестник МГУ. Серия 22 «Теория перевода». – М.: МГУ, 2014. № 3. – С. 127-138.

81. *Коровкина М.Е.* О переводческих соответствиях для выражения смысла «сила-сильный» в английском и русском языках // Актуальные проблемы литературного перевода // Вестник МГЛУ. Серия «Языкознание и литературоведение». – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. Вып. 11 (722). – С. 43 – 59.

82. *Коровкина М.Е.* Способы преодоления несовпадений в стилистических приемах русского и английского языков при переводе // Лингвистические аспекты литературного перевода. – Вестник МГЛУ. Серия «Языкознание». – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2016. – Вып. 11 (750). – С. 13 – 25.

83. *Коряковцева Н.Ф.* Теоретические основы организации изучения иностранных языков учащимися на базе развития продуктивной учебной деятельности (общеобразовательная школа): дис... доктор. пед. наук. – М., 2003. – 426 с.

84. *Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Субъективная модальность как начало дискуссии // Междунар. юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова: Тезисы докладов. – М., 1995. – С.238.

85. *Кочелаева Н.А.* Проблемы структурирования текста на переводящем языке при переводе с русского языка на английский: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М.: 2002. – 24 с.

86. *Крысин Л.П.* Словообразование или заимствование? // Лики языка. – М.: Наследие, 1998. – С. 196-202.

87. *Крюков А.Н.* Методологические основы интерпретативной концепции перевода: дис... доктора фил. наук. – М., 1988. – 442 с.

88. *Крюков А.Н.* Теория перевода: Учеб. пособие. М.: Военный институт, 1989. – 176 с.

89. *Кубрякова Е.С.* Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время; материалы научн.конф. / под ред. Е.С. Кубряковой, О.А. Александровой. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 15 – 26.

90. *Кубрякова Е.С.* О когнитивных процессах, происходящих в ходе описания языка. // В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. – М.: Знак, 2012. – С. 63 – 78.

91. *Кубрякова Е.С.* Части речи в ономаσιологическом освещении. – М.: ЛКИ, 2012. – 120 с.
92. *Кузнецов В.Г.* Женевская лингвистическая школа. От Соссюра к функционализму. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 184 с.
93. *Кузнецова Г.А.* Формирование стратегической компетенции в процессе обучения чтению (немецкий язык в лицах и гимназиях): дис. ...канд. филол. наук. – М., 2004. – 243 с.
94. *Кузнец М., Скребнев Ю.* Стилистика английского языка. Пособие для студентов педагогических институтов. – М.: Учпедгиз, 1960. – 175 с.
95. *Ларина Т.В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – 315 с.
96. *Латышев Л.К.* Как готовить переводчиков? // Тетради переводчика. Вып. 24. – М.: МГЛУ, 1999. – 73 – 84 с.
97. *Латышев Л.К.* Технология перевода. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 278 с.
98. *Левина Е.В.* Формирование лингво-когнитивного экономического тезауруса обучаемых (на базе использования немецкоязычных художественных текстов): дис. ...канд. филол. наук. – М.: 2006. – 234 с.
99. *Лейчик В.М., Шелов С.Д.* Лингвистические проблемы терминологии и научно-технический перевод / Серия «Теория и практика научно-технического перевода»: Обзор информации. Вып. 18. Часть II. – М.: Всесоюзный центр переводов научно-технической информации и документации, 1990. – 80 с.
100. *Лейчик В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. – М.: ЛКИ, 2007. – 256 с.
101. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1999. – 287 с.
102. *Леонтьев А.А.* Слово в речевой деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. – М.: УРСС, 2003. – 248 с.
103. *Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. – М.: URSS, 2008. – 202 с.
104. *Логический анализ языка // Образ человека в культуре и языке / под ред. Н.Д. Арутюновой Н.Д., И.Б. Левонтиной.* – М.: Индрик, 1999. – 422 с.
105. *Лотте Д.С.* Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. – М.: Наука, 1970. – 152 с.
106. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 416 с.
107. *Майборода А.А.* О содержании понятия «язык для специальных целей» в свете теории языковой личности // Современное

- переводоведение: матер. XXXV междунар. филол. конф. – СПб: Филол. факультет СПбУ, 2006. – С. 38 – 45.
108. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта - Наука, 2007 г. – 296 с.
109. *Масловский Е.К.* Так дальше жить нельзя. О бездумных заимствованиях в научно-технических переводах // Мосты. – 2006. № 4 (12). – 28 – 34 с.
110. *Мельчук И.А.* Язык: от смысла к тексту. – М. Языки славянской культуры, 2012. – 174 с.
111. *Методика обучения иностранным языкам в средней школе:* Учебник / Гез. Н.И., Ляховицкий М.В., Миролубов А.А. и др. – М.: Высш. школа, 1982 г. – 373 с.
112. *Минский М.* Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.
113. *Мишкuroв Э.Н.* О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть I) // Серия 22 «Теория перевода». – М.: МГУ, 2013. - № 1. – С. 69 – 91.
114. *Мишкuroв Э.Н.* О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть II) // Вестник МГУ. Серия 22 «Теория перевода». – М.: МГУ: 2013. – № 2. – С.3 – 41.
115. *Мишкuroв Э.Н.* Заметки об актуальных задачах отечественной науки о языке и переводе в свете «лингво-герменевтического поворота» в современной философии и смежных гуманитарных науках // Материалы VIII междунар. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации, 27 июня 2014 г. – М.: Международные отношения, 2014. – С. 14 – 24.
116. *Москвин В.П.* Русская метафора. Очерк семиотической теории. – М.: URSS. – 182 с.
117. *Наер В.Л.* Цикл лекций по теоретическим основам интерпретации текста. – М.: МГЛУ, 2001. – 76 с.
118. *Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т.* Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней): Учеб. пособие. – М.: Флинта, 2006. – 416 с.
119. *Нечаев Н.Н.* Психолого-педагогические основы формирования профессионального сознания специалистов в сфере межкультурной коммуникации // Сб. «Лингвауни-98». 3-я междунар. конференция ЮНЕСКО, 3 – 7 июня 1998. – М.: МГЛУ, 2000. – С. 154 – 164.
120. *Николаева Т.М.* Функции частиц в высказывании. На материале славянских языков. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 164 с.
121. *Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка.* – Департамент современных языков. – Страсбург: Cambridge University Press. – М.: МГЛУ, 2003. – 256 с.

122. Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. – М.: Наука, 1970. – 599 с.
123. Олейник А.Ю. Противостояние двух исследовательских подходов теории перевода // Материалы VIII междунар. науч.конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации, 27 июня 2014 г. – М.: Международные отношения, 2014. – С. 135 – 143.
124. Орбодоева Л.М. Теоретические основы структуры и содержания учебника по практике межкультурного общения (языковой вуз, немецкий язык): дис. ... канд. пед. наук. – М.: 2003. – 206 с.
125. Островский О.Л. К вопросу о кореференции как одном из способов структурной организации текста // Лингвистические исследования. К 75-летию проф. Владимира Григоревича Гака. – Дубна: Феникс+, 2001. – С. 117 – 129.
126. Павленис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
127. Падучева Е.В. Актуальное членение и способы называния объектов в тексте // Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. – М.: МГПИИЯ им.М.Тореза, 1977. – Вып. 112. – С. 162 – 177.
128. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. – М.: Наука, 1985. – 272 с.
129. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
130. Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков / Пер. В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина. – СПб.: Алетейя, 2000. – 352 с.
131. Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: Эстетические и этические оценки. – М.: ИКАР, 1997. – 320 с.
132. Пищальникова В.А. Диалог культур как программа исследования когнитивных процессов в межкультурной коммуникации // Межкультурн. коммуникация и перевод. Материалы межвуз. науч. конф. – М.: МОСУ, Ин-т языкознания РАН, 2002. – С. 13 – 21.
133. Полубоярова М.В. Структурные уровни эквивалентности в специальном переводе (на материале англо-русского публицистического перевода): дис. канд. фил. наук. – М.: 2009. – 150 с.
134. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
135. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8 – 69.
136. Прунч, Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. – М.: Р.Валент, 2015. – 512 с.
137. Рейнгольд Н.И. Дополнительная квалификация «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» в системе непрерывного образования / Н. И. Рейнгольд // Профессионально-ориентированное

обучение иностранному языку и переводу в вузе : материалы Международной конференции, 23-26 мая 2006 г. / Рос. ун-т дружбы народов. - М.: РУДН, 2006. - С. 92-93.

138. *Рейнгольд Н., Заботкина В. и др.* Ключевые ориентиры для разработки и реализации образовательных программ в предметной области «Иностранные языки (перевод и переводоведение)». Бильбао: университет Деусто, 2013. – 65 с.

139. *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. – М.: Р.Валент, 2004. – 240 с.

140. *Робинсон Д.* Социальные связи // Мосты, 2005. – № 3 (7). – С. 55 – 66.

141. *Рябцева Н.К.* Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения: межъязыковой аспект: науч. доклад по опуб. трудам, представляемым к защите научной степени доктора филол. наук. – М., 1996. – 112 с.

142. *Рябцева Н.К.* Язык и естественный интеллект. – М.: Academia, 2005. – 640 с.

143. *Сдобников В.В.* Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода: автореф. дис. ...док-ра филол. наук. – М.: 2015. – 48 с.

144. *Семёнов А.Л.* Перевод: смысл и текст // Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – 2012. № 1 – С. 84-87.

145. *Семёнов А.Л.* Перевод: анализ и синтез // Вестник РУДН, серия «Лингвистика». – 2012 г. № 2 – С.7-14.

146. *Семёнов А.Л.* Проблема номинации и обозначения в языке и речи: сопоставительный аспект // Вестник РУДН, серия «Лингвистика». – 2012 г. № 4 – С.18-24.

147. *Семёнов А.Л.* Теория перевода. – М.: Академия, 2013. – 224с.

148. *Семёнов А.Л.* Язык и культура: диада и единство // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. Вып.№6 (33). – С.248-254.

149. *Семёнов А.Л.* Перевод: параллельные тексты и системы «память переводчика» // Вестник РУДН, серия «Лингвистика». – 2014г. №3. – С.128-139.

150. *Семёнов А.Л.* Перевод: фрейм – единица мысли и речи // Вестник РУДН, серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». – 2014г. №3. – С.79-86.

151. *Семёнов А.Л.* Перевод: проблема лингвоэтнического барьера // Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – 2014г. №3. – С.100-106.

152. *Семёнов А.Л.* Текст и текстовая деятельность в аспекте перевода // Вестник РУДН, серия «Вопросы образования: Языки и специальность». – 2015г. №1. – С.109-115.

153. Семёнов А.Л. Перевод: Стратегия параллельности и общности содержания вариантов // Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – 2015г. №1. – С.67-73.
154. Семёнов А.Л. Перевод: Стратегия параллельности и общности содержания вариантов. // Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – 2015г. №1. – С.67-73.
155. Семёнов А.Л. Перевод: структурирование текста // Вестник РУДН, серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». – 2016г. №2. – С.107-113.
156. Семёнов А.Л., Евтеев С.В. Социальная активность и языковое творчество // Тетради переводчика. – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. №28 – С.33-41.
157. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка. – М.: Астрель, 2003. – 221 с.
158. Сидоров Е.В. Социальная коммуникация. – М.: Изд-во РГСУ, 2011. – 200 с.
159. Сорокин Ю.А. Переводоведение. Статус переводчика и герменевтические процедуры. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 160 с.
160. Степанов Ю. Константы: словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.
161. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 262 с.
162. Убин И.И. Лексические средства выражения категории интенсивности (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. – М.: 1974. – 233 с.
163. Убоженко И.В. Переводческое творчество и интуиция // Мир перевода. – 2014. № 2 (32). – С. 34 – 41.
164. Убоженко И.В. Зарубежное переводоведение. Великобритания. – М.: Р.Валент, 2014. – 228 с.
165. Убоженко И.В. О когнитивном моделировании интуиции и творчества в переводе: интерпретативно-семиотический подход // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. № 4. – С. 122 – 141.
166. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Зарубежная лингвистика I. – М.: Прогресс, 1999. – С.58 – 92.
167. Уорф Б.Л. Наука и языкознание (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) // Зарубежная лингвистика I. – М.: Прогресс, 1999. – С. 92 – 106.
168. Урынсон Е.В. Дух и душа: к реконструкции архаичных представлений о человеке // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М.: Индрик, 1999. – С. 11 – 26.
169. Чейф У.Л. Значение и структура языка. – Благовещенск: БГК им. И.А.Бодуэна де Куртенэ, 1999. – 428 с.

170. *Черняховская Л.А.* Перевод и смысловая структура. – М.: Международные отношения, 1976. – 264 с.
171. *Черняховская Л.А.* Информационный инвариант смысла текста и вариативность его языкового выражения: дис. ... док.филол. наук. МГПИИЯ. – М., 1983. – 321 с.
172. *Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика. – М.: Воен. изд.-во Мин. обор. СССР, 1973. – 280 с.
173. *Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
174. *Швейцер А.Д.* Основные проблемы обучения переводу с русского языка на иностранный // Актуальные проблемы преподавания перевода и иностранных языков в лингвистическом вузе. – М.: МГЛУ, 1996. Вып. № 423 – С. 84 – 90.
175. *Швейцер А.Д.* Междисциплинарный статус теории перевода // Тетради переводчика. Вып. 24. – М.: МГЛУ, 1999. – С. 20 – 31.
176. *Ширяев А.Ф.* Синхронный перевод. – М.: Изд-во Мин.обор. СССР, 1979. – 184 с.
177. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики: (на материале русского языка). – М.: Наука, 1973. – 278 с.
178. *Щерба Л.В.* Восточно-лужицкое наречие. Т. 1. – Пг., 1915. XXIV. 194. – 54 с.
179. *Щерба Л.В.* Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским: Учебн. пособие для ин-тов и факульт.иностран.яз. – М.: Высшая школа, 1963. – 309 с.
180. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – М.: Филология три, СПб: Филол.факультет СПбУ, 2002. – 416 с.
181. *Фирсов О.А.* Перевод с английского языка на русский и его комментарий. – М., 2003. – 198 с.
182. *Хайруллин В.И.* Перевод и фреймы. – М.: URSS, 2009. – 142 с.
183. *Халеева И.И.* Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. – М.: Высшая школа, 1989. – 238 с.
184. *Хомский Н.* Аспекты теории синтаксиса. – Благовещенск: БКГ им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1999. – 256 с.
185. *Хомякова Н.П.* Контекстная модель формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза (французский язык): дисс. ... докт. пед. Наук. – М., 2011. – 408 с.
186. *Хухуни Г.Т.* «Прогресс в языке» и межъязыковая передача: известное и спорное // Материалы VIII междунар. науч.конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации, 27 июня 2014 г. – М.: Международные отношения, 2014. – С. 25 – 32.
187. *Цветкова Т.К.* Проблема сознания в контексте обучения иностранному языку // Вопросы психологии. – 2001. № 4. – 69- 82 с.

188. *Циркунова С.А.* Использование приема компенсации при передаче игры слов // Перевод: традиции и современные технологии. – М.: Всероссийский центр переводов, 2002. – С. 32 – 42.
189. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – 198 с.
190. *Translation Studies.* – London and New York: Routledge Taylor Francis Group, 2002. – 176 p.
191. *Beeby A.* Evaluating the Development of Translation Competence // *Developing Translation Competence.* Edited by Christina Schaffner and Beverly Adab. – Birmingham, Amsterdam/Philadelphia: Aston University, John Benjamins Publishing Company, 2000. – P. 185 – 199.
192. *Bell R.T.* Translation and Translating Theory and Practice. – London and New York: Longman, 1991. – 298 p.
193. *Campbell S.* Translation into the Second Language. – London and New York: Longman, 1998. – 208 p.
194. *Catford J.C.* A Linguistic Theory of Translation. – London: Oxford University Press, 1965. – 103 p.
195. *Cabre M.T.* Terminology. Theory, methods and applications. – Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1999. – 248 p.
196. *Chestermand A. and Wagner E.* Can Theory Help Translators? A Dialogue Between the Ivory Tower and the Worldface. – Manchester: St.Jerome Publishing, 2002. – 148 p.
197. *Chomsky N.* Language and mind. – New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1968. – 168 p.
198. *Contemporary Translation Theories.* Revised 2nd Edition. – Clevedon – Buffalo – Toronto – Sydney: Multilingual Matters Ltd., 2001. – 232 p.
199. *Critchley S., Hartley A. & Salkie R.* A Skills-led Approach to Translation Teaching // *Teaching Translation in Universities. Present and Future Perspectives.* Edited by P. Sewell and J. Higgins. – London: AFLS, 1996. – P.103 – 112.
200. *Cronin M.* Translation and Globalization. – London and New York: Routledge Taylor and Francis Group, 2003. – 198 p.
201. *Ek J.A.van.* Coping / The Language Teacher. – Dublin, 1988. - № 1/1. – 24 p.
202. *Fillmore Ch.* Types of Lexical Information. In: *Studies in Syntax und Semantics* // Ed. F.Kiefer. Dordrecht, 1969. – P. 109 – 137.
203. *Fox O.* The Use of Translation Diaries in a Process-Oriented Translation Teaching Methodology // *Teaching Translation in Universities. Present and Future Perspectives.* Edited by P. Sewell and J. Higgins. – London: AFLS, 1996. – P.115 – 131.
204. *Givon T.* Mind, code and context: Essays in Pragmatics. Hillsdale; New Jersey; L., 1989. – 456 p.

205. *Johnson A.* The training of translators // Technical Translator's Manual. Edited by J.B.Sykes. – London: Aslib, 1971. P. 22 – 29.
206. *Halliday M.A.K., Hasan R.* Cohesion in English. – L., 1976. – 392 p.
207. *Harris R.J., Monaco G.E.* Psychology of pragmatic implication: Information processing between the lines // Journal of Experimental Psychology: General, Vol 107 (1). – 1978. – P. 1 – 22.
208. *Hatim B.* Teaching and Researching Translation. – London, New York: Longman/Pearson Education, 2001. – 254 p.
209. *Hildyard A., Olson R.* Memory and inference in the comprehension of oral and written discourse//Discourse Processes, № 1, 1978. – P. 91 – 117.
210. *Kaplan R.* Cultural Thought Patterns in Inter-Cultural Education. Language Learning. – 1966. 16 (1-2). – P. 11-25.
211. *Kaplan R.* Contrastive Rhetoric // Handbook of Research in Second Language Teaching and Learning / edited by E. Hinkel. – New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates publishers, 2005. – P. 375 – 391.
212. *Klein-Braley Ch.* Teaching Translation, a Brief for the Future // Teaching Translation in Universities. Present and Future Perspectives/ edited by P. Sewell and J. Higgins. – London: AFLS, 1996. – P.14 – 30.
213. *Lakoff George, Johnson Mark.* Metaphors We Live By. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
214. *Lederer M.* Translation. The Interpretative Model. – Manchester: St.Jerome Publishing, 2003. – 239 p.
215. *McAlester G..* The Evaluation of Translation into a Foreign Language // Developing Translation Competence / edited by Ch. Schaffner and B. Adab. – Birmingham/Amsterdam/Philadelphia: Aston University/ John Benjamins Publishing Company, 2000. – P. 229 – 241.
216. *Mounin G.* Les problemes theorique de la traduction. – Paris: Gallimard, 1963. – 298 p.
217. *Neubert A. and Schreve G. M.* Translation as Text. – Kent, Ohio, and London, England: The Kent State University Press, 1992. – 170 p.
218. *Neubert A.* Competence in Language, and in Translation // Developing Translation Competence / edited by Ch. Schaffner and B. Adab. – Birmingham/Amsterdam/Philadelphia: Aston University, John Benjamins Publishing Company, 2000. P.3 – 18.
219. *Newmark P.* About Translation. – Clevedon/Philadelphia/Adelaide: Multilingual Matters, 1991. – 184 p.
220. *Newmark P.* A Textbook of Translation. – Centre for Translation and Language Studies, University of Surrey: Prentice Hall (International English Language Teaching), 1998. 292 p.
221. *Newmark P.* More Paragraphs on Translation. – Clevedon – Philadelphia – Toronto – Sydney – Johannesburg: Multilingual matters, 1998. – 226 p.

222. *Nida E. A. and Taber Ch. R.* The theory and Practice of Translation. – Leiden: E.J.Brill, 1974. – 218 p.
223. *Orozco M.* Building a Measuring Instrument for the Acquisition of Translation Competence in Trainee Translators // Teaching Translation in Universities. Present and Future Perspectives/ edited by P. Sewell and J. Higgins. – London: AFLS, 1996. – P. 199 – 200.
224. *Pitch H., Draskau J.* Terminology: an introduction. – Guildford: University of Surrey, 1985. – 265 p.
225. *Presas M.* Bilingual Competence and Translation Competence // In Teaching Translation in Universities. Present and Future Perspectives/ edited by P. Sewell and J. Higgins. – London: AFLS, 1996. – P. 19 – 33.
226. Professional Issues for Translators and Interpreters / edited by Deanna L.Hammond. Vol. VII. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1994. – 216 p.
227. *Pym A., Shlesinger M., Jettmarova Z.* Sociocultural Aspects of Translating and Interpreting. – Amsterdam: John Benjamins, 2006. – 255 p.
228. *Reinhold N.* (ed.) Perspectives : Studies in Translatology. Vol. 5: 1 (1997) : Russian Translation Studies: special issue / guest ed. Natalya Reinhold ; co-ed.: Cay Dollerup [et al.]. - Copenhagen : Museum Tusculanum Press: University of Copenhagen, 1998. –144 p.
229. *Reinhold N.* Mapping the Parameters of Translation as Part of the Educational Landscape in Russia / Natalya Reinhold // Translationskultur : ein innovatives und produktives Konzept / Larisa Schippel (Hg.). - Berlin : Frank & Timme, 2008. – S. 295-305.
230. *Reinhold N.* Translation and Mediation in Postmodern Mass Media Space: Problem Aspects / Natalya Reinhold // Culture-bound translation and language in the global era / ed. by A. Nikcevic-Batricevic and M. Knezevic. - Newcastle, UK : Cambridge Scholars, 2008. – P. 33-55.
231. *Reinhold N.* Recent Developments in Russian Universities: Foreign Language and Translation Teaching through the Lens of the On-Going International Cooperation // Foreign Language Teaching in Tertiary Education III: Current Trends. Conference Proceedings. Ed. by Themistokles Gogas and Periklis Tagkas. Athens, 2011. – P. 314 – 335.
232. *Reinhold N.* Going Criss-cross: after the Cross-cultural Perspective. Article // Going East: Discovering New and Alternative Traditions in Translation Studies. Ed. by Larisa Schippel and Cornelia Zwischenberger. Series "Transkulturalität - Translation - Transfer". Berlin: Frank & Timme, 2017. – P. 191 – 220.
233. Report: the Practice in Twenty-one Universities // Teaching Translation in Universities. Present and Future Perspectives/ edited by P. Sewell and J. Higgins. – London: AFLS, 1996. – P. 149 – 159.
234. *Riabtseva N.* Interferenz in der Translation. Herausgegeben von Heide Schmidt // Verlag Enzyklopadie. – Leipzig: 1989. S. 88 – 92.

235. *Sager J.C.* A Practical Course in Terminology Processing. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1990. – 254 p.
236. *Samuelsson-Brown G.* A practical Guide for Translators (Fourth Edition). – Clevedon – Buffalo – Toronto: Multilingual Matters, 1998. – 188 p.
237. *Savory Th.* The Art of Translation. – Jonathan Cape, 1957. – 159 p.
238. *Sechehay A.* Essai sur la structure logique de la phrase. – Paris: H. Champion, 1950. – 1950 p.
239. *Seleskovitch D. et Lederer M.* Pedagogie Raisonne de l'Interpretation. – Paris: Didier Erudition Opoce, 1989. – 282 p.
240. *Schaffner Christina* . Running Before Walking? Designing a Translation Programme at Undergraduate Level // Developing Translation Competence / edited by Ch. Schaffner and B. Adab. – Birmingham/Amsterdam/Philadelphia: Aston University, John Benjamins Publishing Company, 2000. – P. 143 – 155.
241. *Shuttleworth M. and Cowie M.* Dictionary of Translation Studies. – Manchester UK: St.Jerome Publishing, 1997. – 234 p.
242. *Snell-Hornby M.* The training of translators and interpreters: old prejudices, new trends and future needs // Разработка концепции модульного курса референт-переводчика в области гуманитарных и социально-экономических наук. Тезисы докладов. М.: 1998. 36 – 39 с.
243. *Snell-Hornby M.* Translation Studies. An integrated approach. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988/1995. – 172 p.
244. *Sykes J.B.* Technical Translator's Manual. – London: Aslib, 1971. – 173 p.
245. *Toury G.* Descriptive Translation Studies and Beyond. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1995. – 311 p.
246. *Ubozhenko Irina V.* Cognitive Political Discourse Analysis: Creative Translation Teaching Case. Basic Research Program. Working Papers. Series: Political Science WP BRP 41/PS/2016. – P. 1 – 18.
247. *Wadensjo Cecilia.* Interpreting as Interaction. – London and New York: Longman, 1998. – 312 p.
248. *Way C.* Structuring Specialised Translation Courses: A Hit and Miss Affair // Developing Translation Competence / edited by Ch. Schaffner and B. Adab. – Birmingham/Amsterdam/Philadelphia: Aston University, John Benjamins Publishing Company, 2000. 244. P. 131 – 135.
249. *Weissbort D., Eysteinsson A.* Translation – Theory and Practice. A historical Reader. – Oxford University Press, 2006. – 650 p.

Словари

250. *Бенсон М., Бенсон Э., Р. Илсон.* Комбинаторный словарь английского языка. – М.: Русский язык, 1990. – 286 с.

251. Большой энциклопедический словарь языкознания / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. – 685 с.
252. Новый большой англо-русский словарь в 3 т. / под ред. Э.М. Медниковой и Ю.Д. Апресяна. – М.: Русский язык, 1993. Т.1, 2. – 832 с., 828 с.;– М.: Русский язык, 1994. Т.3. – 826 с.
253. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю.Д. Апресяна – М.: Языки русской культуры, 1999. – 512 с.
254. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю.Д. Апресяна. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 488 с.
255. *Убин И.И.* Словарь усилительных словосочетаний русского и английского языков. – М.: Всероссийский центр переводов, 1995. – 568 с.
256. *Палажченко П.* Мой несистематический словарь. – М.: Р.Валент, 2002. – 304 с.
257. *Пахотин А.И.* Англо-русский, русско-английский словарь мнимых друзей переводчика. – М.: Издатель Карева А.К., 2003. – 128 с.
258. *Рябцева Н.К.* Новый словарь-справочник активного типа. Научная речь на английском языке. – М.: Флинта, 1999. – 600 с.

Приложение 1.

Описание структуры и содержания учебно- методического комплекса по специальному переводу с родного языка на иностранный

Нами разработана программа обучения специалиста в области экономики или юриспруденции, предусматривающая получение дополнительной квалификации по профессии «переводчик в сфере профессиональной коммуникации» и оформленная в виде учебно-методического комплекса (УМК) по специальному переводу. В ней учтены все особенности формирования переводческих компетенций профессиональной вторичной языковой личности с особым вниманием к двум важным факторам:

- 1) сформированности одной из составляющих экстралингвистической компетенции – знания предметной области специальности на родном языке;

- 2) несоответствиям в языковых картинах мира английского и русского языков.

В процессе обучения переводу у слушателей наибольшие трудности вызывают: аудирование – понимание текстов, создаваемых носителями языка, и перевод с родного языка на иностранный (устный и письменный его аспекты).

При переводе с иностранного языка, как правило, основные сложности связаны с пониманием и правильным осмыслением услышанного. Вместе с тем, понимание текста, переводимого с родного на иностранный язык, у специалистов, знакомых с экономической тематикой, трудностей не вызывает. Но в этом случае серьезную проблему представляет формулирование мыслей на иностранном языке. В вузах, предлагающих программы дополнительной квалификации «переводчик в сфере профессиональной коммуникации», переводу с родного языка на иностранный практически не учат по ряду причин: из-за острой нехватки учебного времени, из-за плохо сформированных грамматических навыков структурирования высказываний на иностранном языке, что также бывает вызвано недостаточным количеством учебных часов и отсутствием хорошо разработанных программ. Как отмечает Н.Н. Гавриленко, подобные дополнительные образовательные программы учат переводу с иностранного языка на родной, потому что компетенция в родном языке интернализуется в более высокой степени, чем в иностранном [Гавриленко, 2008: 30; Швейцер, 1998: 198].

Не вызывает сомнения тот факт, что переводу текстов профессионально ориентированной коммуникации легче научить специалистов, разбирающихся в конкретной предметной области, чем, например, лингвистов, если речь идет о переводе с иностранного языка на родной.

Разработанный нами УМК посвящен выработке устойчивых навыков перевода с родного (русского) языка на иностранный (английский) текстов общеэкономической тематики. Такое направление перевода было выбрано в связи с новыми тенденциями на рынке и вызванными ими методическими задачами.

В настоящее время методисты-преподаватели перевода стоят перед необходимостью создания программ, отвечающих современным требованиям преподавания с учетом потребностей целевой аудитории. Это так называемые интегрированные программы⁶, в рамках которых достигается взаимодействие нескольких специальностей, например, экономики, юриспруденции, культуры, иностранного языка и собственно перевода. Такие программы должны соответствовать определенным специальным запросам, в первую очередь необходимости интеграции языкового и специального компонентов в сфере профессиональной коммуникации и коммуникативно-деятельностным потребностям современного общества. Они также должны быть основаны на интегративных знаниях, предусматривающих «преодоление предметной разобщенности обучения, активизацию познавательной деятельности, формирование в сознании обучаемых системы взаимосвязанных знаний, развитие элементов творчества» [Гавриленко, 2008: 27].

Разработанный нами УМК является примером такой интегрированной программы, цель которой – формирование всех переводческих компетенций модели ППК профессиональной вторичной языковой личности. Как было сказано ранее, задача облегчается тем, что профессионал в своей области (специалист-экономист) обладает предметными знаниями в сфере экономики, значит, тезаурус на родном языке у него уже сформирован. Учитывая, что понятия в обоих языках

⁶ Под интегрированными программами обучения принято понимать «программы, базирующиеся на утверждении целостности и внутренней взаимосвязанности мира» (Левина, 2006, 8).

этой предметной области во многом совпадают, так как практически вся концептуальная система финансово-экономической сферы заимствована из английского языка (этот процесс А.Л. Семёнов назвал импортиацией [Семёнов, 2013: 56]), то осваивать необходимо только термины, обозначающие эти понятия на английском языке.

Если по этой программе учатся лингвисты-неспециалисты в области экономики, особое внимание следует уделять изучению специальной терминологии на обоих языках и формированию тезауруса данной предметной области. Тем не менее, в поле зрения преподавателя и обучающихся (слушателей) должны быть и специальные переводческие компетенции.

Итак, познакомимся поближе со структурой УМК. Напомним, что учебник является как бы «сценарием процесса обучения» [Коряковцева, 2003: 66].

Авторский УМК состоит из трех частей. Первая его часть содержит подборку публицистических текстов, характеризующих экономическую ситуацию в мире и оперирующих макроэкономическими и финансовыми терминами. Вторая часть дает ключи к первой части, т.е. переводы текстов на английский язык. В третьей части собраны упражнения, составленные автором для обучения приемам перевода, разрешающим контекстуальные несоответствия, связанные с межъязыковыми асимметриями.

Таблица 2

Структура учебно-методического комплекса по специальному переводу

Содержание составных частей комплекса	
1-ая часть	<ul style="list-style-type: none"> • Тексты по экономико-финансовым и экономико-правовым методам; • Словарь употребительных терминов;

	<ul style="list-style-type: none"> • Наиболее интересные практические примеры: <ul style="list-style-type: none"> - синонимические ряды, - сочетаемость, - трудности перевода семантического и лексико-грамматического уровней
2-ая часть	Переводы на английский язык текстов, представленных в первой части
3-я часть	<p>Упражнения на трудности перевода различных языковых уровней, связанные с межъязыковыми асимметриями:</p> <ul style="list-style-type: none"> - семантических, - лексико-грамматических, - стилистических, - прагматических

Ввиду того, что в первую часть УМК входят газетные тексты экономического содержания, считаем необходимым напомнить функциональные характеристики текстов такого стиля. Их знание способствует лучшему пониманию встречающихся в них переводческих трудностей и, соответственно, формированию ППК профессиональной вторичной языковой личности. Такие тексты совмещают типичные черты материалов специального экономического дискурса, близкого к научному дискурсу, и газетной публицистики, предусматривающей не только информирование читателя, но и эмоциональное воздействие на него: автор стремится вызвать у него эмоциональный отклик, прибегая к экспрессивным средствам языка. При переводе таких текстов, как уже упоминалось во второй главе, следует учитывать две функции, по классификации Р. Якобсона, – денотативную и экспрессивную.

Европейские исследователи возражают против использования газетных текстов в обучающем переводе, мотивируя это тем, что в реальной жизни заказы на такого рода переводы не встречаются (так же, как и на переводы художественных текстов, которыми занимаются либо любители для себя, либо профессионалы высочайшего класса) [Klein-Braley, 1996: 24].

Тем не менее работающие на российском рынке иностранные компании пользуются переводами газетных текстов экономического содержания для анализа экономических тенденций на рынке, что подтверждает наш собственный переводческий опыт. Кроме того, по нашему мнению, такие тексты полезно использовать именно для перевода в учебных целях, так как они содержат трудности, характерные как для информативных, так и для художественных/публицистических текстов.

В первой части УМК представлены варианты, отражающие все основные финансово-экономические и экономико-правовые темы:

Первый раздел – макроэкономика: 1-й урок – макроэкономика, 2-й – государственные финансы, 3-й – внешняя торговля, 4-й – бюджет, 5-й – налоги,

Второй раздел – финансовые рынки: 6, 7-й уроки – банки, 8-й – фондовый рынок, 9-й – акции, 10-й – облигации, 11-й – бухгалтерский учет,

Третий раздел – маркетинг и реклама: 12-й урок – маркетинг, 13-й – реклама,

Четвертый раздел – экономико-правовые аспекты: 14-й урок – организационно-правовые формы предприятия, 15-й – корпоративные структуры, слияния и поглощения, 16-й – банкротство предприятий, 17-й – финансовый надзор, 18-й – отмывание денег.

Как следует из данного перечисления, основным компонентом содержания первой части УМК являются тексты, которые отражают

«связную последовательность устных и письменных высказываний, порождаемых и понимаемых в процессе речевой деятельности, осуществляемой в конкретной сфере общения» [Гальскова, Гез, 2007: 129].

Специально были выбраны проблемы, обеспечивающие понимание экономического дискурса. Их тематика последовательно распределялась по урокам, отражающим базовые понятия экономического дискурса и ведущие темы краткого экономического курса введения в специальность. Их отбор основывался на методических принципах, охарактеризованных Н.В. Ивановой [Иванова, 2004: 144 – 146]:

1. Преодоление границ текста. Это требование вытекает из необходимости обеспечения понимания целей экономического дискурса. В обучающей программе более действенны не изолированные тексты, а корпус текстов, связанных общей тематикой. Начальный текст уроков первой части УМК объясняет тему урока, вводит базовые термины, которые затем могут быть использованы в других текстах этого и последующих уроков.
2. Аутентичность текстов⁷. Так как УМК предусматривает формирование навыков перевода с родного языка на иностранный, все тексты взяты из экономической прессы, информирующей профессионалов различных отраслей промышленности и бизнеса и обеспечивающей профессионально ориентированную коммуникацию между ними.

В дополнение к указанным требованиям, следует также руководствоваться и общими методическими принципами отбора обучающего материала: необходимостью и достаточностью содержания для реализации целей обучения учебному предмету; доступностью для усвоения содержания в целом и его частей [Гез, Ляховицкий, Миролюбов,

⁷ Если речь идет о переводе с иностранного языка на русский, это требование к выбору текстов становится основополагающим.

1982: 55]. Специфика материалов для обучения переводу в профессиональной коммуникации экономистов определяется предметной областью – экономикой, поэтому отбор текстов производится с учетом значимых тем экономического дискурса, что соответствует принципу необходимости и достаточности. Так как цель УМК – формирование ППК профессиональной вторичной языковой личности, то подборка текстов по определенной тематике способствует формированию экстралингвистической компетенции, куда входят знание собственно предметной области, знание культуры, энциклопедические знания о мире (концептуальный тезаурус) и коммуникативная компетенция (языковой тезаурус) модели ППК. Выбранные тексты насыщены терминами, составляющими понятийный аппарат предметной области специальности и передающими денотативную функцию классификации языковых функций Р.Якобсона, и лингвоспецифичными средствами, отражающими экспрессивную функцию языка.

Способы реализации обеих функций связаны с компонентами широкого прагматического контекста, по Т.Гивону (см. первую главу исследования), которые при переводе с русского на английский язык подвергаются значительной прагматической адаптации.

Доступность содержания обучения также предопределена его целью – переводом в сфере профессиональной коммуникации. Уровень трудностей текстов соответствует атмосфере реальной коммуникации и насущным переводческим задачам. Но сам процесс обучения с помощью УМК, например, темпы изучения уроков, объем информации, осваиваемой за один час учебного времени, зависит от степени подготовки обучающихся. Когда слушатели обладают достаточно развитой коммуникативной компетенцией, темпы формирования специальных переводческих компетенций модели ППК профессиональной вторичной языковой личности ускоряются. Если обнаруживается необходимость

одновременного развития специальных переводческих компетенций и коммуникативной компетенции, то темпы изучения материала, но не темпы обучения, снижаются.

Рассмотрим структуру уроков первой части УМК.

Каждый урок содержит наиболее употребительные термины, связанные с темой урока. Словарь составлен из терминов на английском языке и их перевода на русский. Он построен по алфавитному принципу, иногда термины даются гнездами. Словарь можно использовать как справочник. В качестве примера приведем фрагмент словаря из первого урока по теме «Макроэкономика»:

austerity – строгая, жесткая экономия,

budget – бюджет,

budgetary (fiscal) policy – бюджетно-налоговая (фискальная) политика,

currency / foreign exchange – валюта,

current account – текущий платежный баланс,

discount rate – учетная ставка,

exchange rate – валютный, обменный курс,

GDP (gross domestic product) – ВВП (валовой внутренний продукт).

Словарь к одному уроку содержит в среднем до 20 единиц.

После словаря следуют тексты. Первый текст кратко объясняет тему урока. В нем немало терминов, и в этом состоит его основная переводческая трудность. Обычно он представляет собой адаптированный отрывок из учебника по экономике. Например:

«Платежный баланс страны – это сводный баланс сделок, заключенных в течение данного года между физическими и юридическими лицами данной страны и других стран. - A country's balance of payments is a consolidated balance of transactions concluded in the course of a year among the private individuals, companies and government agencies of one country and those of another country».

Второй и третий тексты урока – это публицистические материалы, имеющие ярко выраженные жанрово-стилистические особенности экономико-публицистического дискурса. Они насыщены переводческими трудностями не только терминологического, но и стилистического характера. Приведем отрывок второго текста из 8-го урока:

Откройся торговля на следующий день после теракта, обвала котировок не удалось бы избежать, но теперь ситуация более спокойная – финансовые власти США основательно подготовились к возобновлению торговли. - If the first trading session had taken place the day after the terrorist attack, it would have been impossible to avoid a quotations collapse, but now things are calming down. The US financial authorities prepared well for the resumption of trade.

Третий текст этого же урока иногда представляет собой интервью, которое может быть использовано как для письменного, так и для устного перевода. Приведем пример отрывка из него:

- Ваш визит в Москву совпал с мини-кризисом в банковской системе, который выявил слабость этого сектора российской экономики. МФК старается укрепить российские банки, выдавая им кредиты, чтобы они могли кредитовать реальный сектор. У вас нет ощущения, что ваши усилия в этой области пропадают зря? - Your visit to Moscow coincided with a mini-banking crisis, which has revealed the weaknesses of the banking sector. The IFC is making efforts to strengthen Russian banks by extending loans to them, which can be lent to the real sector. Do you ever think all your efforts are in vain?

После каждого текста следуют варианты основных переводческих трудностей нетерминологического характера (translator's decisions), предназначенные для облегчения задачи перевода текстов (но уже без перевода на русский язык).

Все тексты первой части УМК сопровождаются синонимическими рядами или примерами сочетаемости наиболее частотных слов, выбранных эмпирическим путем. Как уже отмечалось, различия в языковых картинах мира приводят к асимметриям в лексико-семантическом составе текстов. Характерной чертой английского языка по сравнению с русским является обилие полисемантических единиц, которые употребляются в информативных и в художественных текстах. В последних переносные значения слов актуализируются гораздо чаще, чем в научных, где они в основном используются в своем прямом значении (Гальперин И.Р., 1974). В русском языке отсутствие полисемии такого уровня как в английском компенсируется рядами контекстуальных синонимов. Знакомство обучающихся с редкими значениями многозначных слов английского языка, с особенностями их сочетаемости и правильным употреблением синонимических рядов/контекстуальных синонимов способствует формированию переводческих компетенций, прежде всего повышению уровня владения коммуникативной компетенции, связанной с языковым тезаурусом.

Вторая часть УМК содержит ключи к текстам первой части, т.е. их переводы. Использование ключей, работа с параллельными текстами – все это способствует формированию навыков самостоятельной работы обучающихся, т.е. повышению их автономии. Это свойство имеет большое значения для становления ППК профессиональной вторичной языковой личности. Усиление автономии обучающегося, появление у него стремления к самообразованию и самостоятельной работе во многом зависят от эмоционально-оценочного компонента содержания обучения, от ценностной ориентации процесса обучения в структуре УМК, а также собственно метонимия от соблюдения обозначенных выше общих методических принципов отбора материала.

Третья часть УМК предусматривает становление технологической составляющей специальных компетенций переводчика, поэтому рассмотрим ее более подробно. Здесь представлены переводческие трудности, снабженные теоретическими комментариями и практическими примерами из текстов первой части комплекса, введенными в упражнения. При составлении упражнений за основу была положена схема языковых функций Р. Якобсона, подробно разработанная в приложении к упражнениям Е.В. Бреусом (1998).

Объяснения грамматических и лексико-семантических приемов адресованы обучающимся, имеющим первое высшее экономическое и юридическое образования, т.е. тем, кто владеет профессиональной терминологией и знанием предметной области. Но у них отмечаются пробелы в знаниях языка и они не знакомы с теорией и практикой перевода, так как ещё недостаточно сформирована коммуникативная компетенция и они не полностью овладели специальными переводческими компетенциями модели ППК. Опыт автора в преподавании перевода свидетельствует о том, что структурированные переводческие комментарии, проиллюстрированные практическими примерами, бывают интересны и лингвистам. В случае со специалистами-нелингвистами речь идет о параллельном формировании коммуникативной и специальной переводческих компетенций: Н.Н. Гавриленко называет это «доучиванием» специалиста [Гавриленко, 2008: 80]. Вспомним, что упражнение, направленное на «формирование какого-либо умения, по сути, представляет собой выполнение-освоение соответствующего действия. Овладение данным действием, что в свою очередь составляет содержание учебной задачи, обеспечивает формирование необходимого умения» [Коряковцева, 2003: 244].

Специфика обучения переводу заключается в том, что свойственные ему умения и навыки развиваются в процессе выполнения переводов

связных текстов. Это требует постоянного решения целого комплекса переводческих задач, в то время как для освоения отдельных, конкретных умений нужны специальные упражнения, так как освоить какую-либо специфическую переводческую трудность в рамках всего лишь одного текста невозможно, потому что вряд ли она будет встречаться там достаточно часто. Поэтому и возникает потребность в упражнениях, способствующих автоматизации использования конкретных приемов перевода.

По характеру выполняемых речевых действий В.Н. Комиссаров подразделяет упражнения на предпереводческие и собственно переводческие. «Предпереводческие упражнения имеют целью создать условия для успешного осуществления переводческого процесса, создать необходимую коммуникативную установку, проверить наличие у студентов языковых и фоновых знаний, показать им, как решают типовые задачи высококвалифицированные переводчики» [Комиссаров, 1997: 64]. К упражнениям данного типа относится сопоставление параллельных текстов с целью выявления в них контекстуальных несовпадений, вызывающих переводческие трудности, и ознакомления с приемами перевода, способствующими их преодолению в ПТ. При обучении переводу в условиях УМК можно постоянно прибегать к такого рода упражнениям, используя в качестве параллельного текста на иностранном языке ключи второй части.

Собственно переводческие упражнения подразделяются на:

- языковые, развивающие умение решать переводческие задачи, связанные с особенностями семантики единиц и структур ИЯ и ПЯ;
- коммуникативные, вырабатывающие умение успешно выполнять необходимые действия на разных этапах переводческого процесса;
- операционные, формирующие умение использовать различные способы и приемы перевода [там же: 65].

При выполнении языковых упражнений обучающийся работает с языковыми структурами и отдельными языковыми единицами на уровне грамматики, лексики и фразеологии, а также стилистики. В качестве языковых упражнений В.Н. Комиссаров предлагает использовать перевод отдельных изолированных языковых единиц, работать с прямыми и контекстуальными соответствиями, с ложными друзьями переводчика, интернационализмами, терминами и т.д.

Коммуникативные упражнения предназначены для овладения контекстуальным значением языковых единиц, интерпретацией смысла высказывания, приемами решения комплексных задач по переводу значительных отрезков текста, по выявлению различий между синонимами одного ряда и по составлению синонимических рядов, а также по описанию возможных сочетаний слова. В качестве особо важного типа коммуникативных упражнений В.Н. Комиссаров выделил работу с сочетаемостью и синонимическими рядами.

Наконец, третья группа упражнений – операционные. В них ставятся задачи использования при переводе указанного приема или самостоятельного выбора подходящего приема с его обоснованием.

В третьей части УМК содержатся операционные упражнения, формирующие технологическую составляющую специальных компетенций модели ППК профессиональной вторичной языковой личности. Они построены на языковом материале, отражающем различия в концептуальной и языковой картинах мира английского и русского языков на грамматическом, семантическом, стилистическом и прагматическом уровнях. Примеры взяты в основном из текстов первой части комплекса, что одновременно активизирует использование терминологии.

Как отмечают отечественные лингводидакты (Ю.Н. Караулов, И.И. Халеева), переработка информации в целях перевода производится на

уровне тезауруса личности, и именно упражнения демонстрируют межъязыковые асимметрии, вызванные несовпадениями в языковых картинах мира. Различия в лексической сочетаемости, в языковой образности и семантических признаках, отбираемых языками при описании ситуации, коренятся в несоответствиях в концептуализации действительности тем или иным лингвосоциумом. Такие межъязыковые асимметрии создают большие трудности в обучении переводу, и вместе с тем эта тема практически не разработана в учебных пособиях и обучающих программах.

Приложение 2.

Фрагменты авторского учебно-методического комплекса

Фрагмент первой части УМК

Урок 2

Государственные финансы. Государственный долг

Словарь наиболее употребительных терминов

credit rating – кредитный рейтинг

default – дефолт

government borrowing – займы, заемные средства

government/public debt – государственный долг

investment grade – рейтинг инвестиционного уровня

to raise/upgrade a sovereign rating to an investment grade – повысить суверенный рейтинг до инвестиционного

to service the government debt – обслуживать государственный долг

sovereign borrower – суверенный заемщик

public administration // corporate governance – государственное управление
// корпоративное управление

Текст 1

Государственные финансы и финансовая система

В любой стране финансовая система складывается из трех взаимосвязанных подсистем: государственных финансов, финансов предприятий и финансов населения.

Государственные финансы – это совокупность денежных средств, находящихся у государства в целях финансового обеспечения присущих ему функций (управление народным хозяйством, оборона, охрана законности и правопорядка, обеспечение социальных гарантий и т.д.). В них входят:

1. бюджеты разных уровней государственного управления,
2. внебюджетные фонды,
3. государственный кредит.

Бюджеты разных уровней (федеральный, региональные, местные) служат финансовой базой деятельности для соответствующего уровня власти и государственного управления.

Финансы предприятий представляют собой систему денежных фондов, обеспечивающих процесс производства и воспроизводства в рамках предприятия.

Финансы населения – это денежные фонды, формирующиеся у населения.

Государственные финансы образуются из финансов предприятий и населения с помощью специальных мобилизационных механизмов – налоговой системы, системы страховых и пенсионных отчислений,

таможенных платежей и др. Существует и обратная связь: ресурсы, сконцентрированные в государственных финансах, вновь направляются в народное хозяйство в виде различных вложений, дотаций предприятиям, а также населению в форме расходов социального характера.

Государственный долг – общий размер задолженности правительства владельцам государственных ценных бумаг. Может быть внутренним и внешним. *Внутренний государственный долг* – задолженность государства гражданам, фирмам и учреждениям данной страны, которые являются держателями ценных бумаг, выпущенных ее правительством. *Внешний государственный долг* – задолженность государства иностранным гражданам, фирмам и учреждениям. *Частный долг* – общий размер задолженности негосударственного сектора владельцам частных ценных бумаг.

Государственный и частный долг являются элементами кругооборота «доходы-расходы». По мере роста доходов растут и сбережения, которые должны быть использованы домашними хозяйствами, фирмами, правительством и остальным миром. Создание долга – это механизм, посредством которого сбережения передаются лицам, осуществляющим расходы.

Лексические трудности перевода

commercial/household finance(s), to comprise, law enforcement, three-tier budgets, non-budget funds, to reallocate resources as industrial subsidies and social allowances, to enable smb to do smth

Синонимы

состоять, входить во что-либо, включать, складываться из: to comprise smth, to consist of smth, to include smth

позволять, делать возможным что-либо: to enable smb to do smth, to make it possible for smb/smith

Текст 2

Часть 1

Можно инвестировать

Fitch признало Россию надежным заемщиком

Вчера международное рейтинговое агентство Fitch повысило суверенный рейтинг России на одну ступень до ВВВ-. Это означает, что оно признало нашу страну надежным заемщиком, который в состоянии аккуратно платить по внешним долгам. Агентство оценило «выдающиеся макроэкономические показатели, которым помогают высокие цены на нефть и разумная бюджетная политика». Россия существенно сократила внешний долг, увеличила валютные резервы и нарастила стабилизационный фонд, отмечает директор Fitch Sovereigns Group Эдвард Паркер. В агентстве ожидают, что профицит бюджета на уровне 3,5% ВВП, укрепление рубля и экономический рост приведут к снижению российского госдолга до 25% ВВП к концу 20XX г., т.е. долговая нагрузка на Россию окажется куда ниже, чем на другие страны из той же рейтинговой группы (в среднем – 40% ВВП).

Чуть больше года назад инвестиционный рейтинг присвоило России агентство Moody's. Все надеялись, что вскоре за ним последуют и два других авторитетных агентства – Standard & Poor's (S&P) и Fitch. А это позволило бы начать инвестировать в нашу страну наиболее

консервативным международным инвесторам – пенсионным фондам и страховым компаниям.

Наташа Пейдж, управляющий директор московского офиса Fitch, считает, что дальнейшее повышение рейтинга России зависит от структурных реформ.

«Хорошее дело», – оценивает решение Fitch зампред Центробанка Константин Корищенко. «Оно открывает ворота долгосрочным инвестициям, а не “горячим” деньгам, как было до сих пор», – добавляет президент инвестиционной группы «Тройка Диалог» Рубен Варданян: «Не удивлюсь, если российские бумаги окажутся в портфеле пенсионного фонда учителей штата Огайо. Россию ждут “серьезные” деньги, несколько десятков миллиардов долларов, способных в разы повысить капитализацию местных компаний».

Fitch открыло дорогу в Россию не только портфельным инвесторам, вырастет спрос на российские активы в целом.

«Ведомости»

Часть 2

Нашли друг друга

Россия ведет переговоры с участниками Парижского клуба кредиторов о досрочном погашении части своего государственного долга в размере 30 млрд. евро (84% всего долга Парижскому клубу) в течение 20XX – 20XX гг. Возможно, соглашение будет подписано еще до конца года и Россия начнет выплаты в начале 20XX г.

Момент для переговоров исключительно удачный для России – наши основные кредиторы могут быть как никогда сговорчивы. Дело в том, что Германия (на нее приходится 42,5% российского долга) и

Франция (7%) вот уже три года нарушают положения европейского Пакта о стабильности и росте.

Пакт о стабильности и росте устанавливает, что государства – члены еврозоны не должны допускать дефицит бюджета более 3% ВВП, а в случае нарушения им дается год на исправление положения. Иначе штраф в размере 0,5% ВВП. Но замедление роста и стагнация крупнейших экономик еврозоны – Германии и Франции – вызвали волну критики в адрес пакта. Основной упрек – он не дает стимулировать экономику методами бюджетно-налоговой политики. Но просто отменить пакт нельзя – власти ЕС сквозь пальцы смотрели на нарушения Германии и Франции, которые не платили «причитающиеся» им штрафы.

Но дурной пример заразителен – на грани нарушения пакта находятся еще четыре страны еврозоны, и давление на Германию и Францию усиливается.

В этих условиях досрочное погашение долга Россией будет очень кстати, что дает ей дополнительные выгоды. И главный плюс досрочной выплаты в том, что средства стабфонда не будут проедены сомнительными мегапроектами. Давление Госдумы, некоторых министров и губернаторов все усиливается, а у Минфина уже практически не осталось сил защищаться. Значит, стабфонд надо потратить – погасить долги.

«Ведомости»

Лексические трудности перевода

- 1) to upgrade Russia's sovereign rating to an investment grade, to pay debts according to the debt repayment schedule, to think highly of smth, to open the way, a legal assault/attack against
- 2) (the) timing, to account for, to be lenient, to violate, bad habits are catching, to mount (up)

Синонимы

1) **положительно оценивать, высоко ценить что-либо**: to think highly of smth, to appreciate, to (positively) assess, to take a favorable view of smth, to approve of, to esteem smth, to prize smth

2) **нарушать что-либо (законодательство)**: to violate/ break /breach smth (the law)/ a breach of (the) law, to infringe on/upon smth (the law, contract, copyright), to transgress smth (the law, a treaty, a rule)

Текст 3

Часть 1

Остров невезения

Кризис. Крохотное островное государство Науру пришло к финансовому краху. Виной тому – бездарность местных управленцев, исчерпание месторождения фосфатов и всемирная антиоффшорная кампания.

Положение, в котором оказался Науру, можно без преувеличения назвать катастрофическим. Он задолжал \$169 млн. GE Capital (инвестиционному подразделению General Electric), и островное руководство решительно не знает, где эти деньги взять. Почти смешная по меркам крупной компании сумма долга неподъемна для государства с населением 12,5 тыс. человек и годовым ВВП около \$30 млн.

Весь покрытый зеленью. Еще в 70-е годы мало кто мог предположить, что финансы острова окажутся в таком плачевном состоянии. Тогда Науру почти не знал себе равных по показателю доходов на душу населения благодаря месторождению фосфатов. Оно было

открыто еще в начале XX века и считалось тогда крупнейшим в мире. Зарабатывать на экспорте сырья колонизаторам (сначала англичанам, затем немцам и, наконец, австралийцам) показалось легко и приятно. К моменту обретения островом независимости в 1968 году значительная часть его территории уже была изуродована разработками. Однако местное руководство решило, что не стоит изобретать велосипед, и продолжило прежний «экономический курс».

Не идут дела. Мысль о том, что фосфаты рано или поздно кончатся, посетила наурийские головы еще до получения независимости. В 1958 году был создан траст, в который было решено передавать часть прибыли от экспорта фосфатов. Управляющим было наказано превращать эти деньги в инвестиции, доход от которых должен был обеспечить Науру средствами, когда месторождение будет исчерпано. К сожалению, управленцы не смогли похвастаться особыми талантами. Деньги шли на проекты, которые терпели крах или приносили слишком мало прибыли. Кроме того, финансовые потоки Nauru Phosphate Royalties Trust были и остаются крайне непрозрачными, поэтому никто (за исключением разве что правительства Науру) так и не знает нынешнего состояния находящихся в трасте активов.

Осознав, что «фосфатные» деньги утекают как вода сквозь пальцы, правители Науру решили, что самое время вспомнить проклятое прошлое и на этих воспоминаниях заработать. В 1989 году правительство Науру подало в Международный суд ООН иск против Австралии (своей последней метрополии) с требованием выплатить дополнительные роялти в качестве возмещения ущерба, нанесенного природе острова варварскими разработками фосфатов. После нескольких лет препирательств «зеленый континент» пошел с островитянами на мировую, согласившись выплатить \$73 млн. в течение 20 лет.

Финанс.Online

Часть 2

Голодная революция

Рецепты МВФ не сработали в Аргентине

Тысячи людей, устроивших в среду погромы супермаркетов в Буэнос-Айресе и окрестностях, выгнал на улицу голод. А некоторые из погибших пали от рук продавцов, вставших на защиту своей собственности с оружием в руках. Так закончилась попытка традиционного макроэкономиста Доминго Кавальо спасти Аргентину от краха.

Отказ Аргентины от фиксированного валютного курса сделает практически невозможным обслуживание государственного долга, составляющего \$155 млрд. (внешний долг - \$132 млрд., из которых \$95 млрд. приходится на облигации), и приведет к крупнейшему в истории дефолту суверенного заемщика.

Проблемы Аргентины, однако, накапливались в течение долгого времени, поэтому отставка архитектора реформ Кавальо не стала шоком и первоначальная реакция рынков оказалась сдержанной. «Это кризис не того масштаба, как в Мексике в 1994 г. или в России в 1998 г.», - говорит Йен Дуглас, глава отдела анализа рынков европейских гособлигаций в Лондонском отделении UBS Warburg.

Аргентинская история – еще один пример конфликта между правительством, упрямо пытающимся следовать экономическому курсу, навязанному МВФ и иностранными кредиторами, и народом, не желающим мириться с тяжелыми последствиями такого курса.

Кавальо до последнего продолжал следовать старым добрым рецептам МВФ. Урезав бюджет в 20XX г., на 20XX г. он предложил еще более жесткий план действий.

Помимо этого, аргентинцам запретили снимать со счетов больше \$250 в неделю, многим бюджетникам месяцами не платят зарплату, а банкам и пенсионным фондам предписывается выкупать все новые серии гособлигаций.

Экономисты полагают, что эти драконовские меры лишь отсрочивают неизбежное. Совокупный размер долга страны в пять раз больше годового объема экспорта.

Кавальо был приглашен на пост министра экономики в марте уходящего года как специалист по кризис-менеджменту. В начале 90-х, при прежнем правительстве, ему удалось вернуть страну к росту. Но экономические болезни, с которыми он столкнулся на этот раз, оказались более серьезными, чем в 1991 г. Кризис 1997 – 1998 гг. оказался слишком серьезным ударом для Аргентины. Стабильная валюта стала мешать экспорту, и ВВП перестал расти, а затем стал сокращаться. Одновременно Мексика и Бразилия, девальвируя после кризиса свои валюты, начали отвоевывать у Аргентины позиции на внешних рынках. Подоспел и общемировой спад, так что шансов на естественный выход из положения не осталось.

«Ведомости»

Лексические трудности перевода

1) (a) financial crash/collapse, to be second to none, in terms of, to be disfigured/ruined, to boast smth, to go bankrupt, to generate/make profits, to vanish into thin air/to go down the drain/to slip through the fingers, to revisit the past, to bring a legal action against smb, litigation, an out-of-court settlement

2) to loot, to abandon smth, to stick to smth, to look up/look down, to look good/look bad, to mull a program, to put off/to postpone, to impede smth, to take over smb's positions, to resort to drastic measures

Синонимы

1) **следовать чему-либо (курсу), исполнять что-либо (законы):** to stick to smth (a chosen course), to follow smth/to observe smth/to comply with smth/to abide by smth (the law, legal regulations, legal standards)

2) **отказаться от чего-либо (от планов, курса):** to abandon smth (the chosen course), to give up smth (plans)

отложить, отсрочивать что-либо: to postpone smth, to put off smth (the inevitable)

мешать, препятствовать чему-либо: to impede smth, to hamper smth, to hold back smth, to keep down smth, to block/ to encumber smth (foreign trade with heavy duties), to obstruct smth

Словообразование и сочетаемость

помеха, препятствие: (an) impediments (to a progress), a hindrance (to be more of a hindrance than a help), a block (a mental block), an obstruction (to progress, policy of obstruction, traffic obstruction), encumbrance; **устранять препятствия:** to remove impediments, obstacles

Фрагмент второй части УМК - ключи

Lesson 2

Government Finance. Government Debt

Text 1

Government Finance and the Financial System

The financial system of any country consists of three interrelated sub-systems: government, commercial and household finances.

Government finances comprise monetary funds at the government's disposal enabling the government to fulfill its functions: administering the national economy, defense, law enforcement, social security etc.

They include:

- 1) three-tier budgets,
- 2) non-budget funds,
- 3) government borrowing.

Three-tier budgets (federal, regional, municipal) serve as a financial basis for the respective branches of authority and public administration.

Commercial finances facilitate production and reproduction within a company. Household finances are monetary resources accumulated by the population.

Government finances are collected from companies and households through special mechanisms: taxation, insurance and pension schemes, customs payments etc. There is also a reverse process: resources accumulated by the government are reallocated into the national economy as industrial subsidies and social allowances.

Government debt is the state's overall indebtedness to government securities holders. It can be domestic and foreign. Domestic government debt is the state's indebtedness to the country's citizens, companies and organizations that hold securities issued by its government. Foreign/external government debt is the government's indebtedness to foreign citizens, companies and organizations. Private debt is the overall indebtedness of the private sector to private securities holders.

Government and private debt are components of the income-expenditure turnover. Income growth propels a rise in savings, which are used by households, companies, the government and other world players. Debt is a tool enabling savings to be transferred to individuals and legal entities in need of financial resources.

Text 2

Part 1

Investments Are Permitted.

Fitch Upgrades Russia to an Investment Rating

Yesterday *Fitch*, the international rating agency, upgraded Russia's sovereign rating to an investment grade: to BBB-. This means that it has recognized the country as a reliable borrower, who is capable of repaying its foreign debt according to debt repayment schedules. The agency thought highly of the "outstanding macroeconomic figures, which are supported by high oil prices and sound fiscal policy". Russia has considerably reduced its foreign debt, increased its currency and stabilization fund reserves, says

Edward Parker, Director of *Fitch Sovereigns Group*. The agency forecasts that a budget surplus of 3.5% of the GDP, a stronger ruble and economic growth will

reduce Russian federal debt to 25% of the GDP by the end of 20XX. In other words, Russia's debt burden will be much lower than in other countries of the same group rating (where the figures average about 40% of GDP).

A little more than a year ago the *Moody's* agency upgraded Russia to an investment rating. At that time everybody hoped that two other reputable agencies, *Standard & Poor's (S&P)* and *Fitch*, would follow *Moody's* example. This would have opened the way for the most conservative international investors: pension funds and insurance companies. Natasha Page, managing director of the *Fitch* Moscow office, thinks that a further upgrading of Russia's rating depends on restructuring.

"It is good news," agrees Konstantin Korischenko, CB deputy chairman, assessing the *Fitch* decision. It will open the way to long-term investments, rather than "hot" money, as has been the case until recently, adds Ruben Vardanyan, president of the *Troika Dialog* investment group. "I wouldn't be surprised if I learn that Russian securities have been bought for the portfolio of the Ohio teachers' pension fund. Russia looks set to attract significant investment, tens of billions of dollars, which will be able to substantially raise the capitalization of local companies."

Fitch has opened Russia's doors to portfolio investors. Moreover, its decision will increase demand for Russian assets as a whole.

Part 2

Mutually Beneficial

Russia is in the process of negotiating with the Paris club of creditors about the early repayment of part of its government debt amounting to 30 billion euros

(84% of the total Paris club debt) from 20XX to 20XX. The agreement is likely to be signed before the end of the year and Russia will start the repayments in early 20XX.

The timing of the negotiations is rather convenient: our key creditors are in a position where they can be easily persuaded. This is down to the fact that Germany (accounting for 42.5% of the Russian debt) and France (7%) have been violating the provisions of the European Pact of stability and growth for more than three years.

Under the pact, member countries of the European zone are not allowed to have a budget deficit of more than 3% of GDP. If that figure is exceeded, countries are given a year to improve the situation or they have to pay a penalty of 0.5% of their GDP. But sluggish economic performances by Europe's largest economies – Germany and France – have resulted in sharp criticism of the pact. The pact has been reproached for blocking economic stimulation through a fiscal policy. But the authorities cannot annul the pact and they have been lenient towards German and French violations, with neither country having paid the fines.

But bad habits are catching, with four more European countries on the verge of breaching the pact, and the pressure on Germany and France is mounting.

In these conditions an early debt repayment by Russia will be very welcome, as well as being advantageous for Russia. The main advantage is that the country's stabilization fund reserves will not be eaten up by dubious projects, which lawmakers, ministers and governors had been pressuring the Finance Ministry to carry out. Instead, the stabilization fund will now be spent on early debt repayment instead.

Text 3

Part 1

The Island of Bad Luck

Crisis. The tiny island state of Nauru has suffered financial collapse. The blame lies with incompetent local administrators, a depleted phosphate deposit and a global anti-offshore campaign.

Nauru's current economic state of affairs is truly catastrophic. The island owes \$169 million to GE Capital (GE's investment arm), and its government has no idea where to get the money from. The amount of debt is insignificant for a large corporation, but it is a huge sum for a country with a population of 12,500 people and an annual GDP of about \$30 million.

An ever-green island. Back in the 1970s few could have predicted such a financial crash on the island. Back then Nauru was really second to none in terms of per capita incomes thanks to its phosphate deposit. It was discovered early in the 20th century, and it was considered one of the largest at that time. Colonialists from Great Britain, Germany and later from Australia found it very easy to make money exporting the commodity. When the island became independent in 1968, most of its territory had already been disfigured by the mines. But the local government decided that it was not worth looking for alternatives and stuck to the same economic course.

Things are looking bad. Even under colonial rule Nauru's rulers were aware that the phosphate mines would be exhausted sooner or later. In 1958 they

established a trust for a transfer of a portion of the export earnings. The trust managers were instructed to make investments that would help Nauru to stay afloat when the phosphate mines were exhausted. Unfortunately, the managers could not boast a high level of competence or professionalism. The money was wasted on projects that went bankrupt or couldn't generate sufficient profits. Moreover, there was a distinct lack of transparency surrounding the financial flows of the *Nauru Phosphate Royalties Trust* and nobody except Nauru's government itself can say for sure what the trust's current assets are.

Having realized that the phosphate money has vanished into thin air, the Nauru government has decided it is high time to revisit the past to make money. In 1989, it brought a legal action in the UN International Court against Australia, demanding extra royalties to set off the damage done to the island's environment by barbarous mining. Several years of litigation resulted in an out-of-court settlement: Australia consented to pay the island \$73 million over a period of 20 years.

Part 2

Revolution of Hunger

IMF Recipes Have Failed in Argentina

Thousands of people who looted supermarkets in Buenos Aires and its suburbs on Wednesday were driven on to the streets by hunger. Some of the looters were shot dead by armed shop owners defending their property.

It was the end of an attempt by traditional macroeconomist Domingo Cavallo to save Argentina from economic collapse.

Argentina's abandonment of the fixed foreign exchange rate will make it virtually impossible to service the country's national debt, which amounts to \$155 billion (its foreign debt totals \$132 billion, \$95 billion of it in bonds), and will lead to the largest ever default of a sovereign borrower.

Argentina's problems had been growing for some time, which is why the dismissal of the reform architect Cavallo did not come as a shock, with the initial market response being one of caution. "This crisis is not as severe as those that hit Mexico in 1994 or Russia in 1998," says Yen Douglas, head of the European Government Bonds Market Analysis Department at London-based UBS Warburg.

The Argentina case is yet another example of the conflict between the government sticking to an economic course imposed by the IMF and foreign creditors, and the people unwilling to put up with the severe impact of such a course.

Cavallo stuck to the good old IMF procedures till the very last. He cut the 20XX budget, while in 20XX he mulled a more austere economic program. In addition to this, Argentineans were not allowed to withdraw more than \$250 from their accounts per week, many public sector employees had not been paid for months, and banks and pension funds were forced to buy a whole new series of government bonds.

Economists believe that such draconian measures are only putting off the inevitable. The country's total debt is five times more than its annual exports.

Cavallo was appointed to the post of economic minister in March last year as a crisis manager. In the early 1990s, under the former government, he managed to

propel the country towards growth. But the economic ailments he has been faced with this time are much more serious than they were in 1991. The global crisis of 1997-1998 hit Argentina hard. A stable currency started impeding export growth, while the GDP stagnated and then started shrinking. Having devalued their currencies after that crisis, Mexico and Brazil simultaneously started taking over Argentina's position on the foreign markets.

Moreover, the country was hit by a global recession, so there was really very little chance of an economic recovery without resorting to drastic measures.

Фрагмент третьей части УМК

ГРАММАТИКА И ПЕРЕВОД

Отличительные особенности синтаксиса английского и русского языков. Тема-рематическое членение предложения

Современное языкознание различает три уровня анализа предложения:

- семантический⁸, на котором выделяются семантические субъект (т.е. деятель) и предикат;
- синтаксический, на котором изучаются члены предложения: подлежащее, сказуемое, дополнение и т.п.;
- коммуникативный (логико-грамматический), на котором вычленяют тему и рему⁹.

Человеческая мысль следует от известного к неизвестному, что является универсальным свойством языка. Поэтому при нейтральном (неэкспрессивном) порядке слов те члены предложения, которые стоят в его начале, являются темой, а стоящие в конце – ремой. **Темой** называется «смысловой отрезок, выражающий “старую” информацию и имеющий минимальную коммуникативную нагрузку»¹⁰. Рема – это отрезок с максимальной коммуникативной нагрузкой, вносящий новую информацию. «Высказывание рассматривается как гамма оттенков в степени коммуникативной нагрузки: от минимальной в теме к максимальной в реме¹¹». Четкой границы между темой и ремой нет.

⁸ Семантика – наука о смыслах.

⁹ Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 432.

¹⁰ Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. – М.: УРАО, 1998. – С. 21.

¹¹ Там же. – С.22.

Глагол может быть и тематическим (т.е. относиться к теме), и рематическим. В последнем случае к реме относится глагол и следующие за ним различные второстепенные члены предложения (дополнения и обстоятельства).

По мнению Л.А. Черняховской, тематическими глаголами могут быть:

а) глаголы, выражающие статическое положение в пространстве, наличие, существование – такие как *быть, иметься, находиться, лежать, сидеть, стоять*;

б) глаголы, у которых к значению «существования» добавляется еще какой-либо смысловой оттенок (семантический множитель или компонент смысла), несколько конкретизирующий, сужающий их смысловой объем. Например, глаголы *бежать* (существовать + быстро передвигаться), *спать* (существовать + находиться в состоянии сна)¹².

Глаголы широкой семантики или десемантизированные глаголы типа *существовать, действовать, наблюдаться, произойти, осуществлять* и т.д., встречающиеся в газетных текстах экономического содержания, в основном относятся к теме высказывания.

Грамматические приемы при переводе монорем/дирем

В лингвистическом исследовании, проведенном Л.А.Черняховской, было выявлено, что 93,9% от всего объема проанализированных высказываний (предложений) русского языка строятся в прогрессивной последовательности, т.е. с ремой в конце предложения. Соответственно, высказывания с регрессивной последовательностью – с ремой в начале предложения – составляют 6,1%¹³. Высказывания с ремой, расположенной ближе к концу предложения, являются нейтральными, неэкспрессивными. Если рема вводится в начале предложения, она интонационно выделяется,

¹² Черняховская Л.А. Перевод и смысловая структура. – М.:Международные отношения, 1976. – С. 72-23

¹³ Там же. – С. 49.

и такие высказывания в русском языке приобретают экспрессивную окрашенность.

В данном разделе мы рассмотрим перевод высказываний с нейтральным порядком слов, т.е. с ремой в конце предложения.

Как известно, в русском языке порядок слов свободный. Подлежащее может стоять перед сказуемым и после него. В английском языке порядок слов прямой, и подлежащее всегда стоит в начале предложения перед сказуемым (кроме случаев эмпазы, рассматриваемых ниже, в разделе «Стилистика и перевод» настоящего пособия).

В тех случаях, когда в русскоязычном высказывании порядок слов прямой, т.е. подлежащее находится перед сказуемым, при переводе не нужно применять никаких грамматических трансформаций: и в русском, и в английском языках предложения/высказывания начинаются с подлежащего. Существенных изменений в их грамматической структуре при переводе не происходит. Тематическая смысловая группа сохраняет синтаксическое оформление подлежащего.

Например:

Сбережения населения достигают 23-24% доходов семейных бюджетов, что вчетверо превышает показатели советского периода.

Individual savings amount to 22 to 24 percent of household incomes, which are four times higher than the Soviet period figures.

Если же в предложении порядок слов обратный, т.е. подлежащее располагается ближе к концу предложения, **после сказуемого**, то при его переводе на английский язык возможны два алгоритма действия:

- 1) изменение порядка слов, т.е. постановка подлежащего в начало предложения;
- 2) использование грамматических приемов, с помощью которых второстепенные члены предложения, стоящие в начале

предложения (перед сказуемым), в английском языке становятся подлежащим.

Прежде чем выбрать алгоритм действия, нужно понять, к какому типу высказывания относится данное предложение: к диреме или монореме.

Первым в лингвистику термины «монорема» и «дирема» ввел А. Сешейе (Sechehaye A., 1926)¹⁴. Их заимствовал Ш.Балли¹⁵. Под моноремой он понимал одночленное высказывание («моно» - один), под диремой – двучленное («ди» - два). В дальнейшем эти термины стали употребляться для обозначения двучленных предложений, характеризуя их с точки зрения коммуникативной нагрузки темы.

Монорема – это высказывание, содержащее только новую информацию и находящееся *в начале абзаца* (и иногда и в его середине). Новизна информации носит условный характер, читатель может быть хорошо знаком с общей тематикой текста, соответственно, и с темами монорем. Л.А. Черняховская дает такое определение моноремы: «Моноремами мы называем такие высказывания, которые представляют собой грамматически полные предложения (независимо от того, являются они грамматически двучленными или одночленными), в которых тематический элемент выражен эксплицитно, но тоже содержит «новое», то есть указывает новый для получателя объект сообщения (новую тему)»¹⁶.

Дирема – высказывание, в котором тема не содержит новой информации. Такие высказывания развивают идею моноремы: они следуют за предложением, стоящим в начале абзаца.

¹⁴ Sechehaye A. Essai sur la structure logique de a phrase. – Paris: Champion, 1926.

¹⁵ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во лит. на иностр.яз., 1955. – С.55.

¹⁶ Черняховская Л.А. Перевод и смысловая структура. – М.: Международные отношения, 1976. – С. 23.

Перевод монорем – прием перестановки (изменение порядка слов):

При переводе монорем с обратным порядком слов обычно используется первый способ перевода – *изменение порядка слов*: подлежащее, стоящее после сказуемого, переносится в начало предложения.

Например:

1. (Все надеялись), что вскоре за ним последуют и *два других авторитетных агентства – Standard & Poor's (S&P's) и Fitch.* – (At that time everybody hoped that) *two other reputable agencies, Standard & Poor's (S&P's) and Fitch,* would follow *Moody's* example.
2. Надеюсь, что этими технологиями еще будет *пользоваться наша страна.* – I hope that *Russia makes use*¹⁷ of this technology in future.

При переводе монорем используются грамматические средства, способствующие смысловому выделению подлежащего и сигнализирующие о том, что данная информация также является новой.

Грамматические средства, применяемые при переводе монорем - способы рематизации (выделения) подлежащего:

1. Использование в группе подлежащего неопределенного (нулевого) артикля. Например: *Важнейшим кредитно-финансовым учреждением является банк.* – A **bank** is the most important credit and financial institution.
2. Искусственное удлинение группы подлежащего: а) добавление тематической информации, взятой из контекста; б) расширение группы подлежащего путем синтаксических перестроек внутри

¹⁷ В примерах курсивом выделяются описываемые приемы перевода.

рематической смысловой группы¹⁸. Например: *Хорошим примером современного уровня развития налоговой экономической мысли может служить книга под редакцией Майкла Девере, изданная информационно-издательским домом «Филинь».* – *A book edited by Michael Devere and published by the information and publishing house Filin may serve as a good example of the development of state-of-the-art fiscal and economic ideas.*

Нужно иметь в виду, что в упражнениях на перевод представлены вырванные из контекста предложения. Более широкий контекст приводится в редких случаях, в частности, в предложениях, иллюстрирующих прием перевода *ввод подлежащего из контекста*. Вообще при переводе нужно учитывать смысловые связи между высказываниями – предложениями, так как именно от них зависит коммуникативная структура отдельного высказывания.

Упражнение 1. Перевод монорем

Задание: Проанализируйте, какой прием перевода используется переводчиком при переводе монорем.

1. От имени государства эмитентом обычно *выступает Министерство финансов.* – *The Ministry of Finance acts as an issuer on behalf of the state.*
2. В качестве агента последнего часто *выступает Центральный Банк,* который может уполномочивать инвестиционные институты или банки выступить официальными дилерами или маркет-мейкерами того или иного выпуска государственных ценных бумаг. – *The Central Bank performs the functions of an*

¹⁸ Черняховская Л.А. Перевод и смысловая структура. – М.: Международные отношения, 1976. – С. 173-176.

agent, authorizing investment institutions or banks to act as official dealers or market makers of government securities issues.

3. Не менее настораживающими *выглядят планы* Минфина в отношении повышения эффективности налоговых проверок. – *Finance Ministry plans regarding the increased efficiency of tax inspections are no less alarming.*
4. Главным активным игроком на рынке слияний и поглощений в России в 2003 году *стало государство.* – *In 2003 the government became a major player on the M&A market.*
5. (Они стали новыми в том смысле, что раньше к их использованию никто не прибегал. – They were considered novel because they had never been used before.) Продолжение абзаца. *Большую популярность приобрели те технологии,* которые позволяют вернуть агрессору все вложенные в проект деньги. – *Those techniques that make it possible for an asset stripper to retrieve money invested in a project have become quite popular.*¹⁹
6. Для отмывания денег *могут использоваться* как местные, так и иностранные *юридические и физические лица.* – *Both local and foreign legal and physical entities can be used for money laundering.*
7. В принятии инвестиционных решений *ключевую роль играет прогноз производственных издержек.* – *A production cost forecast is the key factor in taking investment decisions.*
8. На первичном рынке *происходит эмиссия ценных бумаг,* то есть выпуск их в обращение. На вторичном рынке идет их перепродажа. – *Securities are issued on the primary and traded on the secondary market.*

¹⁹ Пример моноремы в середине абзаца.

9. Во-вторых, *провести налогово-бюджетную реформу* путем снижения налогов на труд, на производство и освобождения от налогов прибыли, идущей на инвестиции... - *Second, the tax and budget reform must be carried out by lowering taxes on labor and production, and by tax exemptions for profits going to investment...*

Иногда моноремы переводятся при помощи грамматических трансформаций, о которых речь пойдет ниже, при этом порядок слов в высказывании изменяется: *Подобные колебания наблюдались и вчера. – Yesterday saw similar fluctuations.* (Обратите внимание, в высказывании русского языка порядок слов прямой). По данным лингвистического исследования Л.А. Черняховской, англоязычный редактор был более привержен сохранению модели перевода по типу моноремы, если высказывание являлось моноремой, или диремы (если оно являлось диремой), чем переводчик. Если переводчик переводил по собственному усмотрению дирему моноремой, т.е. изменял порядок слов, или монорему диремой, сохраняя порядок слов и применяя приемы перевода, о которых речь пойдет ниже, то редактор в такой перевод вносил соответствующие правки²⁰.

Перевод дирем. Грамматические приемы при переводе дирем:²¹

При использовании данных приемов в связи с заменой грамматической формы подлежащего часто меняется семантика глагола-сказуемого, так как перевод глагола при помощи регулярного

²⁰ Черняховская Л.А. Перевод и смысловая структура. – М.: Международные отношения, 1976. - С. 184.

²¹ При рассмотрении грамматических трансформаций семантические трансформации остаются вне пределов нашего внимания, хотя они очень важны и часто при переводе употребляются одновременно с грамматическими. Но в учебных целях они будут рассматриваться в следующем разделе.

соответствия²² не является возможным из-за различий в нормах сочетаемости в английском и русском языках, которые восходят к несовпадениям в языковой и концептуальной картинах мира.

Замена членов предложения при переводе высказываний с темой, выраженной второстепенным членом предложения:

Во всех представленных в данном разделе примерах иллюстрируется прием перевода, при котором тема, выраженная второстепенным членом предложения, в английском переводе трансформируется в подлежащее.

- **Тема, выраженная обстоятельством времени.** Сказуемое часто выражается десемантизированными глаголами *to see, to signal, to witness*. Например:

В 2000 году произошел существенный рост объемов инвестиций населения в ценные бумаги, в первую очередь в акции. – 2000 witnessed a skyrocketing of individual investments in securities, first of all in stocks.

Упражнение 2. Перевод дирем с темой, выраженной обстоятельством времени.

Задание: Проанализируйте, какой прием был использован при переводе данных примеров с темой, выраженной обстоятельством времени.

1. *В прошедшем году был достигнут определенный прогресс в налоговой реформе. – The last/past year witnessed some progress in the tax reform.*

²² Регулярное соответствие – это такая единица языка перевода, которая регулярно используется для перевода данной единицы языка оригинала. (Фирсов О.А. Перевод с английского языка на русский и его комментарий. - М.: Цат-Полиграф, 2003. – С. 5).

2. Рост ВВП превысил 7%, кроме того, *в прошедшем году произошёл* долгожданный рост инвестиций (более чем на 17% по сравнению с 1999 годом). – The GDP growth exceeded 7 per cent. Moreover, *the past year saw* a long-awaited growth of investments (more than by 17 percent compared with 1999).
3. *В этом месяце обанкротился* один из крупнейших гонконгских банков – «Перегрин инвестментс холдинг». – *This month has seen* the bankruptcy of *Peregrin Investments Holding*, one of the largest banks in Hong Kong.
4. *В 2003 году наблюдалось* меньше крупных скандалов, но больше переплетенных процессов в рамках одной корпоративной войны. – *2003 saw* fewer major scandals, but there were more interlocking processes within the framework of the overarching corporate war.
5. *В минувшем году наблюдалось* увеличение количества недружественных поглощений, целью которых являлся не столько сам бизнес компании, сколько определенный актив (набор объектов) – земля, офисные здания и т.д. – *Last year also saw* an increase in hostile takeovers targeted at the seizure of specific assets such as land, office premises, etc., rather than a business itself.
6. *В последние годы широкое распространение получили* схемы с вовлечением оффшорных финансовых компаний, сети Интернет, кредитных карт, небанковских («альтернативных») систем перевода денежных средств и международной торговли товарами и услугами. – *Recent years have seen* a dramatic increase in the illegal use of offshore accounts, the Internet, credit cards, alternative (non-banking) money transfers, and international trade.

Примеры других глаголов-связок:

7. *На втором этапе стали решать экономическую задачу – отнимать собственность. The second stage focused on the economic tasks of property seizure.*
8. *В 2000 году перед российским руководством открылось, как и в начале девяностых годов, окно возможностей для реализации необходимых непопулярных политических и социальных решений. – 2000 brought new opportunities for the Russian government (as in the early 1990-s) to pursue unpopular (though vital) political and social programs.*

- **Тема, выраженная обстоятельством места.**

Список глаголов, используемых при переводе данных высказываний, более широк, чем в предыдущем случае. Часто используются глаголы широкой семантики, такие как *to include, to account for, to have, оборот there is/there are* и др. При переводе глаголов-сказуемых нужно передавать компоненты смысла глагола русского языка и следовать правилам семантической и лексической сочетаемости английского языка. Например:

1. *В них входят: бюджеты разных уровней государственного управления; внебюджетные фонды; государственные кредиты. – They include: three-tier budgets, non-budget funds, government borrowings.*
2. Хрестоматийный пример с глаголом *to see*: *London saw a cold winter. – В Лондоне была холодная зима.*

Упражнение 3. Перевод дикт. с темой, выраженной обстоятельством места. Сохранение семантики глагола

Задание: Проанализируйте, какой прием был использован при переводе данных примеров с темой, выраженной обстоятельством времени.

1. *А в Японии думают, что третья рецессия за десятилетие – временные неприятности...* - *Japan believes that its third recession in a decade is just a temporary inconvenience...*
2. *В платежном балансе фиксируются все торговые и финансовые операции между данной страной и остальным миром. – The balance of payments reflects all the international trade and financial transactions of the country.*
3. *В графе «Кредит» показываются все суммы, которые страна получила за год от экспорта, а также инвестиции за рубежом...* - *The “credit” column shows all the annual export receipts and returns on foreign investments.*
4. *...в графе «Дебет» отражаются суммы, которые страна заплатила за товары и услуги, и взяла в долг. - ... the “debit” column shows the annual imports (of goods and services) and borrowing.*
5. *Формально во Вьетнаме уже выданы инвестиционные лицензии на общую сумму около 30 млрд. долларов. В частности, выданы лицензии 14 иностранным компаниям²³ на создание автосборочных производств. Однако в 1996 году в СРВ продано лишь 5 тысяч автомашин местной сборки...* - *The Vietnamese government issued investment licenses totaling about \$30 billion... For example, 14 foreign companies were licensed to set up car assembly lines. But in 1996 Vietnam sold only 5,000 locally-made cars...*
6. *По межбанковскому рынку начали циркулировать «черные списки». В результате рынок «схлопнулся». – The inter-banking*

²³ В данном высказывании используется другой прием перевода – фактический субъект действия, выраженный косвенным (беспредложным) дополнением, стал подлежащим.

market started to circulate black lists, which then resulted in a market crash.

7. *В Китае, даже после его вступления в ВТО, запрещено создавать предприятия с долей иностранной собственности, превышающей пятьдесят процентов. А у нас они разрешены еще с горбачевских времен. – For example, China, even after its accession to the WTO, banned joint ventures with foreign ownership exceeding 50%, while Russia granted permission under Gorbachev.*
8. *В данном документе изложена достаточно убедительная и полная концепция социально-экономической реформы, где предлагается политика государства, согласованная по различным направлениям. – The document sets forth a rather convincing and comprehensive concept of the social economic reform, which suggests that the government policy should be coordinated in various directions.*
9. *Вчера на заседании FATF на уровне министров было принято решение о продлении мандата еще на восемь лет – до 2012 года. – Yesterday the ministerial FATF meeting took the decision to extend the mandate for eight more years – up to 2012.*
10. *В России в качестве прототипов казначейских векселей были выпущены краткосрочные ГКО (государственные краткосрочные облигации), облигаций – среднесрочные ОФЗ (облигации федерального займа). – The Russian government issued its own version of treasury securities: government short-term bonds (GKO) similar to treasury bills, and federal loan bonds (OFZ) similar to treasury bonds.*
11. *В президентском Послании декларируются правильные задачи, например, достижение высоких темпов экономического роста... -*

the Presidential message sets out the right goals, for example, achieving high rates of economic growth...

Упражнение 4. Перевод делаем с темой, выраженной обстоятельством места. Изменение семантики глагола при помощи лексико-семантических замен (метонимических преобразований).

Задание: Проанализируйте, какой прием был использован при переводе данных примеров с темой, выраженной обстоятельством.

1. В настоящее время в Российской Федерации действует налоговая система, допускающая до 48 видов налогов. – At present *the Russian Federation has* the taxation system with up to 48 different taxes.
2. Особое место в программе занимают уроки «финансовых пирамид»: «...в 1995 – 1997 годах будет создана система страхования вкладов населения». – *The Program also makes a focus on the impact of the financial pyramids collapse* (“1995 to 1997 will see the establishment of the individual deposits insurance system / the government will put in place the individual deposits insurance system).
3. 6 – 7 февраля в городке Бока Ратон (Флорида) пройдет встреча министров финансов стран «Большой семерки». – On February 6-7, *the town of Boca Raton (Florida) will be hosting* a G7 summit of finance ministers.
4. В 1997 году на долю непрямого маркетинга пришлось всего 3,9% от общего объема российского рекламного рынка. – In 1997 *indirect marketing accounted for* only 3.9% of the total Russian advertising market.

5. В любой стране со стабильной экономикой на крупные предприятия *приходится* удивительно небольшая доля ВВП. - In fact, in any stable nation, big business *accounts for* a surprisingly small amount of the GDP.
6. Сейчас в *PwC* работают 125 000 человек (в России – около 1000), компания имеет офисы в 142 странах и доход более \$13 млрд. в год. – *PwC* currently *employs* about 125,000 people (1,000 in Russia), with offices in 142 and earnings of more than \$13 billion.
7. На прошлой неделе в *Москве* произошло событие, ставшее фактически знаковым для всего российского банковского сектора, переживающего этим летом проблему взаимного недоверия и паники. – Last week *Moscow* *witnessed* an event that has become rather symbolic for the whole Russian banking sector, which has been through a wave of mutual distrust and panic this summer.
8. Почти на всех аукционах был ажиотажный спрос, указывают аналитики банка «Зенит», и в результате рынок забыл о премии за первичное размещение. – *Zenit Bank* analysts say that *nearly all auctions can boast* exceptional levels of demand, and as a result the market has forgotten about the IPO premium.
9. В России *гостит* миссия Международной группы по борьбе с отмыванием денег. Цена вопроса – оставить Россию в черном списке стран, не борющихся с финансовыми прачечными, или пообещать скорое исключение. – *Russia is hosting* a FATF mission that will decide whether Russia should remain on the black list of countries unwilling to fight against money laundering.
10. До недавнего времени и в России, и на Западе было резко отрицательное отношение к олигархам – крупным бизнесменам, нажившим с помощью тогдашнего российского руководства

большие состояния и заявлявшим претензии на участие в формировании государственной политики, причем небескорыстно. – Until recently *both Russia and Western countries displayed very negative attitudes* towards oligarchs, businessmen who had made huge fortunes with the help of the-then Russian government.

11. В компании KPMG в России, которая является частью всемирной сети KPMG, сформирована команда специалистов мирового уровня, использующих для работы с российскими клиентами знания, накопленные сотрудниками во всем мире для того, чтобы предоставлять профессиональные услуги в следующих областях... - KPMG Russia, part of the global KPMG network, *selected* a team of world-class specialists who tap into the expertise and experience accumulated by KPMG worldwide to provide professional services to their Russian clients in the following areas...
12. (Налоговая система, действующая в России в настоящее время, сформировалась к началу 1992 года). Но уже к середине 1992 года и в последующие годы *в нее были внесены* существенные изменения. Появились новые виды налогов, а существующие были изменены. – (Russia's current taxation system was established in the early 1990s). In mid-1992 and the following years *it saw* considerable amendments and alterations: some taxes were abolished and new ones introduced.

- **Тема, выраженная обстоятельством причины**

В английском языке причинно-следственные отношения выражаются на лексическом уровне такими глаголами как *to cause, to lead*

*to, to bring about, to spark, to result in/from, to trigger (off), to provoke*²⁴ и др. В русском языке эти отношения выражаются сложными предлогами *из-за, в результате, по причине, за счет* и т.д. + глагол-связка типа *произойти*, а также глаголами причинно-следственной связи, типа *привести к чему-либо, вызвать и т.д.* Например: ***Из-за*** корпоративных скандалов и обвала акций интернет-компаний ***произошло*** резкое падение инвестиций. – *Corporate scandals and the Internet companies' stocks collapse triggered/caused a drastic drop in investments.*

Упражнение 5. Перевод дирем с темой, выраженной обстоятельством причины.

Задание: Проанализируйте, какой прием был использован при переводе данных примеров с темой, выраженной обстоятельством причины.

1. *С изменением общественных отношений появилась* потребность в ином подходе к формированию государственного бюджета. Пришлось отказаться и от основополагающих понятий экономики социализма. – *Changes in social and economic relations gave rise to a need for another approach to drafting the state budget, and forced us to abandon the fundamental concepts of a socialist economy.*
2. (Паника и кризис недоверия привели к очередям вкладчиков, желающих забрать свои деньги из «Гута-банка», одного из 30-ти крупнейших банков России). *После этого началась «осада»* офисов «Альфа-банка», который был вынужден на время ввести фактически 10-процентный штраф за закрытие счета. – (The panic and confidence crisis/credibility gap led to runs on *Guta Bank*, among

²⁴ Глаголы *to trigger, to provoke* часто сочетаются с существительными, обозначающими негативные явления.

the thirty largest banks in Russia). *This, in turn, provoked a siege of Alfa Bank, which had to impose a 10% fine on every deposit account closed ahead of schedule.*

3. Структурные реформы экономики, сокращение социальных льгот и реформа системы государственного управления – болезненный и тяжелый процесс, *при котором неизбежно произошло бы снижение популярности.* – Economic restructuring, cuts in social benefits and public administration reform is a painful process, *which would inevitably lead to a decrease of the President's popularity.*
4. *По мере роста доходов растут и сбережения...* - *Income growth propels a rise in savings...*
5. Как только начались осложнения взаимоотношений с Грузией, иностранцы начали продавать российские активы. Но резиденты продавали их еще быстрее и *пошел принцип домино.* – As soon as the relations with Georgia worsened, foreigners began to sell Russian assets. But residents were selling them even faster and *that triggered a domino/knock-on effect.*
6. Японские фирмы повезли туда оборудование и технологии, обучили китайских специалистов, *в результате чего поднялась не только японская, но и местная экономика.* – Japanese companies brought the equipment and new technologies to the country and trained Chinese specialists, *which resulted in the economic recovery of both Japan and China.*
7. *При такой динамике развития банковского баланса происходит разрыв между активами и пассивами, то есть кризис ликвидности.* – *Those trends in the banking balance sheet result in a gap between the assets and liabilities, that is, in a liquidity crisis.*
8. *Из-за ослабления рубля развился натуральный обмен между предприятиями, обозначился возврат к примитивной меновой*

торговле – *Inflation has triggered off barter; the most primitive form of trade.* (Пример Е.В. Бреуса).

- **Тема, выраженная прямым/косвенным (предложным/беспредложным) дополнением:**

При переводе высказываний с темой, выраженной дополнениями, используется Passive Voice, глаголы типа *to have, to need* и др.

Например:

1. *России нужно некоторое количество сильных, крупных универсальных банков, нужны иностранные банки, которые приносят управленческие и банковские технологии, нужны и небольшие банки, которые обслуживают нишевые секторы, регионы, мелкие и средние компании.* – ***Russia needs a certain number of large strong universal banks; it also needs foreign banks that bring management and banking know-how; and it needs small banks that can serve the niche sectors, regions and small and medium-sized businesses.***
2. *Акции «ЮКОСа» весь день продавали наиболее нервные инвесторы, а вечером скупали российские спекулянты, пытаясь нажиться на дневных колебаниях.* – ***Throughout the day the YUKOS shares were sold by the most nervous investors and by the evening they were bought out by speculators who tried to make gains on the day's trade fluctuations.***

Упражнение 6. Перевод директ с темой, выраженной прямым дополнением.

Задание: Проанализируйте, какой прием был использован при переводе данных примеров с темой, выраженной прямым дополнением. Обратите внимание на использование Passive Voice.

1. В этих условиях инициативу взял на себя все тот же «Инвестторгбанк». 6 июня в Президент-отеле он собрал представителей 92 банков для обсуждения ситуации. – (In these conditions) *the initiatives were again launched by Investtorgbank. On June 6 the President-Hotel hosted a meeting of 92 bank representatives, who gathered to discuss the situation.*
2. Интересную схему игры на акциях «ЮКОСа», которую в последнее время взяли на вооружение российские спекулянты, подметил главный стратег «Альфа-банка» Кристофер Уиффер. – According to Christopher Whiffer, chief strategist at *Alfa-Bank, an inventive speculative scheme involving YUKOS shares has been devised* by stock market players.
3. (Министерство юстиции США объявило на минувшей неделе о создании специальной рабочей группы для расследования дела Enron. – The US Department of Justice said in a statement last week that it would set up a special working group to investigate the Enron case). *Свое расследование ведет* также Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC). *An investigation is also being conducted* by the Securities and Exchange Commission (SEC).
4. *Financial Accounting Standards Board* (американский орган, устанавливающий стандарты бухгалтерской отчетности) *возглавляет* британский дипломированный бухгалтер – это позволяет оценить ситуацию под другим углом. – *The Financial Accounting Standards Board is headed by a British chartered accountant: this means the situation can be viewed from a different perspective.*